АЛЬМАНАХЪ ГРИФЪ

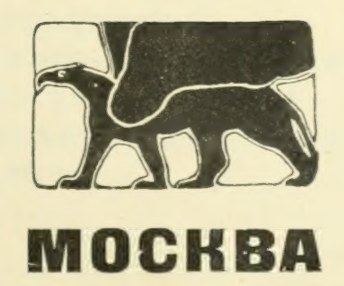
1903 1913

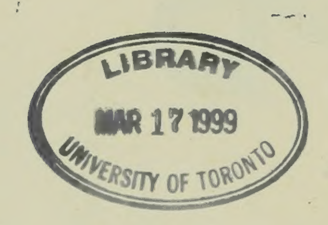
МОСКВА

АЛЬМАНАХЪ ГРИФЪ

1903 **1913**

МОСКВА

УЧАСТВУЮТЪ:

† И. Ѳ. АННЕНСКІЙ
АРАТОВЪ (Н. Я. АБРАМОВИЧЪ)
СЕРГѢЙ АУСЛЕНДЕРЪ
К. Д. БАЛЬМОНТЪ
АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ
АЛЕКСАНДРЪ БРЮСОВЪ
ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ
АНДРЕЙ БѢЛЫЙ
А. ВИЛЬКИНА
МАКСИМИЛІАНЪ ВОЛОШИНЪ
† ВИКТОРЪ ГОФМАНЪ
АЛЕКСАНДРЪ ДІЕСПЕРОВЪ
ВЯЧЕСЛАВЪ ИВАНОВЪ
АЛ. КОНДРАТЬЕВЪ
СЕРГѢЙ КРЕЧЕТОВЪ
ВЛАДИМІРЪ ЛИНДЕНБАУМЪ
А. МИРОПОЛЬСКІЙ
ИВАНЪ НОВИКОВЪ
НИНА ПЕТРОВСКАЯ
НИКОЛАЙ ПОЯРКОВЪ
А. М. РЕМИЗОВЪ
БОРИСЪ САДОВСКОЙ
ѲЕДОРЪ СОЛОГУБЪ
ВИКТОРЪ СТРАЖЕВЪ
ИГОРЬ СѢВЕРЯНИНЪ
АЛЕКСАНДРЪ ТИНЯКОВЪ (ОДИНОКІЙ)
ГР. АЛЕКСѢЙ Н. ТОЛСТОЙ
ВЛАДИСЛАВЪ ХОДАСЕВИЧЪ
Е. ЯНТАРЕВЪ

ИЗДАНІЕ НАПЕЧАТАНО ВЪ 1914 ГОДУ, ВЪ ТИПОГРАФІИ В. М. САБЛИНА, ВЪ КОЛИЧЕСТВѢ 570 НУМЕРОВАННЫХЪ ЭКЗЕМПЛЯРОВЪ.

№ 568.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Десять лѣтъ назадъ, въ 1903 году, когда выходилъ первый Альманахъ Грифа, новая русская литература была недавно возникшей и яростно гонимой религіей. Въ странѣ, гдѣ утилитарное пониманіе задачъ искусства царило такъ долго, провозглашеніе его не служебнымъ, а самоцѣннымъ и признаніе его символической сущности были встрѣчены, какъ безуміе, если не какъ преступленіе. И для немноголюднаго тогда новаго литературнаго лагеря, сомкнувшагося въ нѣсколько тѣсныхъ группъ, весь міръ казался однимъ враждебно бушующимъ океаномъ. Но тѣ, кто вѣрили, только закалялись въ борьбѣ. Мы, пережившіе тѣ дни, не забудемъ того весенняго горѣнія души, того благоговѣйнаго трепета, той чистой и вдохновенной радости, въ которыхъ рождалось новое творчество.

Вѣра не осталась безплодной. Умножались защитники, правда лозунговъ, вчера отвергаемыхъ, побѣдительно проникала въ общественное сознаніе, крѣпла и росла, и мы въ правѣ утверждать, что настоящее русской литературы окрашено насквозь тѣми идеями, во имя которыхъ когда-то, въ ряду немногихъ органовъ печати, выступилъ „Грифъ".

Въ эти годы борьбы и достиженій, въ мѣрѣ своихъ силъ, „Грифъ" не былъ въ сторонѣ. Группа „Грифа" вліяла активно на возникновеніе и дѣятельность нѣсколькихъ памятныхъ въ исторіи новаго искусства журналовъ („Искусство", „Золотое Руно", „Перевалъ"), и „Грифъ" счастливъ сознаніемъ, что онъ — нерѣдко первый, нерѣдко одинъ изъ первыхъ — издавалъ отдѣльными книгами и печаталъ въ своихъ Альманахахъ произведенія многихъ изъ тѣхъ писателей, которые теперь занимаютъ опредѣленное и почетное мѣсто въ русской литературѣ.

Десять лѣтъ существованія—время, быть можетъ, и не слишкомъ большое для литературнаго органа, но мы считаемъ себя въ правѣ, выпуская настоящій Альманахъ, ознаменовать этимъ дату 1903—1913 потому, что десятилѣтіе, въ которомъ протекала

работа „Грифа“, по глубинѣ и напряженности происшедшаго литературнаго перелома, поистинѣ стоитъ бо̀льшаго срока.

Въ Альманахѣ представлены почти всѣ писатели, издававшіе въ „Грифѣ“ свои книги или принимавшіе участіе въ его прежнихъ Альманахахъ. Въ концѣ Альманаха приложенъ библіографическій перечень ихъ книгъ.

Вступая во второе десятилѣтіе своей дѣятельности, „Грифъ“ смотритъ впередъ со спокойной увѣренностью. Не исчерпана область исканій, и на всякій зовъ подлиннаго, неложнаго искусства „Грифъ“ всегда откликнется радостно.

„ГРИФЪ“.

Нѣтъ, мнѣ не жаль цвѣтка, когда его сорвали,
Чтобъ онъ завялъ въ моемъ сверкающемъ бокалѣ.
Сыпучей черноты межъ розовыхъ червей,
Откуда вырванъ онъ... что можетъ быть мертвѣй?

И нѣжныхъ глазъ моихъ миражною мечтою
Неужто я пятна багроваго не стóю,
Пятна, горящаго въ пустынѣ голубой,
Чтобъ каждый чувствовалъ себя однимъ собой?

Увы, и та мечта, которая соткала
Томленіе цвѣтка съ сверканіемъ бокала,
Погибнетъ вмѣстѣ съ нимъ, припавъ къ его стеблю,
Ужъ я забылъ ее — другую я люблю...
Кому-то новое готовлю и страданье,
Когда не всѣ мечты лишь скука выжиданья.

*

Погасла послѣдняя краска —
Какъ шепотъ въ полночной мольбѣ...
Что надо, безумная сказка,
Отъ этого сердца тебѣ?
Мои ли безъ счета и мѣры
По снѣгу не тяжки концы?
Мнѣ ль дали пустыя не сѣры?
Не тускло звенятъ бубенцы?
Но ты-то зачѣмъ такъ глубоко
Двоишься, о сердце мое?

Я знаю — она далеко
И чувствую близость ея.
Ужъ вотъ они, снѣжные дымы,
Съ нихъ глазъ я свести не могу
Сейчасъ разминуться должны мы
На бѣломъ, но мертвомъ снѣгу
Сейчасъ кто-то сани намъ сцѣпитъ
И снова расцѣпитъ безъ словъ.
На мигъ, но томительный лепетъ
Сольется для насъ бубенцовъ...

. . . .

Онъ слился,— но больше другъ друга
Мы въ тусклую ночь не найдемъ...
Въ тоскѣ безысходнаго круга
Влачусь я постылымъ путемъ.

. . . .

Погасла послѣдняя краска,
Какъ шепотъ въ полночной мольбѣ...
Что надо, безумная сказка,
Отъ этого сердца тебѣ?

ИЗЪ СТАРЫХЪ ТЕТРАДЕЙ.

На берегахъ жизни.

Подъ вѣтромъ холоднымъ и влажнымъ
Стоялъ я нагой.
У ногъ моихъ съ рокотомъ гулко-протяжнымъ
Вздымался прибой.
Даль блѣдно зарею вечерней свѣтлѣла,
А вѣтеръ взмывалъ
И влажно-холодною ризою тѣло
Мое обвѣвалъ.

Отъ сѣвера дальняго вѣтеръ холодный
Сюда прилеталъ,
Гдѣ я передъ этой пустыней свободной
Душой изнывалъ,
И гдѣ этой свѣжести влажной прохлада,
Дыханье морей —
Казались надеждой, казались отрадой
Всей жизни моей.

Проснулась жизнь. Трава зазеленѣла,
Вода синѣетъ мягкой глубиной.
Открылась даль, свѣтлѣя, безъ предѣла
И налилась прозрачной синевой.

Надъ моремъ — свѣтъ. И тихо льдины таютъ.
По гранямъ струйки льются и журчатъ.
Тепло лучей лицо мое ласкаетъ.
Пойдемъ, пойдемъ — куда глаза глядятъ...

Сергѣй Ауслендеръ

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ БАРОНА ФОНЪ-КИРИЛОВА.

РАЗСКАЗЪ.

Нѣжно прозвенѣли куранты, семь разъ склонился томный пастушокъ къ фарфоровой возлюбленной своей, по хитрой выдумкѣ гамбургскаго механика каждый часъ обозначая поцѣлуемъ. Поднявъ глаза, меланхолически наблюдалъ знакомую сцену баронъ фонъ-Кириловъ, и, когда опять возвратился пастушокъ въ свою бронзовую хижину, баронъ вздохнулъ, и тоненькимъ голосомъ аккомпанируя себѣ на разбитыхъ клавессинахъ, запѣлъ:

„Птичка вылетаетъ,
Любовь возвращаетъ,
— Ахъ, гдѣ найти подругу,
Чѣмъ разогнать любовную скуку?"

Выходило не слишкомъ складно, но трогательно. Слабость имѣлъ юный баронъ къ сочиненію нѣжныхъ стишковъ, чѣмъ въ немалое огорченіе приводилъ свою матушку, баронессу Марію Петровну фонъ-Кирилову.

Впрочемъ не только стихами огорчалъ онъ свою почтенную матушку. Многое въ характерѣ и привычкахъ барона безпокоило Марію Петровну. Былъ онъ вполнѣ здоровъ, лицомъ румянъ, но любилъ слишкомъ уединеніе и въ тихой меланхоліи цѣлыми часами обрѣтался, несмотря на свои шестнадцать лѣтъ чуждался всякихъ увеселеній, былъ тихъ и застѣнчивъ. Все это смущало и озабочивало баронессу, мечтавшую для сына о блестящей карьерѣ.

[illegible]

креслѣ, пила брусничную воду, и, вздыхая, выслушивала, что [illegible] и главный сов‍ѣтчикъ во всѣхъ сложныхъ дѣлахъ.

— На [illegible]
Кушаютъ исправно, излишествомъ иной разъ причиняя себѣ легкое недомоганіе. Къ занятіямъ склонность имѣютъ, въ шалостяхъ не замѣчены. Но...—Еремѣичъ откашлялся:—Къ женскому естеству смущеніе и робость обнаруживаютъ. Какъ не разъ вамъ, государыня милостивѣйшая, докладывалъ, отъ робости сей и меланхолія прискорбная происходитъ, коя столь справедливо безпокоить вашу милость изволитъ.

— Ахъ, и не говори, Еремѣичъ,—скорбно заговорила баронесса.—Ума не приложу, какъ въ сей оказіи поступить? Другихъ удерживать строгостью нужно, а онъ будто малый ребенокъ, только голубей кормить, да на клавессинахъ бренчать. Женить бы его, да пары достойной нѣтъ, къ тому же развѣ съ молодой женой обойтись бы сумѣлъ? Ахъ, Еремѣичъ, ночи, повѣришь, не сплю, все о предметѣ семъ раздумываю. Вотъ ужъ по истинѣ, съ большимъ дитятей и заботы большія. Ты бы мнѣ капель далъ, что ли, для успокоенія мыслей.

— Каплей, государыня, дать можно, но дабы причины огорченія устранить, тонко обдумать все слѣдуетъ и дѣйствовать съ осторожностью и рѣшимостью.

Многозначительный видъ Еремѣича даже нѣсколько устрашилъ баронессу и не безъ тревоги она спросила:

— Какъ же дѣйствовать ты предполагаешь?

— Ежели дозволено будетъ высказать мнѣ свой планъ, такъ вотъ онъ каковъ. Съ одной стороны, вы, государыня милостивѣйшая, соизволите побезпокоить себя и его милости высказать, что не токмо не огорчитъ васъ, но даже порадуетъ, коли найдетъ себѣ нѣкую утѣху. Съ другой же, я свои мѣры приму. Есть въ дворнѣ дѣвка Лушка. Оную дѣвку можно было бы какъ должно наставить, къ тому же замѣчено мною было, что не противна она его милости и, когда на Троицу изволилъ въ играхъ участіе принимать на лугу, ни кого другого, какъ Лушку до трехъ разъ его милость выбрали, что примѣчено всей дворней было.

— Ахъ, зазорно все, что говоришь ты, Еремѣичъ, и слѣдъ ли матери въ такія дѣла вникать,—качала головой баронесса, но пораздумавъ, отпивъ воды брусничной, спросила:

— А какая изъ себя Лушка сія будетъ?

— Отмѣнная дѣвка, позволю себѣ аттестовать, и красотой, и

крѣпостью вышла изрядно. Не смѣлъ бы о недостойной и слова вымолвить.

Видя нерѣшительность и даже смятеніе баронессы, журчащимъ голосомъ змія-соблазнителя заговорилъ Еремѣичъ, голову низко склоняя:

— Не мудро ли будетъ, государыня милостивѣйшая, вмѣсто того, чтобы случайностямъ пагубнымъ юное сердце предоставлять, самимъ заботу взять и на должное направить. Что же до зазорности, такъ вѣдь не о себѣ печемся, а о счастіи дитяти.

Долго еще говорилъ Еремѣичъ; только вздыхала баронесса, маленькими глотками отпивая брусничной воды изъ своего стакана.

Баронъ же между тѣмъ, окончивъ свою игру, всталъ и, взявъ шляпу и трость, вышелъ на обычную свою вечернюю прогулку.

Узкой тропинкой шелъ онъ по коноплянику къ рѣчкѣ. Садилось солнце, желтѣли пригорки налившейся ржи, съ пѣснями возвращались поселяне съ работъ и стадо пылило по большой дорогѣ.

Съ тихой меланхоліей наблюдалъ сей прелестный пейзажъ баронъ. Постоявъ, осмотрѣлъ просторъ полей плавно колыхавшихся, далекую бѣлую церковку, синій боръ на горѣ, мельницу и, помахивая тростью, медленно пошелъ дальше. Вздыхалъ и оглядывался все тревожнѣе, чѣмъ ближе подходилъ къ рѣчкѣ.

Густыми кустами ракитника поросли берега рѣчки и узкая тропинка едва пробивалась между цѣпкой зеленью. И вотъ на небольшой полянкѣ у стога душистаго сѣна остановился баронъ. Онъ уже не наблюдалъ красотъ природы, вьющейся между вѣтками видной рѣки, голубого неба съ алыми отсвѣтами близкаго захода, не вдыхалъ аромата травъ; онъ, несомнѣнно ожидалъ кого-то, ожидалъ боязливо и смущенно.

Быстрые раздались шаги по тропинкѣ, и мелькнувъ желтымъ сарафаномъ и голубымъ платкомъ, выбѣжала на полянку съ другой стороны,—нѣтъ, ни Сильфида, ни Нимфа, а босоногая раскраснѣвшаяся Лушка.

Не совралъ Еремѣичъ: красотой и крѣпостью взяла дѣвка. Такая плотная, грудастая, съ лицомъ румянымъ, глазами веселыми и плутоватыми, губами какъ малина, что на гулянкѣ рѣдкій парень могъ удержаться, чтобы не ущипнуть или не хлопнуть по спинѣ, а ежели встрѣтиться гдѣ въ переулкѣ, то какъ не прижать къ забору, да не расцѣловать. Ну, да Лушка маху не дастъ, коли не по нраву пришелся—такъ ковырнетъ, что на ногахъ не удержишься.

Не совралъ Еремѣичъ также, что еще на Троицу приглянулась она его милости, ну а о томъ, что едва ли не каждый день подъ вечеръ не то случайно, не то по уговору встрѣчаются они

[illegible]

[illegible]нулся, будто не румяную, улыбающуюся дѣвку увидѣлъ, а таин-[illegible]

[illegible] первая заговорила:

— [illegible] ближе домой добѣжать, а Вашей милости, знать, по нраву при-[illegible]

Нѣсколько минутъ [illegible] друга и, наконецъ, собравшись съ духомъ, сказалъ или вѣрнѣе простоналъ баронъ:

— О, не знаешь, ты, какой сладкой горестью наполняютъ меня эти встрѣчи.

— Чѣмъ же прогнѣвила Вашу милость, чѣмъ не угодила, пошто горевать изволите? Прикажите рабѣ послушной и все исполнитъ,—съ притворнымъ смущеніемъ отвѣчала Лушка, опуская глаза и изъ-подъ черныхъ рѣсницъ лукавыя стрѣлы пуская.

— Ахъ, не ты огорчила меня. Ты токмо радость сердцу принесла и впервые заставила его биться невѣдомымъ чувствомъ. Зачѣмъ не бѣдный поселянинъ я, зачѣмъ не въ Аркадіи мы беззаботные пастушки. Что бы тогда помѣшать намъ могло соединить наши руки. А нынѣ, какъ матушку рѣшусь огорчить, какъ скажу ей.

— [illegible] ческую рѣчь барона, но тотъ, не отвѣтивъ, продолжалъ:

— Въ гробъ бы свелъ ее, предразсужденія неравенства нарушивъ. Лучше бы не встрѣчаться намъ вовсе. Хотя нѣтъ, забуду ли тотъ счастливый день, когда первый взглядъ мой на тебѣ остановился, счастливый и вмѣстѣ гибельный день. Теперь же пришелъ я тебѣ сказать, что лучше намъ и не видѣться. Встрѣчи тайныя обнаружены могутъ быть, а исхода изъ бѣдственнаго положенія нашего нѣтъ. Прощай же, Луша, прощай первая чистѣйшая любовь моего сердца, коя неизцѣлимую рану на всю жизнь въ немъ оставитъ.

Баронъ хотѣлъ что-то сказать, но всхлипнулъ, повернулся и, закрывъ глаза руками, быстро сталъ удаляться.

Лушка же постояла въ раздумьи, досадливо махнула рукой и побѣжала близкой тропой прямо въ усадьбу, такъ какъ должна была о каждомъ свиданіи, не принесшимъ до сихъ поръ никакихъ плодовъ, доносить Еремѣичу.

Къ ужину баронъ опоздалъ, чего ранѣе никогда съ нимъ не случалось, и таковъ видъ его былъ необычаенъ, что почти съ ужасомъ воскликнула баронесса:

— Что съ тобой, другъ мой?

— Ахъ,—вздохнулъ баронъ и почти упалъ на стулъ. Только испробовавъ поросенка съ кашей, нѣсколько оправился баронъ и промолвилъ:

— Не безпокойтесь, дражайшая маменька. Нѣтъ такой жертвы которую не перенесъ бы для Васъ нѣжно любящій сынъ.

— О чемъ толкуешь ты, понять не могу,—съ тревогой спрашивала баронесса и потомъ, вспомнивъ наставленія Еремѣича, заговорила:

— Другъ мой, знаю, что любишь меня преданно, но огорчаетъ меня меланхолическій нравъ твой. Тебѣ ли въ молодости, въ достаткѣ предаваться унынію. Отчего не найдешь забавы себѣ? Молодости свойственно веселье, иной разъ шалости, а ты всегда одинъ и печаленъ. Что съ тобой? Почему не откроешься мнѣ?

Баронъ вздохнулъ, отодвинулъ тарелку и опустилъ голову.

— Ужели ничто не прельщаетъ тебя столь свойственное юному возрасту? Набралъ бы изъ дворни парней и дѣвокъ. Пѣсни бы пѣть приказалъ, а ежели бы приглянулся кто!..

Тутъ баронесса закашлялась и смолкла, а баронъ, вспыхнувъ и съ слезами на глазахъ, дрожащимъ голосомъ вымолвилъ:

— Неужто до Васъ дошли недостойные слухи? Неужто не повѣрите мнѣ, что если бы недозволенное чувство и прокралось въ сердце, такъ не позволилъ бы себѣ огорчить Васъ недостойнымъ поведеніемъ?

При этихъ словахъ баронъ всталъ изъ-за стола, поцѣловалъ матушкину руку и удалился на свою половину, оставивъ баронессу въ немаломъ недоумѣніи.

Продолжая тяжко вздыхать, вошелъ баронъ въ свою комнату, погруженный въ мрачное смятеніе, опустился въ кресло и поставилъ ногу на скамеечку, дабы Филька-казачекъ растегнулъ туфли и приступилъ къ ночному туалету барона.

Каково же было не только изумленіе, но прямой ужасъ барона, когда вмѣсто стриженаго затылка Фильки у своихъ ногъ увидѣлъ бѣлокурыя косы Лушки, которая, ставъ на колѣни передъ кресломъ, растегивала пряжку баронской туфли.

— Какъ рѣшилась ты—воскликнулъ баронъ фонъ-Кириловъ не своимъ голосомъ: — скорѣй, скорѣй бѣги отсюда. Иначе мы погибли.

Онъ вскочилъ и бросился къ двери, но, увы, въ ту же секунду зазвенѣлъ замокъ—кто-то заперъ снаружи дверь.

Какъ безумный, метался баронъ по комнатѣ, а Лушка сидѣла на полу и безъ малѣйшаго смущенія и страха смотрѣла на барона.

— [illegible] говорилъ тебѣ, а онъ [illegible]
Зачѣмъ же [illegible]? [illegible]
— Кой [illegible] ты на такую дерзость?— [illegible] баронъ [illegible] спокойствіемъ [illegible] и [illegible].
— Въ полюбовницы къ вамъ [illegible] Сами, Павелъ Кри[illegible] [illegible] и приказали,— сказала она съ [illegible]
— Какъ?— баронъ даже сѣлъ на кровать отъ изумленія.
— Да и отъ барыни на то приказъ [illegible],— отвѣчала Луша.

— Луша, Луша! что ты говоришь, какой позоръ, какъ поруганы чувства наши чистыя,— восклицалъ баронъ, а Луша, подползя по полу къ кровати, обнимала ноги несчастнаго [illegible] и вкрадчиво шептала:

— Какой же позоръ. Счастье-то какое. Такъ угождать вамъ буду, а отъ барыни подарки; вся дворня Лукерьей Спиридоновной величать будетъ, а ужъ я-то васъ такъ утѣшу, такъ утѣшу. Довольны останетесь. Нельзя же воли маменькиной противиться, а онѣ, видя печаль вашу, сжалились и осчастливить насъ изволили. Поцѣлуйте ручку.

Она уже цѣловала руку безпомощно повисшую, снимала туфли и ловче Фильки справилась съ прочей одеждой, все время ласково приговаривая. Баронъ молчалъ, не переставая тяжко вздыхать. Потомъ, быстро скинувъ съ себя сарафанъ, Лушка задула свѣчу и, прижимая голыми руками къ пышной груди своей огорченнаго все еще чѣмъ-то любовника, шептала:

— Развѣ не говорилъ, что любишь, такъ что же не по[illegible]

На другое утро, встрѣтивъ по обычаю барона у дверей, Еремѣичъ пожелалъ добраго утра и, приложившись къ рукѣ, промолвилъ:

— Виноватъ я передъ Вашей милостью, не спросясь Фильку отослалъ и новаго слугу поставилъ Вамъ.

Баронъ вспыхнулъ, но все же не безъ шутливости отвѣтилъ:

— Ничего, Еремѣичъ, въ вину тебѣ не поставлю. Много усерд[illegible]

Когда же въ предвечерній часъ сѣлъ баронъ къ клавессинамъ, веселѣе запѣли ржавыя струны. Нѣжно прозвенѣли куранты и семь разъ склонялся томный пастушокъ къ фарфоровой возлюбленной своей и уже безъ всякой меланхоліи наблюдалъ ихъ любовную игру баронъ фонъ-Кириловъ.

5 октября 1913 г.
С.-Петербургъ.

К. Бальмонтъ.

ПЛАМЯ МІРА.

1.

Мы говоримъ, но мы не знаемъ,
Что̀ есть воистину любовь.
Но если ты овѣянъ раемъ,
Свое блаженство славословь.

И если взятъ ты поцѣлуемъ,
Что вотъ поетъ въ твоей мечтѣ,
Ликуй, — мы всѣ свѣтло ликуемъ,
Скользя на призрачной чертѣ.

И та черта вдвойнѣ прекрасна,
Затѣмъ, что таетъ, чуть представъ.
Весна — пожаръ, душа — всевластна,
Красивы зори въ морѣ травъ.

2.

Помню я, въ моей счастливой дѣтской
Пѣла птичка, не синичка, канареечка.
Я простой мальченка былъ, не свѣтскій,
Былъ звѣренкомъ, у звѣренка есть лазеечка.

Я смотрѣлъ на лучъ на половицѣ,
Какъ въ окнѣ онъ по-иному паутинится,
Какъ лампадка теплится въ божницѣ,
Какъ въ углу ручной мой ежъ лежитъ, щетинится.

Цѣлый міръ мнѣ [illegible]
Я зажмурюсь — свѣтъ въ глазахъ играетъ красками,
Пляшутъ искры, все во мнѣ загадка,
Каждый шорохъ шепчетъ тайну, манитъ сказками.

Тамъ въ саду жужжать не перестанутъ,
Точно струны, шмель тяжелый, пчелы съ осами.
Въ кладезь вѣчный миги эти канутъ,
Мѣсяцъ страсти встанетъ красный надъ утесами.

Правятъ міромъ страшныя Старухи,
И давно ужь не звенитъ мнѣ канареечка.
Но любилъ я такъ — какъ любятъ духи,
Ахъ ты, птичка солнцеличка, златофеечка!

3.

Тринадцать лѣтъ! Тринадцать лѣтъ!
Ужели это много?
Звучитъ напѣвъ, играетъ свѣтъ.
Узнать любовь въ тринадцать лѣтъ!
Скажите, ради Бога.

Тринадцать лѣтъ! Тринадцать лѣтъ!
Ужели это мало?
Вѣдь вдвое — жизнь, когда — поэтъ,
И вдвое — мысль, и вдвое — свѣтъ,
И пѣнье крови [illegible]

Товарищъ разъ пришелъ хмѣльной,
И не одинъ, а съ нею:—
Ее оставилъ онъ со мной,
Уйдя, зажегъ весну весной,
И вотъ [illegible]

Но кто-жъ та странная была,
Кого я обнялъ сладко?
Она была какъ мысль свѣтла,
Хоть прямо съ улицы пришла,
Гулящая солдатка.

Но вотъ, хоть мной утраченъ счетъ
Всѣхъ дрогнувшихъ со мною,
Все-жь стихъ мой вѣрный воспоетъ
Того, съ кѣмъ первый пилъ я медъ,
Кто далъ припасть мнѣ къ зною.

О, страхъ и сладость, — вдругъ упасть
Съ горы крутой, робѣя!
Восторгъ — впервые вѣдать страсть,
И цѣльнымъ быть, и быть какъ часть,
Тѣснѣй, еще тѣснѣе!

Достоинъ любящій — вѣнца,
И воленъ соколенокъ.
И съ нѣжной блѣдностью лица
Она шептала безъ конца: —
„Мой милый! Мой миленокъ!“

Тринадцать лѣтъ! Тринадцать лѣтъ!
Мы въ это время дѣти.
Но вотъ, чтобъ вѣдать этотъ свѣтъ,
Готовъ я встрѣтить пытку бѣдъ
Тринадцати столѣтій!

4.

Я узналъ твой тонкій очеркъ въ дни плѣнительные, —
Дни Іюня, мгла расцвѣта нѣжной рощи и сердецъ, —
Въ наши Сѣверные сумерки медлительные,
Я любилъ тебя, былъ юный, обожалъ и былъ пѣвецъ.

Кѣмъ была ты, чѣмъ была ты, чаровательница?
Тонкой дѣвушкой невинной, и блудницею ночей?
Что̀ ты пѣла? Что̀ ты смѣла, пламедательница?
Поцѣлуй въ твоемъ былъ взорѣ, поцѣлуй горячій, чей?

Вешній лѣсъ, еще застывшій, живъ подснѣжниками.
Снѣгъ растаетъ, съ днища праховъ пламя выброситъ цвѣты.
Намъ Судьба въ любви велѣла быть мятежниками.
Гдѣ бы ты мнѣ ни явилась, счастье можешь дать лишь ты!

Я издревле плавалъ въ безднахъ за сокровищами,
Уплывавшими въ мечтанье, въ посмѣянье кораблю.
Слава, смѣлый, путь избравшій — быть съ чудовищами!
Слава тайнѣ всѣхъ созвѣздій! Слава той, кого люблю!

[illegible]

Лишь между скалъ живетъ орелъ свободный,
Онъ долженъ быть свирѣпъ и одинокъ.
Но почему ревнивецъ благородный
Убить любовь, чтобъ сохранить свой рокъ,
Явивши міру ликъ страстей и стона,
Ножомъ убить себя? О, Дездемона!
Пусть мнѣ о томъ разскажетъ [illegible]

А если нѣтъ, — пускай разскажетъ Этна!
Падетъ въ солому искра незамѣтно,
Рубиномъ заиграетъ огонекъ,
Сгорятъ дома, пылаетъ вся столица,
Что строилъ милліонъ прилежныхъ рукъ,
И, въ заревѣ, все—шабашъ, рдяны лица,
Тысячелѣтье—лишь напрасный звукъ,
Строительство людей—лишь тѣнь, зарница.
Есть въ Книгѣ книгъ завѣтная страница,
Прочти,—стрѣла поетъ, ты взялъ свой лукъ.

Убійство и любовь такъ близко рядомъ,
Хоть двое иногда десятки лѣтъ
Живутъ, любя, и ни единымъ взглядомъ
Не предадутъ—въ нихъ сторожащій—[illegible]
И такъ умрутъ. [illegible] всей тайны [illegible]!

Въ лучисто-[illegible] спискѣ тѣхъ любимыхъ,
Которыя умѣли цѣловать,
Есть Клеопатра. На ея кровать
Прилегъ герой, чья жизнь—въ огнѣ и въ дымахъ
Сожженныхъ деревень и городовъ.
Еще герой. Мигъ страсти вѣчно новъ.
Еще, еще. Но кто же ты—волчица?
И твой дворецъ—игралищный вертепъ?
Кто скажетъ такъ, тотъ глупъ, и глухъ, и слѣпъ.
Коль въ мірѣ всемъ была когда царица,
Ей имя—Клеопатра, знакъ судебъ,
Съ кѣмъ ходъ столѣтій губящихъ содруженъ.
Ей лучшая блеснула изъ жемчужинъ,
И съ милымъ растворивъ ее въ винѣ,
Она сожгла на медленномъ огнѣ
Два сердца,—въ дымахъ нѣжныхъ благовоній,
Любовникъ лучшій, былъ сожженъ Антоній.

Но гдѣ, въ какомъ неистовомъ законѣ
Означено, что дьяволъ есть во мнѣ?
Вѣдь ангела люблю я при Лунѣ,
Для ангела сплетаю маргаритки,
Для ангела стихи свиваю въ свитки,
И ангела зову въ моемъ бреду,
Когда звѣздой въ любви пою звѣзду.
Но жадный я, и въ жадности упоренъ.
Неумолимъ. Всѣ хищники сердецъ—
Во мнѣ, во мнѣ. Мой ликъ ночной повторенъ,
Хотя изъ звѣздъ мой царственный вѣнецъ.

Гдѣ нѣтъ начала, не придетъ конецъ,
Разбѣгъ двухъ душъ неравенъ и неровенъ.
Но тамъ, гдѣ есть разорванность сердецъ,
Есть молнія, и въ срывахъ струнъ—Бетховенъ.

6.

Ты видалъ ли дождь осенній, ты слыхалъ ли, какъ шуршитъ онъ,
как змѣится безъ конца?
Темной ночью намъ не спится, ты слыхалъ ли темной ночью,
какъ струится дождь небесъ?
Ты считалъ ли, разскажи мнѣ, ты считалъ ли слезы сердца,
что не знаютъ слезъ лица?
Темной ночью ты узналъ ли, темной ночью, сколько въ сердцѣ
жгучихъ словъ и тьмы завѣсъ?

7.

Я былъ на охотѣ въ родимомъ болотѣ,
И выслѣдилъ пару я птицъ.
Красивы всѣ птицы въ веселомъ полетѣ,
Красивы и падая ницъ.

И вотъ я намѣтилъ, и въ жаждѣ добычи
Красивую птицу убилъ.
И тотчасъ же вздрогнулъ отъ жалобы птичей,
Къ повторности не было силъ.

А быстрая птица, той птицы подруга,
Совсѣмъ не боясь палача,
И все сокращая очерченность круга,
Летала, забвенно крича.

Мнѣ стало печально отъ [illegible] птицей,
    И [illegible] я [illegible] руки
Но сердце той птицы, [illegible] въ [illegible],
    Сцѣпило все сердце мое.

И вотъ, не воззвавши крылатаго друга,
    Понявъ, что убита любовь,
Красавица вѣтра, любимица Юга,
    На кровь опрокинула кровь.

Взнесенная птица, съ пронзительнымъ крикомъ,
    Сложила два бѣлыхъ крыла,
И пала близь друга,—въ молчаньи великомъ,
    Свободна, мертва, и свѣтла.

8.

Видѣніе, похожее на сказку:—
Въ степяхъ стада поспѣшныхъ антилопъ,
Съ волками вмѣстѣ, позабывъ опаску,
Бѣгутъ,—и мчитъ ихъ бѣшеный галопъ.

И между нихъ проворно вьются змѣи,
Но жалить—нѣтъ, не жалятъ никого,
Есть часъ,—забудешь всѣ свои затѣи,
И рядомъ врагъ, не чувствуешь его.

Превыше же звѣрей несутся птицы,
И тонетъ въ дымѣ—Солнца красный шаръ.
Кто гонитъ эти числа, вереницы?
Вся степь гудитъ. Въ огнѣ. Въ степяхъ—пожаръ.

Забывъ себя, утративъ ликъ всегдашній,
Живое убѣгаетъ отъ огня.
Но брошу домъ, прощусь съ родимой пашней,
Лишь ты приди, ласкай и жги меня.

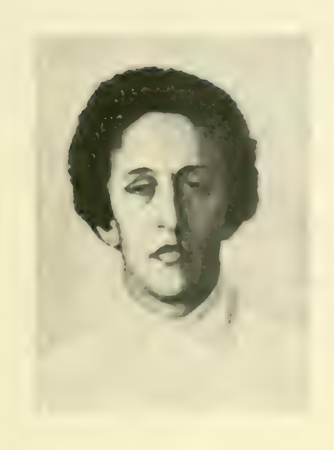
Насъ гонитъ всѣхъ огонь неизмѣримый,
И всѣ бѣгутъ, увидѣвъ страшный цвѣтъ.
Но я вступлю и въ пламени, и въ дымы,
Но я люблю всемірный пересвѣтъ.

Его постичь пытаться я не стану,
Чтобъ былъ огонь, онъ долженъ пѣть и жечь.
Я вѣрю солнцеликому обману,
Въ немъ правда дней, въ немъ божеская рѣчь.

И снова—Зло, и снова—звѣздность Блага,
Отъ грома бурь до сказки ручейка.
Во мнѣ пропѣла огненная влага,
Во мнѣ поютъ несчетные вѣка.

Земля съ Луной, въ неравномъ устремленьи,
Должны въ мірахъ любиться безъ конца.
Влюбленный, лишь въ томленьи и влюбленьи,
Пѣвецъ высотъ узнаетъ жизнь пѣвца.

И я опять—у кратера вулкана,
И я опять—близь нѣжнаго цвѣтка.
Сгорю. Сожгу. Сгорѣлъ. Въ душѣ—багряно.
Есть Фениксъ дней, что царствуетъ вѣка!

Александръ Блокъ.

ПОЛЕ ЗА ПЕТЕРБУРГОМЪ.

1.

Не Ты ль въ моихъ мечтахъ, пѣвучая, прошла
Надъ берегомъ Невы и за чертой столицъ?
Не Ты ли тайный страхъ сердечный совлекла
Съ отвагою мужей и съ нѣжностью дѣвицъ?

Ты пѣснью безъ конца растаяла въ снѣгахъ
И раннюю весну созвучно повторила.
Ты шла Звѣздою мнѣ, но шла въ дневныхъ лучахъ
И камни площадей и улицъ освѣтила.

Я долго жду Тебя. Онъ просіялъ, Твой свѣтъ,
И вдругъ изчезъ—въ далекіе туманы.
Я направляю взоръ въ таинственныя страны,
Тебя не вижу я,—и долго Бога нѣтъ.

Но вѣрю: Ты взойдешь, и вспыхнетъ сумракъ алый,
Смыкая тайный кругъ, въ движеньи запоздалый.

1901.

2.

За городомъ въ поляхъ весною воздухъ дышетъ.
Иду и трепещу въ предвѣстіи огня.
Тамъ, знаю, впереди—морскую зыбь колышетъ
Дыханье сумрака—она томитъ меня.

Я знаю, далеко — шумитъ, шумитъ столица.
Тамъ, въ сумракахъ весны, неугомонный зной.
О, скудныя сердца! Какъ безнадежны лица!
Не знавшіе весны тоскуютъ надъ собой.

А здѣсь, какъ память лѣтъ невинныхъ и великихъ,
Изъ сумрака зари — невѣдомые лики
И вѣчности далекіе огни...

Забудемъ дольній шумъ. Явись ко мнѣ безъ гнѣва,
Закатная, Таинственная Дѣва.
И завтра и вчера — огнемъ соедини.

1901.

Александръ Брюсовъ, (Alexander)

ВОЕННЫЯ ПѢСЕНКИ.

1.

ЧАСОВОЙ.

„Разлука, ты, разлука,
Чужая сторона".

Желѣзная рѣшетка;
Кругомъ не видно зги.
Увѣренно и четко
Звучатъ мои шаги.

Я помню вечеръ мая.
Душѣ страдать не въ мочь!..
Ходи вокругъ сарая,
Ходи и день, и ночь.

Весеннія зарницы,
Весенняя рѣка!..
Смыкаются рѣсницы,
Болитъ моя рука.

Ахъ, помню я, головка
Прижалась горячо!..
Проклятая винтовка
Нарѣзала плечо.

Минувшая измѣна.
Рѣка и ветхій мостъ!..
Еще не скоро смѣна
Придетъ на этотъ постъ.

Я помню вечеръ мая —
Душѣ страдать не въ мочь!..
Ходи вокругъ сарая,
Ходи и день, и ночь.

2.

НА ПЕРЕДНЕМЪ ПОЛѢ.

„Рота, смирно!"

Въ полѣ ротное ученье,
Повороты и равненье:
„Рота, смиррно! Рота... стой!"

Это, братъ, тебѣ не Бебель!
Ходитъ гоголемъ фельдфебель,
Неженатый, холостой.

Толстый унтеръ вдоль заборовъ
Гонитъ стадо вольноперовъ
И краснѣетъ, какъ кумачъ.

Все давнымъ-давно знакомо,
Отъ ружейнаго пріема
До тактическихъ задачъ.

3.

НАРУЖНЫЙ ДНЕВАЛЬНЫЙ.

У нелѣпой, пестрой будки,
Старый сторожъ, у воротъ,
Жду, когда минуютъ сутки
И закончится разводъ.

Промелькнулъ зеленый капоръ.
„Эй, товарищъ, не зѣвай!"
Увивается подпрапоръ,
Помогаетъ сѣсть въ трамвай.

Ночь. Морозитъ. Постъ нетрудный,
Да жестоко ноетъ зубъ.
Несмотря на запахъ нудный,
Молча, кутаюсь въ тулупъ.

Я смотрю на эти стѣны,
На скучающій дозоръ.
Полчаса еще до смѣны
Мнѣ стеречь пустынный дворъ.

Закурилъ бы папироску,
Да далеко лѣзть въ карманъ.
Словно въ каменную доску
Бьетъ въ казармахъ барабанъ.

Это значитъ, скоро кто-то,
Какъ сегодня и вчера,
Охранять придетъ ворота
Мнѣ на смѣну до утра.

4.

ЦЕРЕМОНІАЛЬНЫЙ МАРШЪ.

„Къ церемоніальному маршу...

Подъ звонкій маршъ изъ оперетки,
Подавшись корпусомъ впередъ,
Идемъ, живыя статуетки,
Сдавивъ прикладъ и стиснувъ ротъ.

Давно у всѣхъ натерты ноги,
А въ горлѣ жесткій пыльный комъ;
Но, какъ языческіе боги,
Стоятъ линейные съ значкомъ.

У всѣхъ воинственныя лица,
У всѣхъ одинъ привычный жестъ.
А сколько было „репертицій"?
А сколько сѣло подъ арестъ?

Изъ нихъ, быть можетъ, половина
И въ строй не встанетъ поутру;
Зато какая дисциплина!
Какой порядокъ на смотру!

5.

НА РАЗВѢДКАХЪ

Мы полземъ росистой нивой,
Мы полземъ густой травой;
„Тише! Мимо! Вдоль обрыва!“
А вверху, надъ головой,
Неподвижный и лѣнивый,
Тупо дремлетъ часовой.

„Стой! Держи!“ Шумитъ застава,
Замелькали огоньки;
Ищутъ, ищутъ: слѣва, справа
Блещутъ тонкіе штыки.

Все избѣгнуто счастливо;
Мы полземъ назадъ травой;
Вдоль опушки, вдоль обрыва,
А вверху надъ головой,
Неподвижный и лѣнивый,
Тупо дремлетъ часовой.

Вотъ прилизанный и чистый,
Ротный дремлетъ за избой.
И играютъ сигналисты
Заключительный отбой.

1912.

Валерій Брюсовъ

СВИДАНІЕ И РАЗЛУКА.

(изъ гете.)

Звалъ сердца стукъ: въ сѣдло скорѣе!
Помыслилъ — и помчался прочь.
Ложился вечеръ все темнѣе,
И на горахъ висѣла ночь.
Она туманомъ дубъ одѣла,
Титана, вставшаго на часъ,
Гдѣ изъ кустарника глядѣла
Тьма тысячами черныхъ глазъ.

Луна изъ-за высокой тучи
Смотрѣла, горестно блестя;
Чуть двигалъ крылья вѣтръ летучій,
Мнѣ въ уши жалобно свистя;
Мгла мчала призраковъ унылыхъ; —
Но свѣтъ мерцалъ мнѣ впереди.
Въ моихъ какое пламя жилахъ,
Въ моей какой восторгъ груди!

Предстала ты. Миръ неземного
Струилъ твой нѣжный взоръ, любя.
Всѣмъ сердцемъ былъ твоимъ я снова,
Мой каждый вздохъ былъ — для тебя!
Овѣянъ ликъ твой, дѣтски-строгій,
Весенней розовостью былъ
И нѣжностью... Ее, — о, боги! —
Я жаждалъ, но не заслужилъ!

Но, ахъ! [illegible] въ сверкающихъ,
И въ сердцѣ предъ разлукой — страхъ.
Въ твоихъ какой восторгъ лобзаніяхъ,
Въ твоихъ когда скорѣй, о ахъ!
Иду! Склонивъ, съ упорствомъ мнимымъ,
Взоръ, будешь ты за мной слѣдить:
Но что за счастье быть любимымъ,
Что, боги, за восторгъ — любить!

ОДА

(изъ Лафара.)

Анакреонъ, ты любъ былъ дѣвамъ,
Старикъ восьмидесяти лѣтъ,
И Грацій хоръ, плѣненъ напѣвомъ,
Тебя вѣнкомъ вѣнчалъ, поэтъ.

И Пиндаръ, лебедь Беотійскій,
Пройдя столѣтія предѣлъ,
То славилъ праздникъ Олимпійскій,
То о любви протяжно пѣлъ.

Софокла, старика сѣдого,
Вѣнчала, Мельпомена, ты.
Люблю смотрѣть, какъ старость снова
Срываетъ лавры и цвѣты.

И я кладу персты на лиру,
На Пиндѣ шагъ мой слышенъ вновь:
Свободу воспѣвалъ я міру,
И цѣпи пѣлъ твои, Любовь!

Въ дни юности слѣдилъ, Горацій,
Я съ робостью тропу твою.
Еще могу воспѣть я Грацій,
Еще героевъ я пою.

То воздыхаю я съ Тибулломъ,
То за Тиртеемъ пѣть хочу,
То, дерзостно, вслѣдъ за Катулломъ
Рой ядовитыхъ стрѣлъ мечу.

И пусть во взорахъ свѣтъ вечерній
Всѣ краски міра затемнилъ:
Зато я чуждъ надменной черни
И дружбѣ болѣе я милъ.

И снова я блаженъ и свѣтелъ,
Лишь Музы домъ мой посѣтятъ,
И вѣрю, что любовь я встрѣтилъ,
Лишь встрѣчу дѣвы нѣжный взглядъ.

Нѣтъ, не сведу съ Любви я взоры:
Всегда я ею упоенъ,
И подъ рукой иной Авроры
И я воскресну, какъ Тиѳонъ!

Андрей Белый.

* * *

Снѣговая блистаетъ роса...
Налила серебра на луга.
Жемчугами дрожатъ берега.
Въ свѣтоглазыхъ алмазахъ лѣса.

Мы съ тобой — надъ волной голубой.
Надъ волной — береговъ перебой;
И — червонное солнца кольцо,
И — твое огневое лицо...

* * *

Тебя съ востока мы
Идемъ встрѣчать туманъ...
Знаю — блеснешь изъ тьмы,
Рыцарь далекихъ странъ.

Слышу топотъ коней.
Зарей багрянѣетъ кустъ.
Слетаетъ изъ блѣдныхъ дней
Призывъ гремящихъ устъ.

Тяжелъ желѣзный крестъ.
Тяжела рукоять меча.
Въ туманъ окрестныхъ мѣстъ
Дымись, моя свѣча!

Знаю — въ года, въ вѣка,
Въ пустые эти края
Твоя стальная рука
Несетъ ударъ копья.

НАЧАЛО СТИХОТВОРЕНИЯ

Передо мной —
Лучей палящихъ пламень
И вѣтры времени
Съ величественныхъ зданій
Сгладываютъ камень.
Такъ въ комъ земной изъ дали,
Какъ въ нѣкія скрижали,
Ломая ихъ, упалъ за годомъ годъ.
Куда меня несетъ?..

О, иго испытаній —
Существованія
Мной порожденный плодъ!

Л. Вилькина.

СТРАННИЦА.

Мгновеніе—и вотъ ты близкій,
Ты—часъ назадъ еще чужой.
Цѣлую лобъ твой бѣлый, низкій
И говорю тебѣ: „ты“, „мой“.

Женѣ и Дамѣ—ей отрадно
Ни дамой, ни женою быть,
Двѣ страсти хищнически жадно
Сливать въ колеблемую нить.

Мнѣ мило то, что ты не вѣчный,
Что ты и въ близости чужой.
Испивъ напитокъ сладко млечный,
Иду я въ даль — искать другой.

ПЛОЩАДЬ ПИГАЛЬ.

На тротуарахъ шумъ и гамъ.
Бѣжитъ, ступая по ногамъ,
Лакей, держа подносъ.

Зажглися крылья мельницы
И ищетъ сопостельницы
Пріѣзжій бриттъ иль россъ.

Въ стаканахъ, въ рюмкахъ безъ числа
Блеститъ за гранями стекла
Аперитивовъ ядъ.

Въ коморкахъ дѣвы радости
Готовятъ маску младости
И чинятъ свой нарядъ.

Сверкнули буквы высоко:
„Ра-Моръ“, „Аббей“ и „Монико“,
Къ соблазну парижанъ.

Мычатъ отто просторные.
Кричатъ камло проворные:
„Ля-прэссъ“, „Энтрансижанъ“...

Максимиліанъ Волошинъ

LUNARIA.

ВѢНОКЪ СОНЕТОВЪ.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

МАЙЪ.

Надъ головою подымая
Снопы цвѣтовъ, съ горы идетъ.
Пришла и смотритъ.— Кто ты?
— Майя.
Благословляю твой приходъ.

Въ твоихъ глазахъ безумство... Имя
Звучитъ, какъ міра вѣчный сонъ.
Я навожденьями твоими
И зноемъ солнца ослѣпленъ.

Войди и будь. Я ждалъ отъ рока
Вѣстей... И вотъ приносишь ты
Подсолнечникъ и вѣтви дрока —
Полудня жаркіе цвѣты.

Дай разглядѣть себя: волною
Прямыхъ лоснящихся волосъ
Прикрытъ твой лобъ. Надъ головою
Сіянье вихремъ завилось.

Твой дѣтскій взглядъ улыбкой суженъ,
Недѣтской грустью тронутъ ротъ,
И цѣпью маленькихъ жемчужинъ
Надъ бровью выступаетъ потъ.

Тѣнь золотистаго загара
На разгорѣвшихся щекахъ...
Такъ ты бѣжала — вся въ цвѣтахъ,
Вся въ нимбахъ бѣлаго пожара.

Кто ты: дитя? царевна? Пажъ?
Тебя такой я принимаю:
Земли полуденный миражъ,—
Иллюзію, — обманность, — майю.

1.

Жемчужина небесной тишины
На звѣздномъ днѣ овьюженной лагуны!
Въ твоихъ лучахъ всѣ лица блѣдно-юны,
Въ Тебя цвѣты дурмана влюблены.

Тоской любви въ сердцахъ повторены
Твоихъ лучей тоскующія струны,
И прежнихъ лѣтъ волнующія луны
Въ узоры сновъ навѣки вплетены.

Твой влажный свѣтъ и матовыя тѣни,
Ложась на стѣны, на полъ, на ступени,
Даютъ камнямъ оттѣнокъ бирюзы.

Платана листъ на нихъ еще зубчатый
И тоньше прядь изогнутой лозы...
Лампада сновъ, владычица зачатій!

2.

Лампада сновъ! Владычица зачатій!
Свѣтильникъ душъ! Таинница мечты!
Узывная, измѣнчивая, — ты
Съ невинности снимаешь воскъ печатей,

Внушаешь дрожь лобзаній и объятій,
Томишь тѣла сознаньемъ красоты
И къ юношѣ нисходишь съ высоты
Селеною, закутанной въ гиматій.

Отъ ласкъ твоихъ стихаетъ гнѣвъ морей,
Богиня мглы и вѣчнаго молчанья,
А въ нѣдрахъ нѣдръ рождаешь ты качанья.

Вздуваешь воды, чрева матерей
И пояса развязываешь платій,
Кристаллъ любви! Алтарь ночныхъ заклятій!

3.

Кристаллъ любви! Алтарь ночныхъ заклятій!
Хрустальный ключъ пѣвучихъ мѣдныхъ сферъ!
На твой ущербъ выходятъ изъ пещеръ
Одна другой страшнѣе и косматѣй

Стада Эмпузъ; поютъ псалмы проклятій,
И душатъ псовъ, цѣдя ихъ кровь въ кратэръ,
Глаза у кошекъ, пятна у пантеръ
Становятся длиннѣе и крылатѣй.

Плоть призраковъ есть ткань твоихъ лучей,
Ты точишь камни, глину кирпичей;
Козелъ и конь, ягнята и собаки

Ночныхъ мастей тебѣ посвящены;
Бродя въ винѣ, ты дремлешь въ черномъ макѣ,
Царица водъ! Любовница волны!

4.

Царица водъ! Любовница волны!
Изгнанница въ опаловой коронѣ,
Цвѣтокъ цвѣтовъ! Небесный образъ Іони!
Твоимъ рожденьемъ женщины больны...

Но не любить тебя мы невольны:
Стада медузъ томятся въ мутномъ лонѣ
И океана пѣнистые кони
Бѣгутъ къ землѣ и лижутъ валуны.

И глубиной таинственныхъ извивовъ
Движенія приливовъ и отливовъ
Внутри меня тобой повторены.

Къ тебѣ растутъ кораллы темной боли,
И тянутъ стебли водоросли воли
Съ какой тоской изъ влажной глубины!

5.

Съ какой тоской изъ влажной глубины
Все смертное, усталое, больное,
Ползучее, сочащееся въ гноѣ,
Пахучее, какъ соки бѣлены,

Какъ опіумъ волнующее сны,
Все женское, текучее, земное,
Все темное, все злое, все страстное,
Чему тѣла людей обречены,

Слѣпая боль поднятой плугомъ нови,
Удушливыя испаренья крови,
Весь Океанъ, плѣненный въ руслахъ жилъ,

Весь мутный илъ задушенныхъ пріятій,
Все, чѣмъ я жилъ, но что я не изжилъ —
Къ тебѣ растутъ сквозь мглу моихъ распятій!

6.

Къ тебѣ растутъ сквозь мглу моихъ распятій
Цвѣты глубинъ. Ты затеплила страсть
Въ божницѣ тѣлъ. Духъ отдала во власть
Безумью плоти. Кругъ сестеръ и братій

Разъяла въ станы двухъ враждебныхъ ратей.
Даровъ твоихъ пріемлетъ каждый часть...
О, дай и мнѣ къ ногамъ твоимъ припасть!
Чѣмъ духъ сильнѣй, тѣмъ глубже боль и сжатѣй...

Вотъ изъ-за скалъ кривится лунный рогъ,
Спускаясь внизъ, алѣя, багровѣя...—
Двурогая! Трехликая! Афея!

Съ кладбищъ земли, съ распутій трехъ дорогъ
Дымъ черныхъ жертвъ восходитъ на закатѣ —
Къ Діанѣ блѣдной, къ яростной Гекатѣ!

7.

Къ Діанѣ блѣдной, къ яростной Гекатѣ
Я простираю руки и мольбы:
Я такъ усталъ отъ гнѣва и борьбы —
Яви свой ликъ на мертвенномъ агатѣ!

И ты идешь багровая, въ раскатѣ
Подземныхъ грозъ, ступая на гробы,
Треглавая, держи ключи судьбы,
Два факела, кинжалы и печати.

Изъ глазъ твоихъ лучатся смерть и мракъ,
На перекресткахъ слышенъ вой собакъ
И на могильникахъ дымятъ лампады.

И пробуждаются въ озерахъ глубины,
Точа въ ночи пурпуровые яды,
Змѣиные, непрожитые сны.

8.

Змѣиные, непрожитые сны
Волнуютъ насъ тоской глухой тревоги.
Словами Змія: „Станете, какъ боги"
Сердца людей извѣчно прожжены.

Тавромъ грѣха мы были клеймлены
Крылатымъ стражемъ бдящимъ на порогѣ.
И намъ съ тѣхъ поръ бродящимъ безъ дороги
Сопутствуетъ клеймленный ликъ Луны.

Вѣка вѣковъ надъ нами тяготѣло
Всетемное и всестрастное тѣло
Планеты сорванной съ алмазнаго вѣнца.

Но тусклый свѣтъ глубокихъ язвъ и ссадинъ
Со дна небесъ глядящаго лица
И сладостенъ и жутко безотраденъ.

9.

И сладостенъ и жутко безотраденъ
Безумный сонъ зіяющихъ долинъ.
Я былъ на днѣ базальтовыхъ тѣснинъ.
Въ провалъ небесъ (о, какъ онъ ёмко-жаденъ!)

Срывался ливень звѣздныхъ виноградинъ,
И солнца дискъ, вступая въ свой притинъ,
Былъ надъ столпами пламенныхъ вершинъ
Крылатый и расплесканный — громаденъ.

Ни сумрака, ни воздуха, ни водъ —
Лишь острый блескъ агатовъ, сланцевъ, шпатовъ.
Ни шлейфы зорь, ни вѣера закатовъ

Не озаряютъ черный небосводъ.
Неистово порывистъ и нескладенъ
Алмазный бредъ морщинъ твоихъ и впадинъ.

10.

Алмазный бредъ морщинъ твоихъ и впадинъ
Томитъ и жжетъ. Неумолимо жесткъ
Рисунокъ скалъ, гранитовъ черный лоскъ,
Строенье арокъ, стрѣлокъ, перекладинъ,

Вязь рудныхъ жилъ, какъ ленты пестрыхъ гадинъ,
Наплывы лавы бурые, какъ воскъ,
И даль равнинъ, какъ обнаженный мозгъ...
Трехневный полдень твой кошмарно-страденъ.

Пузырчатыя оспины огня
Сверкаютъ въ нимбахъ яростнаго дня,
А по ночамъ надъ кратеромъ Гиппарха

Бдитъ „Volva“ — неподвижная звѣзда,
И отливаетъ пепельно-неярко
Твоихъ морей блестящая слюда.

11.

Твоихъ морей блестящая слюда
Хранитъ слѣды борьбы и изступленій,
Застывшихъ мукъ, безумныхъ дерзновеній,
Двойные знаки пламени и льда.

Здѣсь рухнулъ смерчъ вселенскихъ „Нѣтъ“ и „Да“.
Отъ Моря Бурь до Озера Видѣній,
Отъ призрачныхъ полярныхъ взгроможденій
Не видѣвшихъ заката никогда

До темныхъ цирковъ Mare Tenebrarum —
Ты вся порывъ, застывшій въ гнѣвѣ яромъ.
И страшный шрамъ на кряжѣ Лунныхъ Альпъ

Оставила небесная сѣкира.
Ты, какъ Земля, съ которой сорванъ скальпъ —
Ликъ Ужаса въ безстрастности эѳира!

12.

Ликъ Ужаса въ безстрастности эѳира —
Внѣ времени, внѣ памяти, внѣ мѣръ!
Ты кладбище немыслимыхъ Химеръ,
Ты иверень разбитаго Потира.

Зане изъ сонма ангельскаго клира
На Бога Силъ, Творца бездушныхъ сферъ,
Возсталъ въ вѣкахъ Денница-Люциферъ,
Мятежный князь Зенита и Надира.

Ваяя смертью глыбы бытія
Изъ статуй плоти огненное „Я“
Въ насъ высѣкъ онъ; далъ крылья мысли плѣнной,

Но въ бездну безднъ былъ свергнутъ навсегда.
И остовъ недосозданной вселенной —
Ты вопль тоски, застывшій глыбой льда!

13.

Ты вопль тоски, застывшій глыбой льда,
Сплетенье гнѣва, гордости и боли,
Безкрылый взмахъ одной безмѣрной воли,
Средь судорогъ погасшая звѣзда.

На духовъ воль надѣтая узда,
Грааль Борьбы съ причастьемъ горькой соли,
Голгоѳой душъ пребудешь ты доколѣ
Земныхъ временъ не канетъ череда.

Умершіе, познайте слово Ада:
„Я разлагаю съ медленностью яда
Тѣла въ землѣ, а души на лунѣ“.

Вокругъ Земли чертя круги вампира,
И токи жизни пьющая во снѣ —
Ты жадный трупъ отвергнутаго міра!

14.

Ты жадный трупъ отвергнутаго міра,
Къ живой Землѣ прикованный борьбой.
Мы, связанные бунтомъ и борьбой.
Съ виномъ пріемлемъ соль и съ пепломъ мvро.

Но въ день Суда единая порфира
Одѣнетъ насъ — владычицу съ рабой.
И плѣнныхъ солнцъ разсыплется прибой
У блѣдныхъ ногъ Іошуа Бенъ-Пандира.

Но тѣсно намъ вѣнчальное кольцо:
Къ намъ обративъ тоски своей лицо,
Ты смотришь прочь невѣдомымъ намъ ликомъ.

И предъ тобой,— предъ *Тайной глубины*,
Склоняюсь я въ молчаніи великомъ,
Жемчужина небесной тишины!

15.

Жемчужина небесной тишины,
Лампада сновъ, владычица зачатій,
Кристаллъ любви, алтарь ночныхъ заклятій,
Царица водъ, любовница волны,

Съ какой тоской изъ влажной глубины
Къ тебѣ растутъ сквозь мглу моихъ распятій,
Къ Діанѣ блѣдной, къ яростной Гекатѣ
Змѣиные, непрожитые сны.

И сладостенъ и жутко безотраденъ
Алмазный бредъ морщинъ твоихъ и впадинъ,
Твоихъ морей блестящая слюда —

Ликъ ужаса въ безстрастности эѳира,
Ты вопль тоски, застывшій глыбой льда,
Ты жадный трупъ отвергнутаго міра!

Коктебель.
15 VI—1 VII 1913. Воспаленные дни грозъ и вѣтра между іюньскимъ ущербомъ и іюльскимъ полнолуніемъ

Род. 14 мая 1884 [illegible]
[illegible]

ДВА СТИХОТВОРЕНІЯ *).

МНОГИМЪ.

Меня зовете вы—союзникъ,
Меня влечете за собой,—
А я томлюсь, томлюсь, какъ узникъ
Межъ вашей шумною толпой.

Мнѣ безразличны всѣ дороги,
Что вы избрали для борьбы.
Мнѣ все равно—кто эти боги,
Которымъ шлете вы мольбы!

Въ васъ дышетъ замыселъ глубокій,
Вы всѣ узрѣли новый свѣтъ.
И вы гонимы, одиноки,
„Да, вы пророки—я поэтъ!"

Ахъ, я люблю одни обманы
Своей изнѣженной мечты,
И вамъ невѣдомыя страны
Самовлюбленной красоты!

---

*) Оба помѣщаемыхъ стихотворенія В. Гофмана—все, что осталось ненапечатаннымъ изъ его стихотвореній. И то, и другое принадлежитъ къ числу раннихъ произведеній покойнаго поэта. Первое относится къ 1903 году, второе къ 1901.

Въ альбомъ.

Нѣтъ, шаловливою гвоздикой
Я не рѣшаюсь васъ назвать,
Вѣдь, право, было бъ слишкомъ дико
Вамъ шаловливость приписать.

Для повилики слишкомъ полны,
Для горгина жъ вы худа:
Въ немъ красокъ пламенныя волны,
Которыхъ нѣтъ въ васъ и слѣда.

На колокольчикъ миловидный,
Какъ мнѣ ни стыдно, не рѣшусь:
Вдругъ, вамъ покажется обидно,
А я обидѣть васъ боюсь.

Левкой, цвѣтокъ весьма пріятный,
Да репутація плоха:
Онъ дышетъ нѣгой ароматной
Самовлюбленнаго грѣха.

Однако-жъ трудная дилемма!
Я какъ потерянный хожу —
Ни съ резедой, ни съ хризантемой
Я сходства въ васъ не нахожу.

Мимоза?! Это поэтично!
Но затрудненіе здѣсь въ томъ:
Она у насъ такъ необычна,
Что съ нею плохо я знакомъ.

Ахъ, расцвѣтающею розой,
Хотѣлъ бы васъ прославить я,
Но что-то стало пахнуть прозой
Отъ розъ, луны и соловья,

Ужъ столько было инцидентовъ,
Гдѣ фигурируетъ она,
Что по уставу декадентовъ
Она теперь воспрещена.

Назвать васъ лотосомъ не смѣю:
Онъ любитъ полночь и порокъ.
Итакъ, осталась орхидея
Индійско-сказочный цвѣтокъ.

Вотъ, гдѣ открылись горизонты!
Но не ликуй еще, поэтъ:
Вѣдь скажутъ—взято у Бальмонта,
А это—худшее изъ бѣдъ!

Ахъ, я въ ужасномъ затрудненьи,
Не помогаетъ ни на грошъ
Ни поэтическое рвенье,
Ни стихъ отточенный, какъ ножъ.

Ужъ не ошибка ли все это,
Куда меня мой духъ завлекъ?
И вы, цвѣтокъ въ мечтѣ поэта,
На самомъ дѣлѣ—не цвѣтокъ?

Приходится, во избѣжанье
Дальнѣйшихъ несогласныхъ словъ,
Устроить намъ голосованье
На общемъ сборищѣ цвѣтовъ.

Цвѣты живутъ, впивая росы,
Любя привѣты вѣтерка,
А вы поставили вопросы,
Что невозможны у цвѣтка.

Цвѣтокъ, который самъ не знаетъ,
Какой онъ міръ собой облекъ,
Что за мечту онъ воплощаетъ,—
Есть подозрительный цвѣтокъ.

О, я предвижу все, что будетъ:
Баллотировкой голосовъ,
Васъ, безъ сомнѣнія присудятъ
Быть исключенной изъ цвѣтовъ!..

* *

Ну вотъ — разстались мы. Но гдѣ покой,
Гдѣ тишина, которыхъ ждалъ такъ жадно?
Душа — такъ переполнена тоской,
Воспоминаніе — такъ безпощадно!

Нѣтъ больше незаслуженныхъ обидъ,
И ревность сердца не волнуетъ,
А сердце все болитъ, болитъ.
И жалуется, и тоскуетъ...

* * *

Вся жизнь — какъ сонъ. Среди докучныхъ встрѣчъ,
На улицѣ, за книгой позабытой
Все незабвенную я слышу рѣчь,
Все вижу ясный взоръ открытый.

Я вновь ее зову въ пустынной тьмѣ ночной, —
И появляяся на зовъ воображенья,
Прекрасная — она проходитъ предо мной,
И музыкой полны ея движенья.

* * *

Разсудкомъ не ищи ни музыки стиха,
Ни словъ съ игрою самоцвѣтной.
Пока душа молчитъ, для зова чувствъ глуха,
Все будетъ холодно иль тщетно.

Но у судебъ проси, [illegible]
Нежданныхъ грозъ, тебѣ тревогъ —
Душевныя моря [illegible]
Невѣдомыхъ сокровищъ много.

И бурно выходя порой изъ береговъ,
Они несуть, какъ даръ случайный,
Словесныхъ жемчуговъ многообразный рой,
И звуковъ строй необычайный.

Молодая луна,
И заря,
И звѣзда —
Какъ тогда!..

Но душа —
Ужъ не та...
Но ужъ жизнь —
Прожита.

Навсегда.
Безъ слѣда.
Навсегда.

ЖЕНСКОЕ.

Отчего въ этотъ майскій вечеръ опять
Такая невыразимая тоска о быломъ?
И хочется по-старинному „сидѣть и мечтать"
И дышать у окна душистымъ тепломъ.

Но совсѣмъ не по-весеннему душа больна
Сознаньемъ сиротливости и пустоты,
И горькія приходятъ, неотступныя мечты
О томъ, что жизнь уже похоронена.

Только прошлое свѣтлѣй сквозь слезы о немъ.—
И тамъ вотъ также цвѣли сады,
И ждали соловьи первой звѣзды,
И въ сиреняхъ утопалъ нашъ старый домъ.

Но душа улетала на крыльяхъ своихъ
За счастьемъ далекимъ въ далекій предѣлъ,
И для нея — казалось — былъ вечеръ тихъ,
И заря не погасла, и соловей пѣлъ...

И вы, кого любила, кого мучила я,
Кто въ жизни оставилъ свой ласковый слѣдъ,
Въ этотъ майскій вечеръ, когда цвѣтетъ земля,
Примите мой грустный, мой одинокій привѣтъ.

ОСЕНЬ.

Звонъ отдаленный такъ музыкаленъ.
Закатъ осенній такъ печаленъ.

Яркость деревьевъ пугаетъ взглядъ.
Листья въ лѣсу подъ ногою шумятъ.

Въ сердцѣ — знакомое чувство разлуки.
Холоденъ воздухъ. Зябнутъ руки.

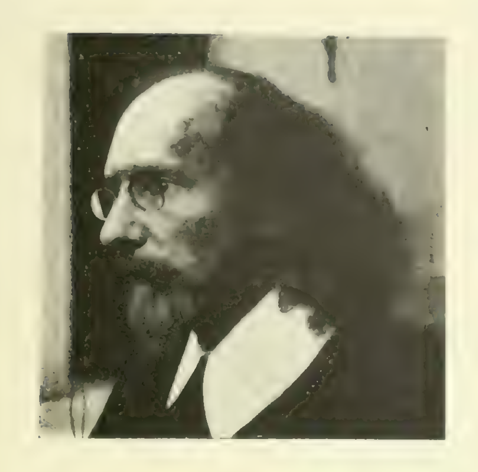
Сбоку, за чащей сквозною осины,
Мѣсяцъ проглянулъ, какъ глазъ совиный.

Сумерки глуше. Пора домой.
Пусто. Какъ пусто, Боже мой!

* * *

Знакомыя мои, знакомыя мѣста,
Родимыя мои пустыни —
Все та жъ укрытая ненастьемъ высота,
Все тотъ же лѣсъ, туманно-синій.

Снѣговъ холодная, сѣдая пелена,
Изъ трубъ далекихъ — кудри дыма,
О, бѣдная моя, о грустная страна,
Любимая невыразимо.

Вячеславъ Ивановъ.

ДЕРЕВЕНСКІЯ ГОСТИНЫ

I.

ПИСЬМО ИЗЪ ЧЕРНОЗЕМНОЙ ДЕРЕВНИ.

Юрію Верховскому

Я для раздолій черноземныхъ
Покинулъ древнія поля;
Но здѣсь предстала, въ ризахъ темныхъ,
Деметрой смуглою Земля.
Сквозя межъ зеленью озимой,
Чернѣя скатами долинъ,
Святая и подъ русской схимой
Мнѣ возвращаетъ Элевзинъ.

И въ мракѣ чуткомъ на балконѣ,
Подъ выкликанье пугачей,
Слѣжу, на звѣздномъ небосклонѣ
Священнодѣйственныхъ ночей,
Метеорическаго праха
Стезю надъ зрящей глубиной
Иль солнца яраго Іакха
Въ пролившейся грозѣ ночной.

Безмолвна лира; но напѣвнѣй
Здѣсь Баратынскаго струна
Звучитъ, хозяиномъ деревни
Молитвенно оживлена.

Къ тебѣ изъ пустыни поля
Стремится мысль: тебя здѣсь нѣтъ!
Звѣзда скатилась—пѣсня спѣта...
А ты про что поешь, поэтъ?

II.

ЛОГА И ЖНИВЬЯ.

И. А. Бородаевской

1.

Я полюбилъ оазисъ вашъ дубовый,
Въ кольцѣ логовъ, средь пашни чернозёмной,
Съ усадьбою въ тиши его укромной,
Гдѣ ввечеру пустынно кличутъ совы.

И мнилось мнѣ: когда, какъ щитъ багровый,
Надъ пожнивомъ рудымъ, луны огромной
Повиснетъ мѣдь,—боговъ дубравой тёмной
Онъ кругозоръ переграждалъ лиловый.

Я полюбилъ скирды, овинъ и гумна,
Когда зари въ мерцаньи усыпленномъ
Дубы чернѣй и розовѣй солома;

И семьи жницъ скользятъ въ тѣни безшумно,
Мелькнулъ табунъ, а за дворомъ зеленымъ
Бѣлѣются во мглѣ колонки дома.

2.

Словно шкуру желтой львицы,
На пути сестры-царицы
Стелетъ сжатыя поля
Усыпленная Земля.

И скользятъ по жнивью, голы,
Какъ туманъ вздымая столы,
Легкой дѣвичьей толпы
Розоватыя стопы.

И повивъ лучистымъ паромъ,
Словно розовымъ пожаромъ,
Свой вѣнецъ изъ серебра,
Показалася сестра.

И мерцающую столу
Волоча по нивамъ, долу,
Краемъ львинаго руна,
Подымается Луна —

Къ лиловатому эѳиру,
Разсылая вдоль по міру
Чаровательницъ-подругъ
Нѣжно-сумеречный кругъ.

3.

Какой прозрачный блескъ! Печаль и тишина...
Какъ будто надъ землей незримая жена,
Вѣсы хрустальные склоняя съ поднебесья,
Лелѣетъ хрупкое мгновенье равновѣсья;
Но каждый желтый листъ, слетающій съ древесъ,
На чашу золота слагая легкій вѣсъ,
Грозитъ перекачнуть къ могилѣ хладной свѣта
Дары прощальные исполненнаго лѣта.

4.

Янтарно теплился въ парчахъ осеннихъ день.
Еще надъ пожнивомъ скользила наша тѣнь,
Когда изъ смуглыхъ рощъ отзвучіемъ металла
Сѣкира звонкая уныло прозвучала —
И смолкла... Насъ покрылъ сквозной зеленый кровъ
Червоннымъ проливнемъ закапанныхъ дубовъ,
И обняло шатромъ вѣтвей перекрученныхъ
Наитье пращуровъ, сѣкирѣ обреченныхъ:
Затѣмъ, что убивать отцовъ обречены
Потомки мощные... Но боль глухой вины
И сердца робкій стыдъ—съ довѣріемъ взаимнымъ
Мѣшали намъ возлечь къ столамъ гостепріимнымъ.
А дѣды вѣщіе кивали намъ челомъ,
Шепча—кудесники—свой солнечный псаломъ,
И медомъ изъ роговъ Валгаллы угощали
И, рокъ живыхъ живымъ прощая, обѣщали
На тризнѣ пламенной въ наслѣдье новыхъ чадъ
Одиновой души нерасточенный кладъ.

III.

[illegible]

[illegible]

1.

Послѣдніе села мелькнули, домы,
Межъ тростниковъ прозолотился плесъ,
И глуше гулъ катящихся колесъ
И дробь копытъ въ лугахъ волгнеющей дремы.

Той тишинѣ казались незнакомы
Истомы дня. Легло, какъ облакъ росъ,
Безпамятство... Бурьяномъ дворъ заросъ.
И темныя раскрылись намъ хоромы.

Сонъ сто́рожкій спугнуть боялись мы.
Цвѣтникъ манилъ, какъ склепъ тепла и тьмы,
Гдѣ томныхъ душъ кружился ладанъ сладкій.

Ель каждая дрожала тамъ струной.
Прудъ теплился. И тонкій хладъ, украдкой,
Насъ догонялъ, какъ проводникъ ночной.

2.

Бездоннѣй ночь, и скорбь ея;
Пустыннѣй лай собакъ.
Смертельнымъ жаломъ Скорпія
Грозится Зодіакъ.

И ночь покуда тянется,
Душа чертитъ круги,
Какъ бабочка-изгнанница,—
Гдѣ тлѣютъ очаги.

Межъ тѣмъ гостепріимные
Владыки очаговъ,
Сквозя чрезъ волны дымныя
Обличьями боговъ,

Живымъ неуловимыя
Бесѣды съ ней ведутъ
И въ царства невидимыя
Крылатую берутъ...

И вотъ что, душу сплетшіе
Съ твоею, побратимъ,
Вѣщали мнѣ отшедшіе
Надъ огнищемъ твоимъ:

„Тревожились, тревожили
Мы друга своего;
Но, радостные, ожили—
И днесь живимъ его.

„О гость, тропой скитальческой
Пришедшій къ намъ на пиръ!
Шепни душѣ страдальческой,
Что мы вкушаемъ миръ“.

Сентябрь 1913 г.

Ал. Кондратьевъ.

ПАРИСЪ НА КОСТРѢ.

Ярко свѣтитъ факелъ погребальный
Въ трепетной рукѣ царя Пріама.
Хоръ звучитъ медлительно-печальный.
Вьются къ нему струйки ѳиміама.

И натертый розовымъ елеемъ,
Пеленою чистою обвитый,
Будто грезой сладкою лелѣемъ,
Неподвиженъ Пріамидъ убитый.

Пусть врагу колчанъ обвила Никэ
Лавромъ побѣдителя зеленымъ,—
Нѣтъ слѣдовъ страданія на ликѣ,
Миртами Киприды обрамленномъ.

Грусти нѣтъ о томъ, что отлетѣло.
Въ пламени безжалостномъ и жгучемъ:
Чернымъ пепломъ станетъ скоро тѣло,
Бывшее прекраснымъ и могучимъ...

Безпощадны стрѣлы Филоктета.
Съ береговъ истоптанныхъ Скамандра
Къ берегамъ твоимъ унылымъ, Лета,
Скоро снидетъ призракъ Александра.

Онъ сойдетъ безъ страха въ тѣнь Аида,
На землѣ оставивъ страсть и злобу.
Пусть на ложѣ мягкомъ Тиндарида
Отдается пылко Деифобу,

Пусть забудетъ даже про Париса,
Новаго любовника лаская...
Разгорайтесь сучья кипариса,
Лейся въ хорахъ жалоба людская!

ДРЕВНЕЕ ПРЕДАНІЕ.

Три храма посвящены Афродитѣ въ карійскомъ городѣ Книдѣ. Въ одномъ изъ нихъ, томъ самомъ, гдѣ ее почитаютъ подъ именемъ Эвплойи—Дающей доброе плаваніе—знаменитомъ изваяньемъ Богини работы самого Праксителя, случилось нѣкогда необычайное дѣло.

Нѣкій молодой человѣкъ, родившійся, если вѣрить историкамъ, въ Акарнаніи, ежедневно сталъ являться за храмовую ограду и приносить къ ногамъ Афродиты много даровъ. Цѣлые часы проводилъ онъ въ священной рощѣ за первой стѣной, не обращая вниманія на зазыванья гіеродулъ и вырѣзая украдкой на свѣтлой корѣ миртовъ и стройныхъ платановъ имя или символъ Богини. Порою его видѣли среди приносящихъ жертву или въ нѣмомъ благоговѣніи созерцавшимъ превосходное изваяніе Праксителя.

Благодаря щедрымъ приношеніямъ Эвплойѣ, въ томъ числѣ серебряному треножнику съ искуснымъ изображеніемъ ласкающихъ другъ друга грифоновъ и египетскихъ сфинксовъ, какъ жрецы, такъ и служительницы храма относились къ молодому человѣку радушно. Ему позволялось даже являться на поклоненіе Пѣнорожденной раньше, чѣмъ толпѣ остальныхъ богомольцевъ, и, какъ раскрыло потомъ слѣдствіе, его видѣли у входа въ святилище во время совершенія обряда утренняго омовенія Богини.

Къ молодому акарнанцу такъ привыкли, что не обращали вниманія на нѣкоторыя его странности, вродѣ бросанія въ помѣщеніи храма игральныхъ костей или громкаго восторженнаго шепота, въ которомъ выливались его пылкія чувства къ матери Эроса. Кости же онъ бросалъ, какъ бы гадая объ исполненіи какого-то задуманнаго имъ предпріятія, и весьма радовался, выкинувъ знаки Богини.

Вѣроятно, злые демоны овладѣли умомъ и духомъ молодого человѣка, такъ какъ онъ не удовольствовался поклоненіемъ изображенью Киприды, но преступилъ за грань благоговѣйнаго почтенія къ ней, и былъ за то справедливо наказанъ.

Однажды утромъ явившіяся для уборки прислужницы храма, отдернувъ завѣсу святилища, застали молодого безумца у самой Праксителевой статуи, которую онъ, забывъ всякое уваженіе къ святынѣ, дерзостно обнималъ. Платье и волосы преступника были въ большомъ безпорядкѣ; онъ громко произносилъ самыя необузданныя выраженія страсти и, казалось, не замѣчалъ ни криковъ негодованія пришедшихъ въ смятеніе служительницъ храма и гіеродулъ, ни появившейся въ дверяхъ вооруженной копьями стражи. Когда пришелъ, наконецъ, верховный жрецъ, и по его приказанію безумца повлекли изъ святилища, преступникъ неоднократно пытался вырваться изъ рукъ его тащившихъ людей, чтобы еще разъ обнять изваяніе.

Несмотря на явное помраченіе разсудка, виновный былъ приведенъ предъ лицо долженствовавшихъ его судить жрецовъ и архонтовъ. Судьи взглянули на совершенное имъ преступленіе строго, и молодой акарнанецъ, осмѣлившійся оскорбить прикосновеніемъ священную статую, приговоренъ былъ къ смерти подъ ударами бичей, а имущество его — къ отобранію въ храмовую казну.

Во время пытки, которой подвергли подсудимаго съ цѣлью узнать вдохновителей преступленія и его сообщниковъ, акарнанецъ разсказалъ много невѣроятныхъ вещей, порою прямо противорѣчащихъ религіознымъ преданіямъ и вполнѣ могшихъ доказать его безуміе, если бы священный совѣтъ заранѣе не обрекъ его смерти.

Подсудимый признался въ своей кощунственной страсти къ богинѣ. Разсказалъ будто менѣе чѣмъ за два мѣсяца до преступленія Афродита явилась ему во снѣ и обѣщала обладанье собою. Для этого ему надобно было въ теченіе сорока дней по нѣскольку часовъ пребывать вблизи наиболѣе похожаго ея изображенія и всѣми силами воли ее призывать, а затѣмъ, свершивъ надъ собой обрядъ очищенія морскою водою, проникнуть на ночь въ святилище, куда въ томъ же снѣ обѣщала ему явиться Богиня...

При допросѣ выяснилась также виновность одной изъ прислужницъ, съ вечера запиравшей ворота внутренней ограды. Эта женщина дозволила себя подкупить и дала молодому безумцу возможность проникнуть ночью въ святилище, будто бы для полученія пророческаго сна. Сама же она, по собственнымъ словамъ, безпросыпно спала въ близлежащемъ притворѣ и ничего не видала и не слыхала.

Прислужница въ тотъ же день подвергнута была сперва пыткѣ каленымъ желѣзомъ и, когда эта пытка ничего новаго не принесла, — казни чрезъ удушеніе.

О своихъ отношеніяхъ къ Богинѣ акарнанецъ повѣствовалъ

пространно и съ преступнымъ безстыдствомъ. Онъ говорилъ, будто отъ Праксителевой статуи отдѣлился обитавшій въ ней, какъ то утверждаютъ египтяне, божественный духъ; будто духъ этотъ принялъ уплотненную сущность и велъ себя по отношенію къ нему какъ страстно влюбленная женщина.

Члены священнаго совѣта, внявъ показанію одной изъ служительницъ храма, видѣвшей поутру какъ молодой человѣкъ обнималъ самую статую, не придали вѣры словамъ подсудимаго, хотя тотъ и клялся, что богиня не только ласкала его, но и разсказала ему многое про себя и прочихъ боговъ. Хотя всѣ данныя подъ пыткой показанія преступника были, несомнѣнно, ложны, тѣмъ не менѣе іерофантъ-предсѣдатель суда дѣлалъ видъ, что имъ вѣритъ, выспрашивалъ о подробностяхъ и отдалъ распоряженіе тутъ же находившемуся писцу-логотахиграфу ихъ записать.

По этой записи, тайно извлеченной изъ храмовыхъ запретныхъ архивовъ, и излагаются здѣсь рѣчи явившейся акарнанцу богини и все происходившее, по его словамъ, въ ту ночь въ святилищѣ храма.

— „Я лежалъ ницъ передъ изваяніемъ, отцы-судьи, и почувствовалъ вдругъ чей-то взоръ у себя на затылкѣ. Приподнявъ голову, я увидѣлъ, что отъ освѣщеннаго луной мрамора отдѣляется подобіе тумана или бѣлаго пара. Постепенно сгущаясь, туманъ этотъ образовалъ собой очертанія божественно-прекраснаго женскаго тѣла, стоявшаго въ томъ же положеніи, какъ и Праксителево изваяніе. Страхъ и восторгъ такъ овладѣли мною, что я не могъ промолвить ни единаго слова и лишь простеръ къ видѣнію руки.

— „Встань“,— услышалъ я голосъ: „думай, что предъ тобой не богиня, а давно тобой любимая дѣва, тайно пришедшая къ тебѣ въ сумракѣ ночи, когда спятъ люди, а боги заняты каждый своими дѣлами. Не бойся меня. Твое сорокадневное воздержаніе и непрестанныя мольбы привлекли къ тебѣ мои благосклонные взоры. Все рѣже и рѣже встрѣчается здѣсь, на омываемой зелеными волнами землѣ, любовь, въ которой люди могли когда-то спорить съ безсмертными...

Исполнившись смѣлости, я подползъ и поцѣловалъ розоватые пальцы богини на ея стройныхъ ногахъ... Клянусь Ахерономъ и тѣнью отца, который меня на его берегахъ ожидаетъ, что подъ губами моими почувствовалъ я не паръ и не жесткій мраморъ, а лепесткамъ нѣжныхъ розъ подобное тѣло.

— „Подымись, обними станъ мой, ибо давно не испытывалъ онъ влюбленныхъ объятій“, снова услышалъ я голосъ богини въ то время, какъ двѣ ея легкихъ руки легли на плечи мнѣ и обвили шею.

Радость наполнила душу мою, и въ то время какъ я, подымаясь, скользила дрожащей рукой по ея безупречному тѣлу, въ моей головѣ пронеслась крылатая мысль: „я счастлива, какъ богъ, какъ тѣ безсмертные боги, которые раньше меня любили ее“...

Дальше не думала я ни о чемъ, отцы-судьи. Богиня, хотя вы и не вѣрите мнѣ, все-таки любила меня, и казнь, которую вы мнѣ готовите, не страшна для того, кто полонъ нездѣшнею радостью.

Помню и ласки, которыя мнѣ расточала та, предъ кѣмъ преклоняются боги и люди, возлежа возлѣ меня на разостланномъ мною плащѣ.

Осмотрите гиматій мой, высокіе судьи. Отъ ткани его до сихъ поръ исходитъ благоуханіе розъ...

Помню также рѣчи, которыя она шептала, склонясь надо мною, распростертымъ въ любовномъ безсиліи:

— „Какъ слабы вы, люди, и какъ нѣжна ваша любовь! Нѣжность — это то, чего нѣтъ у безсмертныхъ боговъ, которые всегда жестоки въ страсти своей и любви...

Мнѣ вспоминается день, когда родилась я изъ пѣны морской, оплодотворенной кровью низверженнаго небеснаго бога. Этотъ день былъ днемъ побѣды возставшихъ противъ него сыновей. Лишивъ власти своего старца-отца, они плясали въ безумномъ весельѣ, всѣ кромѣ Океана, который обнималъ, содрогаясь отъ ужаса, мать свою Гею... Едва я вышла изъ волнъ родного мнѣ моря, навстрѣчу мнѣ попался торжествовавшій побѣду Кронъ. Откинувъ свой запачканный отчею кровью изогнутый серпъ, какъ звѣрь бросился на меня этотъ преступный отпрыскъ Урана и насильно заставилъ быть своею наложницей. Отъ него родила я Поѳа и Эроса, унаслѣдовавшихъ крылья отца. Кромѣ меня необузданный богъ соединился также съ Діоной, которую финикіяне называютъ Белитъ и Реей, почитаемой въ Іоппеѣ, а кромѣ того и съ другими титанидами. Я была счастлива, когда онъ ради нихъ оставилъ меня...

Къ борьбѣ, возникшей затѣмъ у Крона и прочихъ титановъ съ возставшими противъ нихъ Зевсомъ, Гадесомъ и Посейдономъ, я была безучастна. Побѣдивъ отца и воцарясь на Олимпѣ, Зевсъ, по требованію ревновавшей его ко мнѣ сестры своей Геры, отдалъ меня, съ согласія прочихъ боговъ, своему покрытому копотью сыну Гефесту. Это любимое дѣтище обутой въ золото Геры всегда было мнѣ непріятно, и я мстила ему, дѣля ложе со многими другими богами. Когда же онъ, мучимый ревностью, засталъ меня однажды съ Аресомъ, я велѣла жестокому какъ и отецъ его Эросу внушить хромоногому сыну волоокой богини несчастную страсть къ Аѳинѣ-Палладѣ. Плодомъ этой страсти былъ тайно воспитанный мудрой божественной полудѣвицею

богъ Эрехѳей... Зевсу и его бѣлорукой женѣ я отомстила, постоянно внушая Кронову сыну пылкое чувство то къ той, то къ другой грязной дикаркѣ, которыхъ онъ, ослѣпленный властью, моей, считалъ прекраснѣе гладко причесанной Геры. Ради внушенной мною любви царь боговъ не разъ принужденъ былъ становиться быкомъ, такъ же какъ его украшенный темною гривой братъ Посейдонъ — морскимъ конемъ или бараномъ.

Ставшій царемъ подземнаго міра Гадесъ былъ много наказанъ за обиду мою тѣмъ, что женился на Персефонѣ. Эта богиня принесла ему много несчастья...

Но безсмертные боги скоро узнали о моихъ тайныхъ дѣлахъ и въ свою очередь мстили мнѣ, какъ могли. Едва удавалось мнѣ полюбить кого-либо изъ смертныхъ, олимпійцы тотчасъ же умерщвляли его. Обратившись вепремъ Арестъ убилъ Адониса, аргонавтъ Бутэсъ умеръ въ объятьяхъ моихъ, благочестивый Анхизъ былъ пораженъ преждевременной старостью...

И тебѣ также грозитъ, возлюбленный мой, ихъ безсмертная зависть, и ты долженъ заплатить. будешь жизнью за сладость объятій моихъ“, говорила она...

Да, высокіе судьи, я зналъ, что меня ожидаетъ, и не хотѣлъ покидать храма Киприды и ея божественныхъ ласкъ до наступленія разсвѣта, когда она ушла отъ меня, погруженнаго въ сонъ... Когда я очнулся, богини уже не было возлѣ, но я не хотѣлъ уходить, не прикоснувшись къ прекрасному камню, изъ котораго вышелъ его безсмертный двойникъ. Въ этотъ мигъ вошли прислужницы храма... Вотъ и все, священные судьи“...

До конца остававшійся вѣрнымъ своему нечестивому измышленію преступникъ умеръ, какъ было постановлено, подъ ударами бичей.

Сама богиня свидѣтельствовала о лживости разсказа его, такъ какъ до сихъ поръ показываютъ богомольцамъ темныя пятна на паросскомъ мраморѣ изваянія въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ осмѣлился прикоснуться къ нему пораженный безуміемъ акарнанецъ.

Сергей Кречетов

ДНѢПРЪ.

О Днѣпръ! Ты все еще могучъ.
Еще живутъ твои преданья.
Но скорбно прибережныхъ кручъ
Твоихъ застыли очертанья.

Неумолимъ полетъ вѣковъ.
Угрюмо въ небо смотритъ Божье
Сквозь дымъ нѣмецкихъ хуторовъ
Поруганное Запорожье.

Еще клокочутъ горы водъ
Въ твоихъ порогахъ, и клубится
Опѣненный водоворотъ
Въ хрипящемъ горлѣ Ненасытца.

Но скоро, скоро динамитъ
Пророетъ между скалъ дороги
И сталью шлюзовъ усмиритъ
Твои безсильные пороги.

Все тотъ же вѣтеръ вѣялъ вамъ,
Тарасы, Гонты, Наливайки,
Когда къ Царьградскимъ берегамъ
Казацкія летѣли чайки.

Но не отвѣтилъ больше онъ
Напѣвамъ вольнаго народа
И злобно стонетъ, заглушенъ
Гудкомъ кощуннымъ парохода.

Не съ той ли злобою и я
Ищу ладьи моей причала
О, если бы твоя струя
Меня въ прошедшее умчала!

Но нѣтъ! Тебѣ — влачить суда,
Мнѣ — въ современности томиться.
Прощай! Запомню навсегда
Послѣдній грохотъ Ненасытца.

ПАЛАЧЪ

„Кто знаетъ, сколько скуки
Въ искусствѣ палача“
Ѳ. Сологубъ.

Меня боятся дѣти
И прочь бѣгутъ, крича.
Пойметъ ли кто на свѣтѣ
Искусство палача?

Презрѣвши жизни тину,
Храня любовь одну,
Люблю я гильотину,
Какъ вѣрную жену.

Моей покорна власти,
Она моя всегда.
Превыше всякой страсти
Ея стальное „да“.

Казненныхъ мною лица
Мнѣ помнятся едва.
Зачѣмъ же стала сниться
Одна мнѣ голова?

Встаютъ въ часъ утра бѣлый
Сквозь сонъ моей тоски
Коса — какъ колосъ спѣлый,
Глаза — какъ васильки.

Зоветъ, молчитъ и манитъ...
И каплетъ, каплетъ кровь.
Ужели смерть обманетъ
Прозрѣвшую любовь?

На утро надъ собою
Обрушу за нее
Увѣренной рукою
Тугое лезвіе.

И сталь со звономъ ляжетъ,
Спокойна и свѣтла,
И въ смерти тѣсно свяжетъ,
Что въ жизни развела.

ТАЙНА.

Три пріятеля, чиновникъ Нарымовъ, страховой агентъ Тарабанъ и товарищъ прокурора Клинскій жили въ городѣ Острогожскѣ, на Вороньей улицѣ, въ домѣ вдовой попадьи Медузовой, и никто не сказалъ бы, что за всѣмъ видимой и неприхотливой ихъ жизнью могла укрываться тайна.

Нарымовъ занималъ мезонинъ съ маленькими окошками и зеленой, крашеной еще при отцѣ протопопѣ крышей, а Клинскій и Тарабанъ — самый домъ изъ двухъ половинъ, раздѣляемыхъ внутри большими полухолодными сѣнями.

Сзади, въ маленькой теплой боковушѣ, ютилась толстая старуха Медузова, съ кривой кухаркой Анисьей, пятью самоварами, тремя перинами и полинявшимъ отъ старости объемистымъ котомъ Китоврасомъ.

Нарымовъ былъ безсмѣнный секретарь въ одномъ изъ русскихъ учрежденій, которыя существуютъ невѣдомо зачѣмъ и невѣдомо для кого.

Когда-то, надо думать, основатель имѣлъ въ виду ясную цѣль и кругъ присущихъ ей дѣйствій, но послѣ цѣль утерялась, отошла въ сторону, а кругъ дѣйствій причудливо измѣнился, охвативъ собою предметы самые разнородные и какъ будто несвязанные ничѣмъ. Но разъ пущенная машина шла, и люди приходили, и писали, и рѣшали, и повышались въ окладахъ, и умирали, не задумываясь о смыслѣ своей работы.

Среди всей этой твердо налаженной путаницы Нарымовъ чувствовалъ себя прекрасно и удобно, потому что зналъ, какъ прилежный школьникъ знаетъ катехизисъ, всѣ безчисленные разъясненія, дополненія и циркуляры, на которыхъ покоилось все нелѣпое, но прочно устоявшееся зданіе.

Маленькій, невзрачный, горбатый, съ мочальной бороденкой, бородавками на щекахъ и странно чуждымъ лицу его большимъ точно приклееннымъ носомъ, онъ былъ почти невиденъ за кипами бумагъ на столѣ, и часто смущенный проситель долго озирался по сторонамъ, попавъ въ длинную полутемную комнату съ старыми изрѣзанными перочиннымъ ножомъ шкапами, и со-

пѣлъ, и переминался, и конфузливо сморкался, прежде чѣмъ замѣтить лысую въ шишкахъ голову Нарымова и выступавшій за ней его остроконечный горбъ.

Нарымовъ дожилъ до сорока лѣтъ холостякомъ и не жалѣлъ объ этомъ.

Часто, когда Тарабанъ пускался въ разсказы о злоключеніяхъ, какія выпадали ему въ жизни изъ-за женщинъ, и недовольный малымъ сочувствіемъ пріятеля начиналъ ядовито прохаживаться насчетъ нарымовскаго горба, будто бы закрывающаго дорогу къ любовнымъ радостямъ, Нарымовъ долго и съ умиленіемъ глядѣлъ черезъ плечо на горбъ и послѣ, вытирая очки фуляровымъ платкомъ, говорилъ:

— Ну, это вы не скажите. Горбъ не помѣха, а защита. За нимъ, какъ за каменной стѣной. Ни бѣсъ, ни баба не перескочитъ.

Нарымовъ гордился своимъ горбомъ и находилъ его примѣчательнымъ и даже красивымъ.

— Ты, Терентьичъ, горба-то не затягивай,—всякій разъ внушалъ онъ мѣстному портному, примѣряя новую пару.—Нечего ватой скрадывать. Пускай онъ, голубчикъ, покрасуется. Онъ тоже не даромъ данъ. Мало-ль по улицѣ дураковъ съ прямыми спинами ходитъ, а вотъ ты умникомъ съ горбомъ походи.

И Терентьичъ вздыхалъ и вытягивалъ изъ-за подкладки хитро прилаженную вату.

У Нарымова были двѣ страсти: шахматы и стратегія. Ему и вечеръ не въ вечеръ, если хоть разъ не задастъ шахъ и матъ Клинскому или Тарабану. Игралъ онъ, правду сказать, мастерски, такъ ловко, хоть бы и не Острогожску въ пору. Посидитъ, помолчитъ, брови поморщитъ, а потомъ такое придумаетъ, что руками разведешь. Обставитъ въ четыре хода,—лучше не садись.

Стратегію любилъ онъ и того больше. Воюютъ ли русскіе съ японцами, или болгары съ турками, или еще гдѣ неблагополучно, а ужъ у Нарымова, смотришь, виситъ на стѣнѣ карта, и на той картѣ всѣ отряды обозначены, — и флажки, и значки, и булавки съ головками зелеными и красными разставлены, какъ надо, и самъ онъ послѣ обѣда разводитъ передъ пріятелями критику. И то глупо, и это глупо. И туда бы надо, и тогда вотъ бы какъ было. И все у него выходитъ, какъ по нотамъ.

Разгорячится, шумитъ, бѣгаетъ по Тарабановой столовой—обѣдать сходились къ Тарабану и на всѣхъ готовила кривая Анисья—такъ въ ушахъ и стоитъ: резервы, колонны, обходъ, лѣвый флангъ, обозы. Только половицы скрипятъ, по всему дому слышно.

Даже старая попадья приползетъ, пригорюнится, станетъ у притолки, послушаетъ, да и скажетъ:—Ну, ужъ ты, батюшка,

Аника воинъ! Ишь расхрабрился генераловъ учить. Тебя не спросили. Кто къ чему приставленъ, тотъ то и дѣлай. Твое дѣло чернильное, а они супротивъ басурмана поставлены покорять подъ ноги.

И старуха, разсердившись, уходила. Въ генераловъ она вѣрила, какъ въ страшный судъ и какъ въ то, что всѣ болѣзни придумали доктора. И, уходя, уносила кота Китовраса.—Неровенъ часъ, тебя, батюшку, замнутъ.

Страховой агентъ Тарабанъ былъ вовсе другого складу. Бравый, рослый, собою видный, въ плечахъ широкій и грудь колесомъ. Подбородокъ бритый до синевы, усы выкроены изъ бороды чуть не до плечъ. Однимъ словомъ, военная косточка. Не даромъ въ кавалеріи былъ и до штабъ-ротмистра дослужился.

Носилъ бы шпоры Тарабанъ и теперь, да вышелъ въ полку непріятный казусъ. Изъ-за него и въ отставку вышелъ, и въ Острогожскъ попалъ, и вотъ шестой годъ въ Острогожскѣ служитъ.

О томъ казусѣ говоритъ онъ глухо. Иной разъ будто съ картами что-то, а другой—командирская жена, а третій—словно дуэль. Такъ ужъ и добиваться бросили, махнули рукой. Человѣкъ, какъ человѣкъ. Никому не мѣшаетъ. Богъ съ нимъ, пускай живетъ!

Однако жъ, замѣтно по всему, Тарабанъ видалъ виды и въ передѣлкахъ бывалъ во всякихъ, въ томъ числѣ и по любовной части. Повѣрить ему, такъ удивляться надо, какъ человѣкъ на столькихъ коварныхъ женщинъ попадалъ и ноги унесъ,—ходитъ, какъ ни въ чемъ ни бывало.

Была у Тарабана еще въ полку жена, но куда она дѣлась и почему, толкомъ не знали въ городѣ. Самъ онъ поминать не любилъ, а если и спросятъ, скажетъ нехотя, да коротко:—разстались, судьба ужъ такая.

Поговаривали въ городѣ, что жена съ заводчикомъ убѣжала, а, впрочемъ, ручаться не могъ никто, и за вѣрное не выдавали. Богъ ее знаетъ! Не вчера, да и не здѣсь, вѣдь, было.

Военную службу Тарабанъ любилъ и скучалъ по ней до сихъ поръ. Такъ и загорится, какъ вспомнитъ. Только насчетъ высшаго начальства не мудрилъ и на парамоновскую критику не поддавался.

— Какая тамъ стратегія! прикажутъ—и кончено. Бей въ лобъ, а ужъ тамъ разберутъ. У насъ въ Туркестанѣ шутить не любили.

Тарабанъ когда-то стоялъ съ полкомъ въ Туркестанѣ, немирныя племена усмирялъ. Хлѣбомъ его не корми, а дай поразсказать, какъ онъ въ набѣги ходилъ. Ужъ онъ все выложитъ подробно,—и какъ въ засадахъ сидѣли, и какъ по три дня съ коня не слѣзали.

— Бывало, дорвемся, раскопаемъ разбойничье логово, тутъ расправа короткая. Бей, руби! А послѣ жечь и домишки, и скарбъ, чтобы впередъ неповадно было. Запылаетъ, любо-дорого смотрѣть, первое удовольствіе ..

Большую имѣлъ Тарабанъ къ пожарамъ склонность. Изъ-за того потомъ и по страховому дѣлу пошелъ. Къ работѣ онъ приладился скоро, страхователя насквозь видѣлъ и ужъ задолго чуялъ, словно нюхомъ, гдѣ быть пожару, и ошибался рѣдко. Бывало, пріѣдетъ въ уѣздъ на мѣсто, а еще головешки дымятся.

А какъ самъ угодитъ на пожаръ, ему это, что твой праздникъ. Глядитъ, любуется, ноздри раздуваетъ, усы свои длинные гладитъ. Орелъ орломъ. Озаритъ его полымемъ, стоитъ, не шелохнется,—прямо картина. И ужъ не уйдетъ до конца.—Ухъ, хорошо! хоть бы и всегда такъ-то.

— Больно ты, батюшка, огонь любишь,—говаривала ему не разъ попадья.—Не подобаетъ оно душѣ христіанской. Охъ, гляди, не горѣть бы тебѣ въ огнѣ неугасимомъ со блудниками да со всякими грѣшниками.—А Тарабанъ только усмѣхался.—Что ты, старая, понимаешь.—Будто и не замѣтитъ старухина намека.

Не одобряла, охъ, не одобряла его старая. Не даромъ къ блудникамъ приравнять норовила. Да и какъ похвалить? То домой вернется подъ самое утро, то долгохвостки къ нему какія-то бѣгаютъ, на ночь глядя, закутаются по самый носъ. Тьфу! Только домъ поганятъ!

Но всего больше изводилась старуха надъ Клинскимъ.

— И не то, чтобъ обидчикъ былъ какой или охальникъ. Сказать нельзя, грѣхъ на душу брать. И скроменъ, что дѣвушка, и не пьяница. А только все смотритъ куда-то насквозь человѣка, въ родѣ какъ не видитъ, и по ночамъ по комнатѣ ходитъ, и подъ носъ бормочетъ, и въ дудку свою бѣсову, прости Господи, дудитъ, и жениться не хочетъ. Всякій человѣкъ Богомъ отмѣченъ, что онъ есть и какое ему мѣсто дано. Нарымовъ, скажемъ, хитрецъ, архивная душа, Тарабанъ—бабникъ и не безъ дури, во хмелю буенъ, да сердце у него золотое, а этого три года гляди, не разглядишь, что онъ за человѣкъ уродился.—Точно, большой былъ чудакъ товарищъ прокурора Клинскій, и не старуха одна задумывалась.

Въ судѣ предсѣдатель былъ старый человѣкъ, двадцать лѣтъ въ Острогожскѣ жилъ, вѣкъ тутъ свѣковать собрался, такъ и тотъ послушаетъ въ засѣданіи, какъ Клинскій преступниковъ обвиняетъ, а вечеромъ въ клубѣ за картами понюхаетъ табачку, постучитъ табакеркой о столъ и скажетъ:

— Ну и молодые пошли. Вотъ хоть бы Клинскаго взять. Странное, сударь, ума направленіе. Начнетъ вора обвинять, такого всякій разъ туману напуститъ,—съ виду какъ будто и складно,

а не поймешь, хоть зарѣжь, за что онъ, что [illegible] на [illegible]
что укралъ, или что мало укралъ — страсти. Прѣсвятые [illegible]
только ушами хлопаютъ. Все она [illegible] не простая, а такого и я въ первый разъ вижу.

Нравомъ былъ Клинскій не понимъ, только и водился съ Нарымовымъ, да съ Тарасовымъ по сосѣдству. Позвонятъ послѣ обѣда, покурятъ, помолчатъ — говорили больше другіе — съ Нарымовымъ нехотя въ шахматы сыграетъ, а вечеромъ рѣдко куда. Больше все дома, работаетъ, либо на флейтѣ играетъ.

Собою былъ Клинскій недуренъ, стройный, блѣдный и волосы черные да пышные волной. Старикъ предсѣдатель не разъ косился.—На коронной службѣ состоите, а кудри, сударь, отпустили, какъ музыкантъ. — А Клинскій и глазомъ не моргнетъ. Пускай себѣ. Поброжжитъ и отстанетъ.

Многія въ Острогожскѣ барышни на Клинскаго заглядывались и для него въ судъ нарочно ходили, только онъ ихъ не замѣчалъ. Пройдетъ себѣ мимо, голову вскинетъ, смотритъ, какъ въ стѣну.

Къ старой попадьѣ подкатываться пробовали, не посватаетъ ли старая, только та и руками, и ногами.

— Ни, ни, ни! Не просите. И пытать не стану. Не возьму я этого на совѣсть. Потому который человѣкъ всякую ночь въ дудку играетъ и собаки отъ него воютъ, отъ того человѣка и жена весь свой вѣкъ провоетъ.

И точно,—рѣдкую ночь Клинскій за флейту не брался. Игралъ онъ безъ нотъ, по памяти. Стоитъ весь блѣдный, лицо какъ изъ мѣла, глаза закроетъ, а флейта заливается, стонетъ по комъ-то, будто убили кого-то, будто кто-то лежитъ неоплаканный въ чистомъ полѣ.

Жалобно выговаривала флейта. Вѣрно сказывала старуха, что собакамъ и тѣмъ невтерпежъ. Всякій разъ Шарикъ вылъ на дворѣ изъ-за прокуроровой флейты. Воетъ, на мѣсяцъ глядя, такъ и надрывается.

Да что собаки, и людямъ не въ моготу было. Нарымовъ [illegible] человѣкъ, и того пройметъ.

— Вы бы, голубчикъ, того... полегче насчетъ флейты-то вашей, — скажетъ на утро Клинскому. — Ну, талантъ у васъ, въ столицу бы ѣхали, въ консерваторію поступали, а то такъ зря-то что же... Нынче опять всю ночь промаялся. Вы-то кончили, а я до пѣтуховъ глазъ не сомкнулъ. Музыка—предметъ веселый, радовать должна, а васъ слушаешь, тошно становится, словно ограбилъ кого или ребенка зарѣзалъ. Вонъ кривая Анисья! Простая баба, и та нынче который разъ изъ-за вашей игры у старухи разсчета просила, а у меня все-таки нервы.

Клинскій обѣщалъ „полегче“, но въ слѣдующій разъ повторялось то же.

Три года Нарымовъ, Тарабанъ и Клинскій въ одномъ домѣ жили и дружбу вели. Смѣшно было со стороны, съ чего и дружить имъ, народъ очень разный, и сами каждый про себя удивлялись, а вотъ не расходились и только, словно было что-то, что ихъ другъ съ другомъ связало, какъ веревкой: близокъ—не близокъ, нуженъ — не нуженъ, а не уйдешь, почему — неизвѣстно.

Посмотрѣть толкомъ, такъ и недолюбливали они другъ друга. Нарымовъ Тарабана за дурака считалъ: заставь, молъ, его молиться, онъ стѣну лбомъ прошибетъ. Тарабанъ о Нарымовѣ полагалъ, что онъ прирожденная мелкая чинуша, крыса бумажная и взятки беретъ. Оба вмѣстѣ осуждали Клинскаго и въ этомъ сходились. Никчемушный человѣкъ! Деньги съ казны получаетъ, а дѣла на совѣсть не дѣлаетъ и не любитъ, — за что такимъ деньги платятъ. И Клинскій не любилъ ихъ обоихъ: маленькіе люди, глазъ кверху поднять не могутъ, все въ землю смотрятъ, что-то въ нихъ есть, словно за ноги хватаетъ, словно пониже пригнуть хочетъ.

И все-таки жили вмѣстѣ и лучшаго не искали, даже довольны были другъ другомъ. Неторопливо текла ихъ жизнь, какъ пыльная степная дорога. Тянется, уходитъ куда-то, и конца ей не видно. Пойди по ней, такъ и будешь итти все прямо, да прямо, невѣдомо куда, хоть до скончанія вѣка.

Но обманчивы степныя дороги. Идетъ, идетъ, ровная, какъ лента, анъ вдругъ и оборвется туманной ночью на краю крутого обрыва, словно по ней чортъ грѣшниковъ въ адъ возитъ. И взметется на дыбы конь, и взмахнетъ руками испуганный всадникъ, да ужъ поздно.

Глухое житье въ городѣ Острогожскѣ. А всего хуже осень.

Темный - претемный былъ осенній вечеръ. На улицѣ холодно, слякоть, и дождь какъ изъ ведра. Въ такіе вечера вѣшаются люди, не съ горя, а со скуки больше. Кажется, въ тупикъ попалъ, ни взадъ, ни впередъ, такъ тебѣ и ищетъ глазъ, который гвоздь покрѣпче.

Вотъ и обѣдъ отошелъ, и кривая Анисья лампу давно заправила съ зеленымъ абажуромъ, Нарымовъ о войнѣ потолковалъ и въ шахматы три партіи сыграли, а все не расходятся.

Тянулъ Тарабанъ въ клубъ, да Нарымовъ съ Клинскимъ и слышать не хотятъ. Кому охота отъ фонаря до фонаря лужи мѣрить. Остался и Тарабанъ. Не итти же одному. Сидятъ, курятъ, молчатъ, думаютъ каждый свое.

Пришла старуха Медузова, Нарымову письмо подала.

— Не обезсудь, батюшка, еще вчера принесли. Заспала, грѣшница, позабыла.

Отдала, покряхтѣла и назадъ поплелась, ничего ей не сказалъ Нарымовъ.

Помолчали еще.

— Отъ племянника?—спросилъ Гарабанъ.

— Отъ племянника. Кому же больше.

Былъ у Нарымова племянникъ, студентъ, покойной сестры сынъ. Не видались они лѣтъ десять. Однако дядю онъ не забывалъ и писалъ ему нерѣдко, а Нарымовъ ему къ праздникамъ деньги посылалъ и письма отправлялъ наставительныя, какъ молодому человѣку жить надо. Круглый былъ сирота,— кому и поучить, какъ не дядѣ.

— Фантастическій юноша,—держа въ рукахъ письмо заговорилъ Нарымовъ.—И въ кого уродился. Все-то онъ мечтаетъ, все мечтаетъ. Пишетъ мнѣ какъ-то: почему я, дядя, не владимірскій помѣщикъ Леонтьевъ, что въ Абиссинію поѣхалъ и тамъ вице-королемъ сдѣлался: были бы у меня тѣлохранители, черные, съ алебардами, а платье у нихъ красное съ золотомъ. Писалъ я ему послѣ: опомнись, Михаилъ, какіе тамъ тѣлохранители, ты бы лучше сперва университетъ кончилъ, а то седьмой годъ сидишь. Да куда тебѣ, и ухомъ не ведетъ. Пишетъ въ отвѣтъ: ничего, дядюшка, не подѣлаешь, мечта бываетъ. Душа, молъ, у него такая. А я такъ полагаю, не душа тутъ причина, а лѣнь. Драть некому. Вотъ и теперь. Въ Италію на всю зиму поѣхалъ, репетиторомъ къ кому-то. Подышу, говоритъ, воздухомъ тысячелѣтій. Воздухъ тысячелѣтій, это такъ, а вотъ экзамены опять ухнутъ.

Нарымовъ вскрылъ письмо и не спѣша принялся за чтеніе.

— Ну, не угодно ли, опять свое понесъ. Чѣмъ бы дѣльное что, а онъ бредни. Прямо не письмо, а литература. Вотъ извольте послушать.

„Милый дядя! Я все еще полонъ Равенной. Я прощаю эти пыльныя неширокія улицы, по которымъ тучами мчатся велосипедисты, когда думаю о старой аріанской базиликѣ, гдѣ тяжелая пышность византійскихъ мозаикъ слилась съ угасающимъ изяществомъ греко-римскаго міра, или о мраморномъ саркофагѣ, въ которомъ нашла покой стремительная и странная судьба Галлы Плацидіи, дочери римскихъ императоровъ и невѣсты варварскихъ королей.

Но всего больше запечатлѣлась во мнѣ могила короля Теодориха. Этотъ невысокій мавзолей съ простымъ круглымъ сводомъ, далеко за городомъ, затерянный среди окрестныхъ виноградниковъ и обтекаемый равнодушными вѣтрами, будто говоритъ своимъ каменнымъ языкомъ о жребіи готскаго народа, мгновенно просіявшемъ и пролетѣвшемъ, какъ сонъ.

Я былъ тамъ на закатѣ. Со мною не было никого.

Я взошелъ по мраморнымъ ступенямъ, вдоль стѣны, оплетенной алыми розами и дикимъ плющомъ. Кругомъ разстилались виноградники и желтѣли воздѣланныя поля. Было тихо. Подъ стѣной журчалъ ключъ, и въ этомъ спокойствіи покинутой гробницы, откуда мстительная рука развѣяла прахъ короля, было неизъяснимое очарованіе.

Надвигались сумерки. Послѣдніе закатные отблески теплились на розовѣющемъ мраморѣ, и подъ сводомъ густѣла тѣнь.

Ахъ, почему умираетъ красота и торжествуетъ безобразіе?

И куда дѣлись тѣ силы, которыя двигали народами и колебали, какъ шаткій тростникъ, міровое колесо? Или онѣ исчезли безъ слѣда?

Кругомъ темнѣло, и мнѣ казалось, что памятникъ, забытый среди полей, дрожитъ еле слышнымъ трепетомъ ожиданія и вотъ оживетъ, и вотъ завьются подъ сводами тѣни героевъ, и пройдутъ подъ луной, и будутъ шелестѣть невнятно о бояхъ и побѣдахъ.

Я думалъ, — они пронесутся передо мной, друзья и враги, всѣ, кто связаны рокомъ съ торжественной памятью готовъ.

Я увижу тебя, великій Теодорихъ, въ желѣзной коронѣ и съ сѣдой бородой, опирающагося на мечъ, принесенный съ сѣвера. И тебя, молчаливый Тейя, послѣдній властитель готовъ, царственный пѣвецъ, съ высокимъ челомъ и съ черными кудрями. И тѣхъ, кого связывало съ вами навѣки пламя вражды, вѣчныхъ соперниковъ, — тебя, сожигатель городовъ, Велисарій, въ блестящемъ панцырѣ и въ шлемѣ съ конскимъ хвостомъ, и тебя, Нарсесъ, геніальный горбунъ, евнухъ въ пестрыхъ одеждахъ, слабый тѣломъ и могучій душой.

Но подъ сводами была тишина, и тогда я простеръ руки къ потемнѣвшему небу и воскликнулъ:

Заклятіемъ жаждущей воли я заклинаю васъ, великія тѣни! Гдѣ бы вы ни были: живете ли вы въ бездонныхъ воздушныхъ пространствахъ, или въ шумѣ лѣсовъ и водъ, или въ незнающихъ человѣческихъ тѣлахъ, возстаньте на зовъ мой со всѣхъ четырехъ концовъ земли!..“

Недочитанное письмо выпало изъ рукъ Нарымова.

И совершилось со всѣми тремя дивное и странное, что бываетъ съ людьми одинъ разъ и послѣ, пролетѣвъ, томитъ и волнуетъ сознаніемъ нужнаго, единственно важнаго, но навсегда забытаго сна. Ослѣпительное воспоминаніе пронизало сумракъ ихъ душъ съ ихъ привычками, нравами и теченіемъ повседневныхъ мыслей и тамъ внизу озарило дальнее, древнее, все, чѣмъ они были и чего искаженнымъ и жалкимъ подобіемъ до самыхъ мельчайшихъ чертъ, какъ лицо въ искривленномъ зеркалѣ, была ихъ теперешняя сущность.

Такъ мгновенный шквалъ ударитъ въ мирно дремлющее межъ скалами море, и волны, кидаясь въ стороны, вдругъ обнажаютъ покрытое пѣною дно съ черными камнями и космами подводныхъ травъ.

Они вспомнили.

Не было Тарабана, любителя пожаровъ, болтуна и женолюбца. Былъ Велисарій, сожигатель городовъ, съ гордымъ станомъ и взглядомъ орла. Рука его тянулась къ мечу, и передъ нимъ проносились подобные вихрю образы. Желѣзные строи легіоновъ, плѣнные короли въ серебряныхъ оковахъ, пестрые значки нумидійской конницы, крутобокія триремы съ пурпурными парусами, дымы гигантскихъ пожарищъ и ночные огни засыпающихъ лагерей, пышность и блескъ, а послѣ коварство женщинъ, измѣна любимой, и неблагодарность владыки, паденіе и позоръ, и выколотые глаза, и горькое блужданіе нищимъ по улицамъ Новаго Рима.

Не было Клинскаго, лѣнивца и мечтателя, играющаго на флейтѣ. Печальный и гордый Тейя, король и пѣвецъ, стоялъ, блистая глазами, и черныя кудри вились, какъ живыя, надъ смертельно блѣднымъ челомъ, а съ устъ срывались гортанныя и рѣзкія слова незнакомой рѣчи. Онъ видѣлъ славу и побѣды готовъ, ихъ недолгое величіе, ихъ послѣднюю борьбу и узкій горный проходъ, гдѣ онъ стоялъ одинъ, принимая на щитъ вражескія стрѣлы; онъ видѣлъ сверкающее море и дымный Везувій на горизонтѣ, суровыя лица соратниковъ, склоненныя надъ нимъ умирающимъ, и дальніе бѣлые паруса дружественныхъ кораблей, которымъ было суждено увезти на вьюжный сѣверъ его бездыханное тѣло.

Противъ него, привставъ съ кресла, корчился великій горбунъ Нарсесъ, низкорослый и хилый евнухъ, завоеватель полуміра. Онъ сгибался, словно готовясь къ прыжку, и правая рука его, судорожно сжимаясь, напрасно искала на груди золотую съ круглыми изумрудами цѣпь, послѣдній подарокъ Юстиніана.

Такъ они стояли другъ противъ друга, три великихъ врага, съ гнѣвомъ и страстью не смиренной вѣками, будто рѣшая давній неконченный споръ.

Но закрылась разъявшаяся на мигъ глубина и унесла съ собою все, что имъ дано было видѣть единымъ устремленіемъ чуждой воли, и тихая ея поверхность больше не выдастъ своихъ таінъ.

Смѣшались ихъ мысли, исчезли образы прошлаго, и вотъ сидѣли за столомъ съ тканой бѣлой скатертью трое усталыхъ и молчащихъ людей съ осунувшимися лицами и погасшимъ взглядомъ.

Они забыли.

Осталось лишь несказанное и смутное, что съ тѣхъ поръ раздѣлило ихъ жизни навсегда.

Прошло нѣсколько дней. Старухинъ домъ опустѣлъ, и пріятели разъѣхались по разнымъ квартирамъ.

Не было никакихъ объясненій, все вышло само собой, и прощаніе было немногословнымъ и обычнымъ.

И что могли бы они сказать другъ другу? Каждому казалось, что ему просто надоѣли другіе и онъ собирался это сдѣлать давно. На окнахъ медузовскаго дома забѣлѣли билетики.

Долго охала старуха, толкуя у крыльца съ сосѣдками и съ кривой Анисьей.

Батюшки свѣты! И съ чего это, милыя, попритчилось. Ни ссоры, ни свары, жили ладно, чинъ чиномъ, какъ родные братцы. Теперь и имъ выгоды нѣтъ, и мнѣ, старой, убытокъ... А только помяните мое слово, — не будетъ имъ радости. Потому, тутъ дѣло не безъ нечистаго. Недаромъ длинный-то по ночамъ все въ дудку игралъ. Вотъ и наигралъ, прости Господи. Охъ, грѣхи!

И старуха, уходя, сердито тащила домой пришедшаго погрѣться на солнцѣ недоумѣвающаго кота Китовраса. Котъ лѣниво упирался и недовольно урчалъ.

Скоро судьба совсѣмъ развела Нарымова, Клинскаго и Тарабана, и при рѣдкихъ встрѣчахъ глаза ихъ были тусклы, какъ всегда. Имъ было не о чемъ говорить.

Потолковали въ городѣ, съ чего разъѣхались друзья, посудачили и забыли. Ну ихъ! Своего дѣла много.

Владиміръ Линденбаумъ.

1.

Умирающій день какъ ты нѣженъ и тихъ!
Я тебѣ отдаю вечерѣющій стихъ.

Ты меня легковѣйно цѣлуешь въ уста,
И душа моя снова свѣтла и чиста.

И, какъ прежде, весенняя радость жива,
И, какъ прежде, шепчу я простыя слова.—

Въ полумглѣ золотой я молюсь, чтобы мнѣ
Потонуть въ лучезвонной твоей тишинѣ.

2.

Холодная луна, владычица ночная!
Я въ ночь осеннюю, въ безбольномъ полуснѣ,
Люблю слѣдить, какъ ты, сребристо-золотая,
Путемъ торжественнымъ проходишь въ вышинѣ.

Я въ ночь осеннюю такъ тихо и спокойно
Одинъ грущу о томъ, чему возврата нѣтъ,
И въ ночь осеннюю ты съ ласкою незнойной
Съ высотъ сіяющихъ мнѣ льешь свой ровный свѣтъ.

И все уходитъ въ даль: и счастье, и страданье,
Подъ ласкою твоей дремлю я чуть дыша,
И въ волнахъ твоего безбурнаго сіянья
Моя усталая качается душа.

3.

Ты одна въ мерцаньи ночи темной
На распутьи роковыхъ дорогъ,
Ночь мрачна, и страшенъ міръ огромный,
Ночь мрачна, и строгій путь далекъ.

И мечту лелѣя голубую,
На распутьи роковыхъ дорогъ,
Ты сквозь ночь холодную и злую
Молчаливо смотришь на востокъ.

4.

Въ глухую ночь, подъ неумолчный вой
Ночныхъ вѣтровъ, ты вспомни тихій свѣтъ,
Безбурный свѣтъ любви вечеровой,
Простую радость отошедшихъ лѣтъ.

Въ нѣмой ночи, у грани роковой,
Я странно счастья жду. А счастья нѣтъ.
Моей любви, любви вечеровой,
Навѣкъ погасъ воздушно-алый свѣтъ.

Еще услышу ли я голосъ твой
Еще мнѣ будетъ ли на зовъ — отвѣтъ?
Любви единственной, вечеровой,
Ты вспомнишь ли святой предночный свѣтъ?

Въ глухую ночь, предъ мглою гробовой,
Ты жизнь благослови за тихій свѣтъ,
Усталый свѣтъ любви вечеровой,
За счастье навѣкъ ушедшихъ лѣтъ.

5.

Dort wächst eine blaue B[illegible]
Н. Н[illegible]

Меня схоронятъ далеко —
На распутьи пустынныхъ дорогъ,
Гдѣ растетъ и цвѣтетъ одиноко
Блѣдно-синій грустный цвѣтокъ.

И придешь ты, покорно-нѣмая,
На распутье пустынныхъ дорогъ,
Гдѣ надъ вѣтромъ киваетъ, вздыхая,
Блѣдно-синій грустный цвѣтокъ.

6—8.

УШЕДШЕЙ.

Твой гробъ несли дорогой зимней
Звенѣла пѣсня злой пурги,
И кто-то плакалъ: „Помоги мнѣ!
О, Боже, Боже, помоги!“

Я помню темныя иконы,
Невѣрный свѣтъ въ церковной мглѣ
И чей-то плачъ, и чьи-то стоны,
И бѣлый вѣнчикъ на челѣ.

Молчалъ, не думалъ ни о чемъ я,
Когда твой строгій гробъ несли,
Когда о гробъ стучали комья
Холодной, ледяной земли.

А надо мной шумѣли сосны
О томъ, что было, что прошло...
Благоуханный ладанъ росный
Курился нѣжно и свѣтло.

И снилось: ангелъ твой хранитель.
Во мглѣ воздушно голубой,
Тебя въ предвѣчную обитель
Ведетъ лазурною тропой.

Я вновь пришелъ къ твоей могилѣ,
И ты, въ горячемъ блескѣ дня,
Изъ бѣлой чащи райскихъ лилій,
Быть можетъ, смотришь на меня.

Весенній день лучистъ и веселъ
Не надо слезъ. Не надо словъ.
Молчу. На бѣлый крестъ повѣсилъ
Вѣнокъ изъ полевыхъ цвѣтовъ.

Здѣсь молкнетъ рокотъ жизни страстной,
И не желая, не скорбя,
Опять бездумно и безгласно,
Безъ словъ молюсь я за тебя.

А вѣтеръ нѣжно и [illegible]иво
Ко мнѣ несетъ из-за луговъ
Далекій свистъ локомотива
И колокольный свѣтлый звонъ.

Вновь качаетъ душу сонъ вечеровой,
Снова въ синихъ даляхъ вижу образъ твой.

Вижу въ синихъ даляхъ алые цвѣты
Межъ цвѣтовъ закатныхъ тихо дремлешь ты.

Межъ цвѣтовъ закатныхъ въ сонной полумглѣ,
Дремлешь ты и грустно грезишь о землѣ,

Гдѣ, слѣдя, какъ меркнетъ свѣтъ вечеровой,
Я въ душѣ лелѣю тихій образъ твой.

[illegible]

Ты подойдешь неслышною стопой.
Со мною будешь только ты одна,
И зацвѣтетъ мечтою голубой
Твоя улыбчивая тишина.

На ясномъ склонѣ гаснущаго дня
Ты будешь безмятежна и свѣтла,
Ты подойдешь и уведешь меня
Отъ безысходнаго земного зла.

Тамъ—въ блѣднорозовой, воздушной мглѣ,
Гдѣ вознесенъ твой заревой чертогъ,
Забуду о тоскующей землѣ,
Забуду мракъ моихъ земныхъ дорогъ.

Изъ черной тьмы, изъ жизни прожитой,
Ко мнѣ не донесется ничего,
И въ пѣснѣ легколетной и простой
Я буду славить Бога моего.

А. Л. Миропольский

СКАЗКА ЧЕРКЕСА.

Въ дымной саклѣ ярко горитъ обрубокъ дерева. Сквозь дымъ мелькаютъ черныя бурки, серебряные кинжалы. Турій рогъ медленно переходитъ изъ рукъ въ руки. Молчаніе. За саклей топотъ лошадей, тихое ржаніе. Совсѣмъ близко голодный вой шакаловъ.

Холодно! Свѣтитъ луна.

Вино качичъ горячитъ кровь. Старики грѣются, но кровь молодого Мустафы горячѣе качича и горячѣе огня.

Луна свѣтитъ, конь пляшетъ подъ Мустафой. За спиной у черкеса лукъ и стрѣлы, у пояса висятъ кинжалъ и шашка серебряные въ дорогихъ камняхъ.

Крута черкесская тропа. Много разъ скакали по ней джигиты, много плѣнныхъ рабовъ-мингреловъ прогнали по ней, много крови видала крутая тропа.

По ней тихо ѣдетъ Мустафа. Рядомъ въ кустахъ воютъ шакалы и съ шумомъ ломится кабанъ, но, увидя всадника, угрюмо хрюкаетъ и бѣжитъ спрятаться: боятся черкеса дикіе звѣри.

Тихо ѣдетъ Мустафа. Онъ молодъ, онъ еще никого не плѣнилъ. Его не смѣетъ любить прелестная Гуля—ни одного врага онъ не убилъ.

Слышитъ Мустафа, навстрѣчу тихо ѣдетъ другой всадникъ. Кто онъ?! Стоитъ послушный конь Мустафы, весь насторожился. Черкесъ стрѣлу направилъ. Запѣла, зазвенѣла тетива, взвилась крылатая стрѣла, достигла до груди встрѣчнаго всадника и отскочила, какъ отъ скалы.

„Шайтана грудь“, пробормоталъ Мустафа и схватился за кинжалъ, чтобы кинуться на врага.

Проснулся всадникъ, онъ спалъ, весь черный, а на груди

бѣлый знакъ, словно двѣ шашки въ бою скрестились. Онъ отстегнулъ отъ пояса свою тяжелую шашку и протянулъ ее Мустафѣ.

„А, плѣнный, первый плѣнный — пришло счастье къ Мустафѣ!“

Крѣпки ремни черкесскіе, крѣпко держатъ они руки и ноги плѣннаго раба. Тяжела участь раба, но далекъ еще путь до родного аула.

Хитры какъ шакалы мингрелы, воюютъ они, какъ шакалы, на одного они нападаютъ цѣлой гурьбой—кричатъ, что они джигиты.

Горитъ костеръ на чужой горѣ. Тяжела дорога связаннаго черкеса къ мингрельской низинѣ, тяжела жизнь раба-черкеса у лѣнивыхъ мингреловъ.

Горитъ костеръ на мингрельской горѣ. У костра спятъ мингрелы, напились вина мингрельскаго. Дальше лежатъ Мустафа и его плѣнный—оба связаны. Не стонетъ Мустафа, только тихо одна за другой изъ глазъ его капаютъ крупныя слезы. Никто не видитъ! Не стыдно джигиту оплакивать свою свободу. Ползетъ къ нему плѣнный чужеземецъ. На немъ нѣтъ ремней, въ рукахъ блеститъ кинжалъ.

„Хорошо“, думаетъ Мустафа: „онъ убьетъ меня, я не буду рабомъ“.

Кинжалъ рѣжетъ ремни — Мустафа свободенъ.

— Шайтанъ!—шепчетъ Мустафа:—братъ мой, ты сынъ шайтана. Убьемъ сонныхъ мингреловъ, возьмемъ ихъ коней!

— Нѣтъ, не убивай ихъ, — вдругъ говоритъ по-черкесски чужеземецъ: — а коней и оружіе ихъ возьмемъ.

Похолодѣлъ Мустафа, шепчетъ: „Онъ говоритъ какъ черкесъ. Шайтанъ! Шайтанъ!“

Мустафа и другой быстро вяжутъ мингреловъ.

Мчится табунъ лошадей съ дорогой добычей по черкесской тропѣ. Смѣется яркое солнце, смѣется бѣлый снѣгъ и даже скалы, поросшія пихтой и сѣрымъ мхомъ, смѣются, смѣется счастливый Мустафа и думаетъ о прелестной Гулѣ, но не смѣется его товарищъ, весь черный, съ бѣлымъ знакомъ на груди.

Много черкесовъ подъ священнымъ дубомъ, молча сидятъ они. Среди нихъ сидитъ джигитъ Мустафа и чужестранецъ Алекъ, не рабъ черкесовъ, а джигитъ. Онъ въ черной буркѣ, а на груди его бѣлый знакъ. Подъ дубомъ горитъ огонь священный и очень старый человѣкъ шепчетъ надъ огнемъ слова странныя, черкесамъ непонятныя. Отъ огня подымаются къ синему небу клубы дыма все гуще и гуще—въ нихъ живутъ души погибшихъ въ бояхъ прежнихъ джигитовъ. Онѣ, какъ полчища,

облегаютъ кругъ черкесовъ, а черкесы молчатъ, только слышенъ шепотъ стараго человѣка у священнаго огня.

Тишина. А безмѣрно высоко надъ дубомъ, на высокой горѣ, гдѣ никогда не бываютъ люди, кружится и пронзительно кричитъ огромный орелъ.

И вотъ, старый человѣкъ зоветъ Мустафу и Алека.

Они подходятъ къ самому священному огню. Въ рукахъ у стараго человѣка прадѣдовскій кинжалъ. Этимъ кинжаломъ онъ ранитъ руки Мустафы и Алека, смѣшиваетъ ихъ кровь и льетъ ее на священный огонь.

Братство крови совершилось.

Смѣется Мустафа, цѣлуетъ и обнимаетъ своего новаго брата. Повеселѣли всѣ черкесы, дружно переходитъ изъ рукъ въ руки турій рогъ съ самымъ старымъ, крѣпкимъ виномъ, много говорятъ старики о геройскихъ подвигахъ джигитовъ, хвалятъ молодежь, хвалятъ Мустафу и его брата Алека.

Алека въ кружкѣ нѣтъ, онъ незамѣтно ушелъ, сидитъ на скалѣ за широкимъ инжиромъ.

Не видитъ Мустафа Алека, соскучился по брату, находитъ его за инжиромъ, весь веселый, радостный крадется къ нему, хочетъ его испугать, хочетъ поговорить съ нимъ, какъ похитить ему его милую Гулю, хочетъ просить помощи у брата.

Но увидалъ онъ Алека и попятился назадъ. Алекъ лежалъ на землѣ, билъ себя въ грудь и горько плакалъ. Подошелъ къ нему Мустафа, взоръ его огнемъ загорѣлся, рука схватилась за кинжалъ.

— Кто опозорилъ моего брата Алека, что онъ плачетъ, какъ дѣвушка? Скажи мнѣ имя врага твоего и Мустафа сумѣетъ кровавой местью отомстить за брата своего.

Пересталъ плакать Алекъ, грустно смотритъ на брата своего и говоритъ:

— Ты хочешь знать оскорбителя моего—это я самъ. Ты хочешь отомстить ему кровавой местью — убей меня.

— У, Шайтанъ,—проговорилъ Мустафа и тихо, поникнувъ головой, пошелъ отъ него.

Заснули горы, спятъ и черкесы, только луна смотритъ съ высокаго неба, охраняетъ покой черкесовъ.

Одинъ Мустафа не спитъ, думаетъ о братѣ Алекѣ и о Гулѣ.

— Завтра ночью Гуля будетъ женою моего брата,—слышетъ Мустафа голосъ. Глядитъ Мустафа, передъ нимъ весь черный стоитъ его братъ Алекъ.

— Алекъ, развѣ ты знаешь о чемъ я думалъ?

— Я много знаю, но не думай объ этомъ.

Черкесская свадьба. Мчится Мустафа на конѣ своемъ, въ рукахъ крѣпко держитъ Гулю, она обвила его шею своими руками, прижимается къ нему. Погоню [illegible] Алекъ, стрѣляетъ изъ лука и рубится шашкой. [illegible] ранилъ Алека и одина братъ Гули, но Мустафа умчался въ горы со своею невѣстою, куда-то скрылся и Алекъ потомъ потерялъ ихъ слѣдъ. Черезъ недѣлю пріѣдутъ домой съ невѣстой къ роднымъ Гули.

Свадьба, турій рогъ, стрѣльба, веселье!

Живутъ въ своей саклѣ Мустафа и Гуля, живетъ съ ними и Алекъ, ихъ дорогой братъ. Алекъ не похитилъ себѣ жены, онъ всегда мрачный и черный, но на груди его больше нѣтъ бѣлаго знака. Во всѣхъ бояхъ Алекъ первый—велика слава джигита Алека.

Разъ сидятъ они вечеромъ передъ саклей, Алекъ и Мустафа точатъ кинжалы, а Гуля играетъ на зурнѣ и поетъ о бѣдномъ конѣ, который пропалъ въ горахъ.

Видятъ они, что къ нимъ подымается въ горы усталый всадникъ, это родственникъ Гули, живетъ онъ близко отъ мингреловъ, у подножія горъ.

Гуля приняла его коня, обмыла ноги всадника, дала ему пищи и крѣпкаго вина.

Молча сидятъ Алекъ и Мустафа и ждутъ, когда всадникъ пожелаетъ разсказать имъ о своемъ дѣлѣ. Отдохнулъ, насытился всадникъ и сказалъ имъ, что близко отъ нихъ на сосѣднюю гору пришли новые люди, одѣты они въ желѣзо, ни одна стрѣла, ни одна шашка ихъ ранить не могутъ, что на груди у нихъ бѣлый знакъ, словно двѣ шашки скрестились въ бою, что построили они огромную каменную саклю, куда никто изъ черкесовъ проникнуть не можетъ, что ловятъ они черкесовъ и заставляютъ на глазахъ родного аула быть своими рабами. Сказалъ онъ печально:

— Великій позоръ для черкесовъ! Помогите вы, джигиты наши, побѣдить и прогнать намъ нашихъ желѣзныхъ враговъ.

Мустафа схватился за шашку и сейчасъ хотѣлъ мчаться, но Алекъ тихо удалился въ горы, а когда вернулся къ нимъ, былъ печаленъ и сказалъ.

— Не можемъ побѣдить желѣзныхъ людей.

Поѣхали всѣ и Гуля съ ними, не хотѣла остаться одна.

На высокой скалѣ неприступный замокъ, а у подножія скалы небольшой аулъ. Прячутся черкесы, боясь нападеній желѣзныхъ людей. Нѣтъ у черкесовъ больше храбрости, даже джи-

гитъ Алекъ хмурится и ничего не говоритъ; по ночамъ онъ что-то шепчетъ и долго стоитъ на колѣняхъ. Удивляются на него его братья, видно, онъ шепчетъ заклинанія. Вотъ уже десять разъ солнце пряталось за горы и вновь выплывало оттуда.

Случилось, что воды не было въ саклѣ. Гуля взяла глиняный кувшинъ и пошла потайной тропой за водой, но не было ей счастья. Ее увидали желѣзные люди, схватили ее и потащили на гору въ огромную каменную саклю. Узнали объ этомъ черкесы, горевали, думали, совѣтовались, но не знали, какъ ее спасти. Алекъ долго молча сидѣлъ, онъ былъ весь черный, даже лицо почернѣло его, потомъ онъ всталъ и тихо сказалъ, что приведетъ Гулю назадъ. Онъ надѣлъ себѣ на грудь свой бѣлый знакъ, словно двѣ шашки скрестились въ бою, и пошелъ на гору. Желѣзные люди увидѣвъ его, ему что-то кричали и онъ имъ что-то кричалъ. Они впустили его къ себѣ въ огромную саклю.

Въ эту же самую ночь Гуля вернулась къ своему мужу и горько плакала.

— Гдѣ Алекъ? — спросили ее.

— Онъ будетъ скоро здѣсь,— сказала она и горько плакала.

Настала третья ночь. У черкесовъ ярко пылалъ костеръ. Всѣ сидѣли молча, оплакивая Алека.

Вдругъ среди нихъ, при яркомъ свѣтѣ огня, появился человѣкъ; до пояса онъ былъ голый и весь въ крови. Кожа съ его спины, груди и рукъ была содрана и висѣла кровавыми клочьями, а на груди былъ выжженъ огнемъ черный знакъ, словно двѣ шашки скрестились въ бою. Это былъ Алекъ. Бросились черкесы лицами на жесткіе камни, били объ нихъ свои головы и рыдали, какъ малыя дѣти.

— Довольно плакать,— сказалъ Алекъ:— идите за мной, кровавая месть!

Луны нѣтъ! Какъ змѣи ползутъ черкесы за Алекомъ. Напрягая послѣднія силы ведетъ онъ ихъ тайной тропой къ саклѣ желѣзныхъ людей. Вотъ уже каменныя башни!

Сѣлъ Алекъ на камень, покинули его силы, но показалъ рукой, и ползутъ черкесы въ саклю желѣзныхъ людей.

Не слышно криковъ битвы—желѣзные люди спали крѣпкимъ сномъ. Сидитъ Алекъ на камнѣ, рядомъ съ нимъ Гуля. Уже глаза Алека плохо видятъ. Выносятъ черкесы на рукахъ крѣпко связанныхъ желѣзныхъ людей, кладутъ ихъ передъ Алекомъ.

— Разложи костеръ,— говоритъ Алекъ.

Выносятъ черкесы картины и серебряные сосуды желѣзныхъ людей, ихъ дорогое платье и все кладутъ въ одну кучу, а на вершину кучи кладутъ связанныхъ желѣзныхъ людей и все обливаютъ смолой. Высоко взвивается пламя, кипитъ смола, громко кричатъ желѣзные люди, но смѣются черкесы.

Всталъ съ трудомъ на ноги Алекъ, смотритъ на черкесовъ и говоритъ:

— Не могу я больше жить съ черными знаками на груди! Прощайте, братья, не забывайте Алека! — сказалъ и бросился въ самую середину костра и не стало знаменитаго джигита Алека.

Пойди, странникъ, въ селеніе Калдахвары, взгляни на развалины замка героя. Тамъ камни говорятъ о немъ, но не трогай тамъ ни единаго камня, вѣдь ни ты, странникъ, ни я, старый черкесъ, не узнаемъ и никогда не узнаемъ, кто былъ Алекъ: Шайтанъ или Добрый демонъ.

Кавказъ. Гагры. 11-го окт. 1913 г.

КРУГЪ БЫТІЯ.

1. Весна.

Я грущу о той, кого почти не знаю,
Иль я выдумалъ свою печаль?
Какъ на солнцѣ льдинка съ тихимъ зовомъ таю,
Но на небо улетѣть мнѣ жаль.

На дворѣ весна. Воздушныя качели
Сердце вдаль и ввысь несутъ, звеня,
И назадъ — къ таинственной купели,
Гдѣ крестили въ грусть любви меня.

Крестикъ золотой на простенькой цѣпочкѣ
Жизнь мою сквозь весны сторожитъ.
Но опять раскрылись жаждущія почки,
И лазурь звенитъ, уноситъ и дрожитъ.

Эти дни весенняго томленья,
Эти дни забвенья наяву,
Этотъ зовъ вечерняго волненья
Для цвѣтка, который не сорву.

2. Лѣто.

По знойному лѣту, какъ по лу́гу, что солнцемъ залитъ,
Босыми ногами мальчикъ ступаетъ.
Дни идутъ и ночи мигаютъ какъ звѣзды, а сердце горитъ
И какъ утолить его боль?.. Кто знаетъ!

Послѣ зеленыхъ, веселыхъ, весною влюбленныхъ [illegible]
Задымилась земля и пылаетъ трепеща, какъ свѣча,
И мигаетъ сама, какъ звѣзды по ночамъ,
Какъ пожарище души.

Горьки терпкія травы, всѣхъ горше полынь.
Цвѣтокъ ломкій и знойный бурьянъ.
Сердце, стынь. Сердце стынь!
Мальчикъ, сокомъ смертельнымъ ты пьянъ!

3. Осень

Я иду и творю только мнѣ понятные знаки:
Здѣсь дорожка, здѣсь кустикъ, а это пусть будетъ цвѣтокъ георгинъ.
На лужайкахъ поникнули злаки:
Осень идетъ, и цвѣтокъ остается на ночь одинъ.

Онъ будетъ грустить, какъ и я; ну и что же?
Всѣ на землѣ мы грустимъ.
Всѣхъ насъ ждетъ одно тихое ложе,
У всѣхъ будетъ надпись: подъ камнемъ симъ.

Но хоть осень, а солнце все еще свѣтитъ
И вечерній воздухъ ясенъ и тихъ,
И поэтъ въ этомъ мірѣ все еще что-то мѣтитъ,
Зачѣмъ-то творитъ свой стихъ.

Никто на землѣ ничего не знаетъ:
Вотъ жизнь, вотъ смерть, а вотъ цвѣтокъ георгинъ,
Вонъ послѣднее облачко высоко таетъ,
Вотъ чья-то рука золотая изъ-за гардинъ.

Тамъ винограда пестрыя пятна
И паутины воздушная нить.
Все въ этомъ мірѣ родное и все непонятное.
Ахъ, грустно, грустно и упоительно жить!

4. Зима

Зима — колыбель, а снѣга въ колыбели моей — одѣяло.
Любо мнѣ, мальчику, нѣжиться, спать у родимой груди.
Все, что придетъ — какъ хорошо! — еще не настало.
Такъ изумительно все, что еще впереди.

Я и знаю въ моей колыбели про все, и не знаю,
Я дремлю какъ узоръ на стеклѣ о грядущихъ краяхъ.
Какъ мечта о себѣ, я летаю
Въ бѣлыхъ зимнихъ рояхъ.

Если я умеръ — какое наивное, дѣтское слово! —
То теперь-то я знаю, какъ сладко мнѣ умереть:
Умереть — это значитъ родиться, и снова
Жить, любить, тосковать, и тоскуя, любя: пѣть!

ПАНИХИДА

Какъ синее воздушной глубиной
Паритъ надъ городомъ веснѣющее небо!
Веснушки на церквахъ, голубокъ сизыхъ рой,
Притихнули, пока творится треба.

Священникъ говоритъ о бренности земной,
О мѣстѣ безъ тоски и воздыханья,
И чудятся молящимся порой
Цвѣтовъ иной земли благоуханья.

Какъ веселъ вешній день несущейся земли,
Какъ глубока тоска о силѣ необорной!
Но вотъ какъ сизый дымъ надъ башнею соборной
Поднялись голуби, и явственно вдали

Я вижу: свѣтлый Духъ сіяньемъ дымныхъ крылъ
Благословеніемъ все сущее покрылъ.

НОЧЬ У ФОНТАНА.

Дремлетъ ночь. По тяжкимъ темнымъ косамъ
Искрится и льется звѣздный блескъ.
Два угрюмыхъ мраморныхъ колосса
Сторожатъ фонтана легкій плескъ.

И душа, покинувъ тѣло, сѣла
Молчаливой птицей на сосну.
Зарыдать хотѣла, но не смѣла
Помѣшать блистающему сну.

Ночь румянцемъ тихимъ заалѣла
И растаяла у дымныхъ розъ.
А душа вернулась и нѣмѣла
Отъ невыплаканныхъ слезъ.

[illegible]

Бѣгутъ валы, а берегъ все [illegible],
Уходятъ дни, а грусть всегда одна,
И снова я, рыбакъ, [illegible]
Жемчужину поймать со дна.

И снова я [illegible]
Въ отсвѣтахъ струи, [illegible].
Но [illegible],
Смѣясь, плеща, колебля челнъ.

Жизнь коротка, но только для единой
Еще не разъ закину вновь и вновь
Пытливыхъ чувствъ узоръ: между морскою тиной
Жемчужину найти—*одну* любов.

НА АРНО.

Ахъ, кто мнѣ запретитъ тихонько вдоль рѣки
Итти за незнакомой дѣвушкой въ вуали
И говорить ей мысленно слова,
Такія нѣжныя, какъ небо на закатѣ.
Я знаю про нее лишь то,
Что высока она, тонка, что любитъ платья
Песочнаго и пепельнаго цвѣта,
А значитъ, любитъ Арно, какъ и я.
И это все. Но развѣ не довольно?
Вотъ встрѣтила знакомыхъ; мать ея
И мальчикъ братъ, и старшая сестра
Заговорили съ ними съ оживленьемъ,
Она жъ стоитъ какъ пальмовая вѣтвь,
Высокая и стройная, въ молчаньи.
И я остановился на мосту и вынулъ книжку,
Чтобъ записать нежданный образъ, Богъ вѣсть кѣмъ и зачѣмъ
Мнѣ посланный. Какъ быстро угасаетъ
Сентябрьскій вечеръ, какъ вода желта,
Какъ въ небесахъ мгновенно таютъ краски,
Какъ жизнь идетъ,— куда, зачѣмъ, Богъ вѣсть.
Какъ та, что тихая съ своей семьею
Прошла и мостъ, и скрылась вдоль рѣки.
Ты никогда, конечно, не узнаешь,

Что былъ поэтъ и на мосту чрезъ Арно
Излилъ своей души вечерней грусть,
Что на тебѣ его душа въ тотъ мигъ
Остановила взоръ. Ты не узнаешь.
Да и зачѣмъ? Благодаренье Небу
За этотъ кроткій вечеръ и печаль,
Преображенную въ воздушное вино,
Благословеніе тебѣ, о дѣвушка вдоль Арно.

* * *

Лишайникъ желтый, кровяной
На пнѣ дубовомъ выросъ дико.
Кругомъ копытникъ земляной
И блѣдно вьется повелика,

И въ сырости, въ тѣни травы
Грибы блестятъ веселой шапкой,
И держитъ межъ густой листвы
Орѣшекъ бѣлка цѣпкой лапкой.

Все мирно, какъ въ минувшемъ снѣ:
И муравейный городъ сорный,
И шелестъ листьевъ въ вышинѣ,
И ящерицы бѣгъ проворный.

И только желтый, кровяной,
Какъ выродокъ между другими,
Хранитъ лишайникъ мертвый зной
Своими лапами нагими.

Ихъ нынѣ сокъ и прахъ корней
Кошмаромъ тяжкимъ возрастили,
И лапы форму давнихъ дней
Листвы дубовой сохранили.

* * *

Жары іюльской благодать
Какъ музыка паритъ надъ міромъ,
И дирижеръ умѣетъ дать
Фортиссимо съ послушнымъ клиромъ.

Всѣхъ струнъ согласна полнота,
Іюль въ году, какъ полдень полный,
Отъ темныхъ глубей до листа
Колышетъ медленныя волны.

Пора расцвѣта зрѣлыхъ силъ
И мужества, и стойкой воли!
И я бы, смертный, попросилъ
Себѣ съ другими равной доли.

Жары июльской благодать,
Не укротишь ли ты бѣглянку,
Мечту мою: рѣзцомъ ей дать
Ея послѣднюю чеканку?

КАКЪ БЫ ОБЪ ОДНОМЪ

1.

Лукавство въ словѣ есть всегда,
Какъ есть обманъ въ одеждѣ женской.
Въ тиши вечерней, деревенской
На мху у стараго пруда,
Припоминая и друзей,
И собственныя скромно строки.

Гляжу, какъ въ заводи глубокой
Узоръ и листьевъ, и вѣтвей
Такъ просто отраженъ и нѣжно,
И думаю: чѣмъ словъ череда
Простѣй, зеркальнѣй, какъ вода,
Тѣмъ меньше фальши неизбѣжной.

2.

Буйнѣй, причудливѣй, страстнѣй
Слова и звуки — жемчугъ скатный —
Нижи, и вдругъ какъ соловей
Разсыпь ихъ трелью перекатной.

И смерчъ, и тройка, и ручей,
По скаламъ скачущій изъ плѣна,
И музыка въ бою мечей,
И глазъ мгновенная измѣна,

Все — пѣсни бѣгъ, что насъ томитъ
И душу мчитъ рѣкою страстной.
На то, что удалью кипитъ,
Не налагай узды напрасной,

Дай небу громомъ прогремѣть,
Дай вихрю взвыть и волнамъ биться,
И зорямъ заревомъ зардѣть
И пѣсни сердца всласть излиться.

Нина Петровская

СМЕРТЬ АРТУРА ЛИНДАУ.

Артуръ Линдау умеръ. Мы его вчера схоронили, и я положилъ на его гробъ лавровый вѣнокъ. Никто не узналъ, откуда эти лавры и кто ими вѣнчалъ маленькаго погибшаго поэта. Думали, можетъ быть, что какая-нибудь редакція почтила инкогнито безвременную смерть многообѣщающаго таланта. Пусть думаютъ такъ.

Я очень любилъ Артура Линдау, но не оплакиваю его смерти, а радуюсь ей, какъ свѣтлому празднику Красоты.

Въ ту послѣднюю ночь, что Артуръ провелъ среди живыхъ, я встрѣтилъ его случайно въ одномъ маленькомъ отдаленномъ кафэ.

Я шелъ мимо. Сквозь нечаянно распахнувшуюся занавѣску увидѣлъ надъ столикомъ его прекрасный склоненный профиль, мнѣ захотѣлось съ нимъ говорить, и я вошелъ.

Эта была печальная туманная октябрьская ночь. Сѣдая мгла ложилась на лицахъ прохожихъ, и они казались мутными тѣнями, скользящими въ желтыхъ кругахъ фонарей.

Какъ ядовитыя испаренія, ползла сквозь щели, врывалась въ мгновенно открывающіяся двери эта тяжелая свинцовая мгла, и можетъ быть отъ нея казалась такой бѣдной, потертой и унылой маленькая комнатка студенческаго кафэ, гдѣ остался я съ Артуромъ.

Скудно горѣли лампочки подъ пыльно-розовыми бумажными абажурами. Какіе-то мучительные, надрывающіе душу вальсы игралъ въ эту ночь полупьяный рыжій таперъ.

Въ отдаленьи хохотали студенты съ кёльнершами, а въ уголкѣ, у зеркала, почти рядомъ съ Артуромъ, сидѣла одинокая маленькая кокотка и, нервно теребя концы грязно-бѣлаго боа,

жадно и нѣжно смотрѣла на Артура. Гдѣ бы онъ ни былъ, я всегда подмѣчалъ эти зовущіе нѣжные взгляды. Такъ смотрѣли на него и женщины и мужчины, — равно. Его рѣдкостная красота магически притягивала къ себѣ взоры даже самыхъ равнодушныхъ, безчувственныхъ людей.

Онъ сидѣлъ, откинувшись на спинку дивана, и его лицо, какъ блѣдно-мраморный барельефъ, выступало на красномъ смятомъ бархатѣ.

— Я люблю это кафэ, — сказалъ онъ, — и часто здѣсь пишу стихи. Хотите, прочту вамъ послѣдніе, я написалъ ихъ вчера.

Онъ вынулъ записную книжку, долго смотрѣлъ на неразборчивыя строки, потомъ отложилъ ее въ сторону, опустилъ глаза и началъ читать.

Онъ слегка поблѣднѣлъ, тѣни рѣсницъ стали чернѣе и глубже, голосъ его вначалѣ дрожалъ.

Стихи были странные, новые для Артура Линдау и почти непонятные для меня. Такихъ онъ не писалъ никогда. Онъ никогда не писалъ о любви.

Въ длинныхъ ломающихся строчкахъ, въ изысканно причудливомъ ритмѣ слышалась какая-то безнадежно-страстная и протяжная мелодія, похожая на заунывныя пѣсни дикарей.

Онъ разсказывалъ объ одномъ покинутомъ возлюбленномъ, который стоитъ на разсвѣтѣ подъ окнами женщины, спящей въ объятьяхъ его друга.

Только тонкая стѣна раздѣляетъ два міра. Счастье и горе раздѣлены тонкой нѣмой стѣной. Блѣдные отсвѣты утра ложатся на счастливыя спящія лица, и тотъ же жестокій холодный свѣтъ колючимъ плащомъ одѣваетъ согнутыя плечи покинутаго любовника.

Его глаза, острые какъ мечи, буравятъ стѣну, и онъ видитъ эту комнату и всѣ милыя интимныя подробности любовной ночи.

Онъ видитъ ихъ небрежно сброшенное платье, видитъ, какъ спутались на подушкѣ темныя кудри женщины и золотыя воздушныя пряди волосъ его друга.

Онъ слышитъ ихъ спокойное дыханье, видитъ, какъ даже во снѣ сплетаются, ища другъ друга, ихъ теплыя руки...

Онъ становится на колѣни, кланяется до земли имъ обоимъ и благодаритъ Бога, давшаго ему познать великое, жгучее, пьянящее, единственное въ мірѣ счастье — счастье отвергнутой любви.

Онъ кончилъ и улыбаясь смотрѣлъ мнѣ въ лицо.

И я сказалъ: — Артуръ, это ваше первое стихотвореніе о любви, какое пришлось мнѣ узнать. Оно прекрасно, но мнѣ стало почему-то страшно за васъ.

Онъ принужденно улыбнулся и отвѣтилъ: — Мы съ вами никогда не говорили о любви. Но сегодня, если хотите, я скажу вамъ мои нѣкоторыя мысли.

Маленькая кокотка нехотя вставала изъ-за столика и умоляющими, жалкими глазами искала взгляда Артура.

Подъ звуки разбитаго рояля кружились между столиками студенты съ кёльнершами. Было все печально и убого въ маленькой комнаткѣ, пропахшей дымомъ и пивомъ.

И страннымъ диссонансомъ, точно образъ какого-то прекраснаго стариннаго портрета, выдѣлялся на красномъ захватанномъ бархатѣ классическій профиль юноши, съ кудрями пажа, съ длинными загнутыми рѣсницами, съ яркимъ нѣжнымъ ртомъ, похожимъ на какой-то рѣдкій экзотическій цвѣтокъ.

Онъ сказалъ: — Я не хочу говорить о личныхъ переживаніяхъ. Я, можетъ быть, пережилъ слишкомъ мало, чтобы дѣлать выводы изъ опыта, я только много думалъ, наблюдалъ и мнѣ кажется, я понялъ сущность любви.

Скажите мнѣ только одно: думаете ли вы, что можетъ существовать въ мірѣ такъ называемая „счастливая любовь"?

Я ждалъ, что онъ хочетъ сказать.

Что останется въ жизни человѣку, который узналъ, что такое любовь?

Онъ улыбнулся и продолжалъ: — Вы никогда не думали, что вся наша жизнь проходитъ въ пустотѣ, что всѣ дѣла, цѣли, стремленія — это только сознательный самообманъ, многоцвѣтный покровъ, которымъ люди хотятъ прикрыть бездну, пустоту, ничто.

Развѣ есть на свѣтѣ что-нибудь, дѣйствительно важное, необходимое, неотложное? Развѣ есть дѣйствительно какія-нибудь важныя дѣла, если каждый спроситъ наединѣ свою душу?

Есть только одно: — Любовь. Люди поняли это давно, но у нихъ есть вѣчный страхъ очутиться въ пустотѣ только съ великой, но не реальной цѣнностью въ рукахъ, признать ее одну и служить ей одной, какъ Молоху, какъ страшному Богу разрушенья. Они боятся потерять тотъ маленькій, единственный, каждымъ придуманный для себя путь, по которому онъ идетъ, отвернувшись отъ бездны, въ отчаяніи, со сжатымъ сердцемъ.

И тогда остается лишь стремленіе сдѣлать возможнымъ невозможное, примирить непримиримое, — слить жизнь и любовь.

Онъ очень поблѣднѣлъ. Глаза его потемнѣли и горѣли сухимъ яркимъ блескомъ, какъ въ бреду.

— Вотъ я написалъ стихотвореніе и вы говорите, что оно не плохое. Моему редактору, можетъ быть, понравится его лирическій конецъ и онъ напечатаетъ меня на видномъ мѣстѣ. А представьте, что коварный другъ никогда не появился бы на ихъ свѣтломъ горизонтѣ и любовь увѣнчалась бы свадьбой...

Представьте, что любовь давала бы одни счастливыя [illegible], представьте себѣ счастье, растянутое на всю жизнь, и любовь [illegible], какъ ручной попугай, въ обыкновенныхъ [illegible]! А развѣ люди не этого только и хотятъ?

Я посмотрѣлъ на него, увидалъ, какъ дрожатъ его губы, и вдругъ безцѣльнымъ показался мнѣ нашъ теоретическій разговоръ о любви. Я понялъ, что у маленькаго Артура, котораго я нѣжно люблю, есть какое-то большое горе, и, взявъ его холодную руку, сказалъ:

— Что съ вами? разскажите мнѣ о себѣ. Мнѣ кажется, кто-то причинилъ вамъ страшную боль.

Онъ покачалъ головой и отвѣчалъ:

— Нѣтъ, не жалѣйте меня! Я счастливъ. Можетъ быть, я счастливъ дѣйствительно въ первый разъ за всю мою недолгую жизнь. Я знаю теперь, зачѣмъ я прожилъ мои девятнадцать лѣтъ. Я люблю и знаю, что такое любовь. Боже—мой!—воскликнулъ онъ горестно.—Какъ много дней я блуждалъ во тьмѣ и не могъ понять. Съ злыми жестокими чувствами я ходилъ подъ ихъ окнами и думалъ, кого мнѣ нужно убить. Я хотѣлъ убить его и себя, чтобы она одна осталась страдать. Я писалъ ей длинныя письма, ловилъ ее на улицахъ, все надѣялся вернуть. И вдругъ въ минуту какой-то удивительной душевной тишины, которыя иногда приходитъ вслѣдъ за послѣднимъ отчаяніемъ, я прозрѣлъ.

Я подумалъ тогда: а если бы она продолжала любить меня, а не моего друга съ золотыми волосами и голубыми глазами, если бы вдругъ передъ нами двоими открылась длинная свободная дорога...

Куда бы мы пошли? Куда бы я ее повелъ? Какъ воплотилъ бы я тотъ огонь, что сжигаетъ мою душу въ гармонически спокойные, длительные дни счастья.

Когда я былъ съ ней, — онъ вздрогнулъ и стиснулъ зубы, — въ ту ночь я могъ только сказать одно: зачѣмъ намъ жить и какъ мы будемъ жить? Что сдѣлала бы жизнь съ нашей любовью! Умремъ вмѣстѣ, сольемъ наше послѣднее дыханье въ этомъ полномъ единственномъ мигѣ, умремъ прежде, чѣмъ жизнь убьетъ нашу любовь. У меня былъ тогда кусокъ динамита, я звалъ ее въ Альпы.

Но она не захотѣла, она сказала, что я пугаю ее, и черезъ нѣсколько дней взяла другого.

Ахъ, это улица, этотъ домъ. Они живутъ внизу. Много вечеровъ я стоялъ тамъ, прижавшись къ забору напротивъ. Я видѣлъ ихъ за круглымъ столомъ возлѣ лампы, я видѣлъ, какъ они цѣловались, потомъ гасили огонь и уходили спать. А я все стоялъ, стоялъ иногда до утра. Богъ смотрѣлъ тогда на меня и

говорилъ о послѣдней, единственной красотѣ, которую дано узнать человѣку—о счастьи отвергнутой любви.

Мы долго молчали. Потомъ онъ безпечно тряхнулъ головой и съ прежней дѣтской улыбкой сказалъ:

— О, не жалѣйте меня. Я дѣйствительно счастливъ сегодня.

Кафэ совсѣмъ опустѣло. Кёльнерши въ измятыхъ фартучкахъ дремали около стойки. Разбросанныя ноты бѣлѣли на рояли. Толстый нѣмецъ въ жилеткѣ считалъ выручку у конторки.

Артуръ сидѣлъ, наклонившись надъ столикомъ, и думалъ.

Потомъ мы шли по улицѣ. Въ желтой мглѣ задыхался городъ. На поворотѣ какого-то переулка онъ остановился и протянулъ мнѣ руку.— Прощайте, я долженъ итти сюда.

Темный страхъ сжалъ мое сердце. Я оглянулся и увидѣлъ еще разъ около фонаря тонкую юношескую фигуру въ черномъ плащѣ. Изъ-подъ широкихъ полей его шляпы выбивались мягкія дѣтскія кудри.

Я хотѣлъ что-то крикнуть, что-то сказать, но онъ уже скрылся въ туманѣ.

Его нашли на разсвѣтѣ возлѣ рѣшетки Королевскаго парка. Тутъ же валялась маленькая баночка съ остатками ціанистаго кали.

Я положилъ на его гробъ лавровый вѣнокъ и праздную эту смерть, какъ свѣтлый праздникъ Красоты.

Мюнхенъ. Лѣто. 1913.

Николай Поярковъ

ИЗЪ КНИГИ „ВОСТОКЪ И ЮГЪ“.

Вступленiе.

И много зимъ, клубясь, ушло,
И много веснъ, цвѣтя, уплыло.
Иное ширится русло,
Иначе рѣжетъ гладь весло,
Къ себѣ влечетъ все чаще — „было“...
Тифлисъ, Кутаисъ, и Батумъ,
Сѣдыя шапки Арарата,
Неаполь, Кадиксъ, Нилъ, Хартумъ,
Марселя, Ниццы яркiй шумъ,
Цвѣты увядшаго „когда то“...
Каминъ пылающiй погасъ,
Тамъ на дворѣ бушуетъ вьюга,
У ногъ свернулся песъ Пегасъ,
Уютно свѣтитъ въ лампѣ газъ,
А въ сердцѣ зовъ Востока, Юга...
Инесъ, Зулейка и Фатьма,
Три ноты въ быстрой гаммѣ счастья.
Цвѣла весна, теперь зима.
Былъ яркiй свѣтъ, настала тьма
И дни докучнаго ненастья.
Люблю гашишъ, коньякъ, шербетъ,
Улыбку устъ и гибкость стана.
Гафизъ, Фирдуси, Магометъ
Пѣвцы Медины, Гюлистана —
Мои любимцы, вамъ привѣтъ.

Но такъ же любъ мнѣ юга блескъ,
На тарантэллы, хабанеры,
Вашъ, кастаньеты, знойный трескъ,
Короткихъ юбокъ шумный всплескъ,
Дыханье устъ и торсъ Венеры.

Что было — въ вѣчность отошло
Съ тѣхъ поръ прошли вѣка, года ли?
Иное ширится русло,
Иначе рѣжетъ глубь весло
И затянулись счастья дали.

$^{11}/_{28}$ 913.

Смотрятъ весело въ окно
Кисти розовыхъ глициній.
Куполъ неба темносиній —
Декорацій полотно.
Мой диванъ широкій, низкій,
И на немъ такой просторъ.
Тѣло юной одалиски —
Мнѣ шербетъ, а изъ-за сторъ
Серпъ луны роняетъ свѣтъ
Серебристый и узорный.
Жажда есть — я пью шербетъ —
Все мое, все мнѣ покорно
. . . .
Шлю судьба тебѣ привѣтъ
За шербетъ и за вино,
За широкое окно,
Въ кистяхъ розовыхъ глициній
Съ темнымъ силуэтомъ пиній. . . .
Ахъ, не думать, не томиться,
Не страдать и не искать,
За шербетомъ облѣниться,
Въ море лѣни погрузиться
И Фатьму всегда ласкать.

Восточные тріолеты.

I.

Для устъ, для рукъ, для глазъ отрада
Мнѣ рядъ прекрасныхъ женскихъ благъ,
Вотъ груди, кисти винограда —
Для устъ, для рукъ, для глазъ отрада.
Вотъ губы, плодъ чудесный сада.
Порой ты щедръ и благъ Аллахъ.
Для устъ, для рукъ, для глазъ отрада
Мнѣ рядъ прекрасныхъ женскихъ благъ.

II.

Ты вся земная, о царица!
Уста твои пьянѣй вина,
Ты въ ласкахъ хищная тигрица
И вся земная, о царица.
Пусть на тебѣ виссонъ струится,
Ты словно вся обнажена.
Ты вся земная, о царица.
Уста твои — пьянѣй вина.

III.

Ты — молодая кобылица
Изъ Карабахскихъ табуновъ,
Что часто всѣмъ джигитамъ снится.
Какъ молодая кобылица,
Моихъ ты гостья частыхъ сновъ.
Быстра какъ лань, легка какъ птица,
Красива ты, какъ кобылица,
Изъ Карабахскихъ табуновъ.

Хитанъ.

Отцвѣтаетъ розовый миндаль,
Сладокъ лепетъ тихаго фонтана.
По весеннему волнуетъ даль,
По весеннему пьянитъ хитана.

Ты быстра, какъ дикая коза,
Хмелемъ жизни радостнымъ сочишь ты.
Въ тканяхъ пестрыхъ ты—какъ стрекоза,
И звучатъ браслеты и гранаты.

Вихрь одеждъ и желтыхъ [illegible] взлетъ,
Кастаньетъ трескъ сухъ и пышетъ зноемъ,
Тамбуринъ безъ устали поетъ,
Навѣвая смутное, родное.

Ты устала — и лежишь, смѣясь,
На коврахъ широкаго дивана...
На полу луна рисуетъ вязь,
Слышенъ шумъ большого каравана.

1911.

РЕМЕЗЪ—ПТИЦА.

Сергѣю Алексѣевичу

Кречетову.

Былъ когда-то ремезъ не такой малый, былъ ремезъ больше птицъ всѣхъ, а звонкая, звонче во всемъ бору не было птицы: тучей подходилъ ремезъ къ городу, громкимъ громомъ ступалъ на широкій свой дворъ,— и былъ ремезъ всѣхъ озорнѣе и всѣхъ обижалъ, и всѣ его страхъ какъ боялись.

Вотъ ѣхалъ разъ въ зимнюю пору Никола угодникъ, ѣдетъ себѣ лѣсомъ, поспѣшаетъ на угодное дѣло. А въ лѣсу шаловáлъ ремезъ, да какъ вылетитъ ремезъ на дорогу, да какъ свиснетъ — перепугался конь николинъ, рванулъ конь: сани на бокъ, и прямо въ снѣгъ.

Поднялся Никола, пошелъ къ Господу Богу: большая досада была на птицу.

— Я русскій, Никола, я Твой угодникъ,— сказалъ милостивый нашъ Никола Господу Богу,— и на что попускаешь разбойнику этому, всѣхъ обижаетъ, коня моего напугалъ, Сивку!

И проситъ у Бога управы на птицу.

И внялъ Богъ просьбѣ, покаралъ шаловáтую птицу — отнялъ отъ ремеза силу, а его перья роздалъ птицамъ на прибыль роста, и сталъ ремезъ такою малою птицей.

И нынче у всякой птички, у всякой пичужки есть перышко, хоть малое, отъ ремеза-птицы, и за то ее всѣ любятъ, и за то она первая птица — ремезъ.

1913 г.

Борисъ Садовской

КАМЕРИСТКА.

Водевиль.

ЛИЦА:

Полина, балетная актриса.
Жанъ, ея обожатель.
Жакъ, молодой гусаръ.

Дѣйствіе въ Царскомъ Селѣ, во дни Александра Перваго, на дачѣ Полины, лѣтомъ.

На сценѣ гостиная съ большимъ посерединѣ окномъ.

При поднятіи занавѣса Жанъ изъ окна заглядываетъ въ гостиную.

Жанъ.

Полина, дома? Спишь? Полина! Все равно:
„Гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно“.

(Лѣзетъ въ окно).

Однако, гдѣ-жъ она? Ужели задремала?
За ширмой никого. И спальная, и зала,
Все пусто. Ключъ съ собой хозяйка унесла.
Какія новости! Куда-жъ она ушла?
Сама звала меня пить кофе за пикетомъ.

Ахъ, это Царское! Какъ здѣсь несносно лѣтомъ...
Особенно теперь, когда въ Варшавѣ Дворъ.
Письмо? (Беретъ со стола письмо и читаетъ)

„Любезный Жанъ. Покамѣстъ до сихъ поръ
Все камеристки я себѣ не отыскала
И ухожу сейчасъ на поиски сначала.
Пожалуй, подожди. Вернусь чрезъ полчаса.
Полина“.

Гмъ!.. Ну, да... ну, да... такъ, такъ... [illegible]
Припоминаю, да... она мнѣ говорила:
Маруушка въ пятницу ей на-смерть нагрубила
И выгнана вчера. Признаться, не пойму,
Что дѣлать мнѣ теперь. Ждать скучно одному,
Назадъ въ окошко лѣзть ужъ вовсе глупо будетъ:
Увидятъ фрейлины и дѣвочку осудятъ.

(Стукъ въ дверь).

Что? гости? Кто это стучаться смѣетъ такъ?
Сейчасъ посмотримъ. (Смотритъ въ окно).

Ну! Какъ будто это Жакъ?
Зачѣмъ бы быть ему? Въ парадѣ и съ букетомъ.
Жакъ, Жакъ, поди сюда!

Жакъ (Подходитъ къ окну).

Ты здѣсь?

Жанъ.

Не вижу въ этомъ
Особой странности. Тебя же первый разъ
Здѣсь застаю въ гостяхъ, и въ неурочный часъ.
Пожалуй, объяснись.

Жакъ.

Зачѣмъ такая мина?
И что мнѣ объяснять? Ты Жанъ, а не Полина.
Лишь я ей выскажу...

Жанъ.

Ха-ха! Ну, лѣзь въ окно!

Жакъ.

Въ окно? Въ умѣ-ли ты?

Жанъ.

Да двигайся, бревно!
Живѣе шевелись, не будь упрямъ, какъ идолъ.
(Жакъ влѣзаетъ въ окно).

Ну, здравствуй, милый другъ. Теперь себя ты выдалъ,
И странный твой визитъ я разгадалъ вполнѣ.
Глаза потуплены и щеки какъ въ огнѣ,
Вздохъ томный, глупый видъ, съ букетомъ въ полар-
шина.
Скажи-ка: нравится тебѣ мамзель Полина?

Жакъ.

Ахъ!

Жанъ.

Такъ: вздыхателямъ при ней отбою нѣтъ.
Влюбленъ?

Жакъ.

Ахъ!

Жанъ.

Не вздыхай, а помни мой совѣтъ:
Коль истинно успѣть желаешь у актрисы,
Букеты ей носи не въ домъ, а за кулисы.

Жакъ.

Ахъ, Жанъ, хоть вправду-бъ ты совѣтомъ мнѣ помогъ.
Ты знаешь: съ дѣтскихъ лѣтъ живу я одинокъ.
Родителей лишась, опекуномъ суровымъ
Преслѣдуемъ во всемъ, я изнываю...

Жанъ.

Словомъ,
Ты хочешь жалобу Полинѣ принести
На дядюшку?

Жакъ.

Пусти!

Жанъ.

Обидѣлся.

Жакъ.

Пусти!

Жанъ.

Шучу я; не сердись, любовникъ идеальный,
И повѣсть продолжай.

Жакъ.

Мой нравъ сентиментальный —
Самой лазурной [illegible]. Прочтя Карамзина,
Рыдалъ весь вечеръ я. Душа моя нѣжна,
Какъ у Жуковскаго. Я истинно тоскую,
Что, въ службу поступя, извѣдалъ долю злую.
Какая жизнь въ полку? Дуэли, кутежи,
Ученья вѣчныя; не хочешь, а служи.
Театръ, одинъ театръ былъ мнѣ отрадой.
Ахъ! Тамъ увидѣлъ я...

Жанъ.

Не продолжай, не надо.
Что дальше, знаю самъ. Въ Полину ты влюбленъ,
Вздыхалъ, ухаживалъ и нынче приглашенъ
Къ ней на свиданіе. Вы полагали оба,
Что я не стану ждать!

Жакъ.

Съ чего такая злоба?
Ты сердишься? Mon cher, послушай до конца.

Жанъ.

Такъ вотъ зачѣмъ ты такъ стучался у крыльца!

Жакъ.

Да нѣтъ же...

Жанъ.

Знаю все!

Жакъ.

Я самъ впервые нынѣ
Хотѣлъ представиться. Я незнакомъ Полинѣ.

Жанъ.

Ты шутишь?

Жакъ.

Нѣтъ. Увы! Изъ креселъ, самъ не свой,
Слѣжу я каждый день, какъ бабочкой живой
Порхаетъ дивная съ плѣнительной улыбкой.
Извивы нѣжныхъ плечъ, движенья ножки гибкой
Ловлю я, но едва подъ восхищенный плескъ
Опуститъ занавѣсъ свой пестрый арабескъ,

Я полонъ робости. Къ ногамъ мамзель Полины
Ни пышнаго вѣнка, ни фруктовъ, ни корзины
Съ цвѣтами я еще ни разу не принесъ.

Жанъ.

Ну, дальше.

Жакъ.

Истомясь отъ непрерывныхъ грезъ,
Пришелъ къ рѣшенью я, что жить нельзя, конечно,
Покудова моей она не станетъ вѣчно.

Жанъ.

Рѣшенье умное, а ты еще умнѣй.
— Полина! вотъ букетъ: я твой, ты будь моей.
Какъ просто и легко! Да ты, братъ, прямо генiй.

Жакъ.

И вотъ, владѣльцемъ ставъ наслѣдственныхъ имѣнiй,
Полинѣ руку я рѣшаюсь предложить.

Жанъ.

Ха-ха!

Жакъ.

Смѣешься ты?

Жанъ.

Ха-ха-ха-ха!

Жакъ.

Любить,
По-твоему, смѣшно?

Жанъ.

Прости, но въ смѣхѣ этомъ
Ты виноватъ, мой другъ. Тебѣ бы быть поэтомъ.
Въ супруги ты себѣ танцорку хочешь взять?
Тогда простись съ полкомъ. Тебя не будутъ знать.

Жакъ (Гордо).

Препоной быть ничто въ моемъ не можетъ бракѣ.
Мнѣ двадцать одинъ годъ. Чрезъ мѣсяцъ я—во фракѣ.
Въ отставку и домой. Мы проживемъ и такъ.
Пять тысячъ душъ крестьянъ...

Жанъ.

Пять тысячъ душъ? Рублей!
И съ ними въ кабалу идти тебѣ охота!
Пока не прожился, будь холостъ изъ расчета.
Черезъ женитьбу вновь съумѣй богатымъ стать.
Возьмешь приданое, тогда кути опять.

Жакъ.

Ахъ!

Жанъ.

Ну, надежды нѣтъ: погибъ мой Жакъ.

Жакъ.

Богиня!
Прелестная!

Жанъ.

Дуракъ!

Жакъ.

Души моей святыня!

Жанъ.

Несчастный! Что-жъ, она за дурака пойдетъ
И станетъ барыней. Мальчишка пропадетъ,
А я у всѣхъ въ глазахъ останусь съ длиннымъ
носомъ.
Нѣтъ, буду дѣйствовать хоть силой, хоть доносомъ,
А ужъ Полину я ему не уступлю.
Да, вотъ! какая мысль… И точно!

Жакъ.

Я люблю!
Полина, милая!

Жанъ.

Жакъ!

Жакъ.

Я люблю…

Жанъ.

Да знаю,
И, чтобъ спасти тебя, сегодня жъ обѣщаю,
Какъ старый другъ ея, свести обоихъ васъ
Скажи, она тебя видала?

Жакъ.

Только разъ
Я встрѣтилъ въ Павловскѣ нечаянно Полину.
Хотѣлъ пройти, взглянуть—и спрятался въ куртину.
Съ тѣхъ поръ не видѣлись.

Жанъ.

Ребенокъ. Хорошо:
Отъ счастья вашего мнѣ ni froid, ni chaud.
Но я берусь тебя посватать.

Жакъ.

Жанъ! Мой милый,
Merci! Ты будешь мнѣ отцомъ роднымъ. Помилуй:
Я въ мысляхъ трепещу наединѣ съ ней быть,
А какъ настанетъ часъ о дѣлѣ говорить?
Но знай: коль все падетъ, я самъ въ порывѣ яромъ
Жизнь ненавистную прерву однимъ ударомъ.

(Вынимаетъ пистолетъ).

Жанъ.

Ого! Да онъ и впрямь. Ну, слушай, Жакъ. Теперь
Ступай скорѣе въ садъ; постой, не въ эту дверь.

(Толкаетъ его въ окно).

Къ фонтану! Жди меня у башни. Той порою
Я ваше счастіе невидимо устрою.

(Жакъ прыгаетъ въ окно).

Отправилъ, наконецъ. Счастливецъ этотъ Жакъ:
Богачъ и юноша, красавецъ и дуракъ,
Ну, словомъ, идеалъ супруга для Полины.
Что можетъ быть смѣшнѣй влюбленнаго мужчины?
Предъ бабьей юбкою онъ безсловесный рабъ.
А сколько умниковъ погибло изъ-за бабъ!
Нѣтъ, Жака я спасу. Тутъ быть ему не мѣсто.
Женихъ негодный онъ. А вотъ идетъ невѣста.

(Входитъ Полина).

Полина, наконецъ!

Полина.

Жанъ! Здравствуй, милый другъ!
Искала дѣвушки надежной для услугъ.
Была у Машеньки, къ Истоминой таскалась,
Ну, просто, сбилась съ ногъ.

Жанъ.

И что же?

Полина.

И осталась
Безъ камеристки, да. Пришелъ ты кофей пить,
И долженъ будешь самъ себѣ его варить.

Жанъ.

Не надо. Я сейчасъ поправлю разомъ дѣло.
Мнѣ Зина давеча сказать тебѣ велѣла,
Что дѣвушку свою сегодня же пришлетъ.

Полина.

Спасибо, миленькій.

Жанъ.

Да только...

Полина.

Что?

Жанъ.

Хлопотъ
Особыхъ съ нею нѣтъ, а сшить тебѣ придется
Костюмъ ей.

Полина.

У меня одёжа-то найдется:
Мароушкинъ въ сундукѣ цѣлехонекъ нарядъ.
Придетъ, одѣнется.

Жанъ.

Помочь тебѣ я радъ
И къ Зинѣ платье самъ готовъ снести на дачу.

Полина.

Спасибо, милый Жанъ. (Обнимаетъ его).

Жанъ.

Пусти, не то заплачу.
Пожалуй, дѣвка здѣсь дороги не найдетъ,
Я приведу ее.

Полина.

Спасибо, мой уродъ.

(Жанъ беретъ узелъ съ платьемъ
и уходитъ).

Устала, мочи нѣтъ. А тутъ опять къ театру
Готовиться изволь. Ломаю „Клеопатру“,
А чортовъ сынъ, Дидло, ломаетъ мнѣ бока.
Ужъ августъ на носу. Танцуй себѣ, пока
Носки не затрещатъ и не заломитъ ноги.
Охъ, репетиціи куда какъ стали строги!
А нынче важный день. Графъ Горичъ, говорятъ,
Пріѣдетъ вечеромъ. И холостъ, и богатъ.

(Дремлетъ на диванѣ. Входятъ Жанъ и Жакъ, переодѣтый камеристкой).

Взойдите. Ужъ привелъ. Какъ звать тебя?

Жанъ.

Малаша.

Полина.

Служить умѣешь?

Жакъ.

Да-съ.

Полина.

Въ роту-то словно каша.

Жанъ.

Съ деревни только что: стѣсняется она.

Полина.

Ты что-то, я смотрю, юлишь, какъ сатана.
Не краля-ли твоя? Тебя на это станетъ.
Коль деревенская, такъ вѣрно не обманетъ.

Жакъ.

Mon Dieu! Что слышу я! Какой ужасный тонъ!
А съ нимъ она на ты...

Полина.

Малашка, выйди вонъ.

(Жакъ уходитъ).

Жанъ.

Скажи мнѣ, душенька...

Полина.

Да что она, нѣмая?

Жакъ.

Такъ, деревенщина.

Полина.

Какъ со спросонья прямо!

И не глядишь въ глаза...

Жакъ.

Ого! пора смѣяться.

Прелэй покупка.

Полина.

Изволите въ дѣвкахъ быть.

(Жаку, указывая)

Малашка!

Жакъ (входитъ).

Барыня...

Полина.

Не отвѣчать безъ спросу.

Смотри повеселѣй, чтобы не вѣшать носу.
Любовникъ есть иль нѣтъ? Сейчасъ же говори.

Жакъ.

Любовникъ? Ахъ, нѣтъ, нѣтъ...

Полина.

Ну, то-то же, смотри:

Я эти правила престрого соблюдаю.
Чуть хахаль завелся, я дѣвку выгоняю.
Безпутства у себя никакъ не потерплю.
Ты слышишь?

Жакъ.

Слушаю.

Полина.

И сплетенъ не люблю.

А потому не смѣй болтать, съ кѣмъ я бываю,
Кого не въ очередь въ постели принимаю,
Когда кто ночевать останется порой.

Жакъ.

О Боже!

Полина.

Что ты тамъ бормочешь?

Жакъ.

Такъ... съ собой.

Полина.

Поди, согрѣй воды для ванной, да живѣе.
Вотъ букли, нá, завей. И принеси скорѣе.

(Снимаетъ букли).

Жакъ.

Ахъ

Полина.

Пеньюаръ сюда! Рубашку приготовь
И кофей завари. Ступай.

Жакъ.

Моя любовь! (Уходитъ).

Полина.

Ахъ, еслибъ Горича да встрѣтить на гуляньи!
Пятнадцать тысячъ въ годъ! Дастъ двѣ на содер-
жанье.
Булавки, камушки и прочее добро.
Семь въ ассигнаціяхъ и двѣ на серебро.
Готова ванная?

Жакъ (Входитъ).

Готова-съ.

Полина.

Ну, Малашка,
Иди, сажай меня. Гдѣ чистая рубашка?
Что мнешься? Ну, пошла!

(Жакъ уходитъ, за нимъ Полина; тотчасъ она выскакиваетъ обратно).

Ахъ, шельма! Ахъ, уродъ!
Согрѣла воду мнѣ! Холодная, какъ ледъ!
Дрянь, деревенщина! Чего воротишь рожу?
Ну, такъ мнѣ холодно, какъ будто сняли кожу.

Жакъ.

Простите, барыня, не знала я...

Полина.

Молчать!

Подай мнѣ зеркало. Марина будетъ шпильки!
Постой. Румяна дай, сурьму, духи, бѣлила.

Жакъ.

Она румянится!

Полина.

Гдѣ шпильки? У, кобыла!

Жакъ.

Quel mot!

Полина.

Бѣльмо? Такъ ты къ тому же и слѣпа!
Ну, удружилъ мнѣ Жанъ!

(Жакъ разсыпаетъ шпильки.
Полина его щипетъ).

Жакъ.

Pardon! je ne peux pas!

Полина.

Тварь косолапая, разсыпала.

Жакъ.

Простите.

Полина.

Ну, живо подобрать. (Жакъ подбираетъ и разсыпаетъ вновь)

Еще!

Жакъ.

Какъ вы хотите...

Полина.

Безъ спросу барынѣ не смѣешь отвѣчать!
Вотъ на тебѣ! Вотъ, вотъ! (Бьетъ его туфлей по лицу).

Жакъ.

Ай! Ай! (Убѣгаетъ)

Полина.

Парикъ подать!

Охъ, уморила тварь! Ну, будь она моею,
Я кажется бы ей сейчасъ свернула шею.
Малашка! скоро ли?

Жакъ (Приноситъ букли).

Пожалуйте, готовъ.

Полина (Надѣваетъ букли передъ зеркаломъ).

Что это?! Боже мой! И васъ не бить, скотовъ?!.
Не знаешь, не берись. Безсовѣстная дура.
Испортила, сожгла. Пропала куафюра!

Жакъ.

Я, барыня...

Полина.

Молчи! Я знаю: все на зло.
Хотятъ, чтобъ съ Горичемъ опять не повезло.
Интриги гадкія мнѣ ваши надоѣли.
Постой ты у меня. Что это въ самомъ дѣлѣ?

(Садится у стола и пишетъ).

Сейчасъ квартальному записку напишу
И выпороть тебя за дерзость попрошу.
Истоминскихъ интригъ извѣстна мнѣ причина,
А Зинка будетъ знать...

Жакъ.

Мадмуазель Полина,
Pardon, я не хотѣлъ... (Разстегиваетъ кофту).

Полина.

Что? Ахъ! Мужчина! Воръ!
Переодѣтый! Здѣсь! Гусаръ! Какой позоръ!
Все видѣлъ! (Падаетъ въ обморокъ. Жакъ поспѣшно раздѣвается).

Жакъ.

Я пропалъ! Дойдетъ до генерала.
Въ отставку завтра-же! (Убѣгаетъ).

Жанъ (Заглядываетъ въ окно).

Какъ тихо въ домѣ стало.
Три зайца наповалъ: разстроенъ глупый бракъ,
Разрушенъ идеалъ и поумнѣлъ дуракъ.

ЗАНАВѢСЪ.

Федоръ Сологубъ

СОНЕТЪ.

Мудрецъ мучительный Шакеспеаръ,
Ни одному не вѣрилъ ты обману.
Макбету, Гамлету и Калибану
Во мнѣ зажегъ ты яростный пожаръ,

И я живу, какъ встарь король Леаръ.
Лукавыхъ дочерей моихъ, Регану
И Гонерилью, надѣлять я стану,
Корделіи отвергнувъ вѣрный даръ.

Въ мое, труду послушливое тѣло
Толпу твоихъ героевъ я вовлекъ,
И обманусь, довѣрчивый Отелло,
И поблѣднѣю, мстительный Шейлокъ,

И буду ждать послѣдняго удара,
Склонясь надъ вымысломъ Шакеспеара.

* * *

Холодный вѣтерокъ осенняго разсвѣта
Повѣялъ на меня щемящею тоской.
Я въ ранній часъ одинъ на улицѣ пустой.
Въ умѣ смятеніе, вопросы безъ отвѣта.

О, если бы душа была во мнѣ согрѣта
Надеждой на отвѣтъ, могучей жаждой свѣта!
Нѣтъ и желанья знать загадки роковой
Угрюмый смыслъ, почти разгаданный судьбой.

— Текутъ событія безъ цѣли и безъ смысла, —
Давно я такъ рѣшилъ въ озлобленномъ умѣ.
— Разъединены ночь надъ весами [illegible],

Бредемъ невѣсть куда, въ нѣмой и злобной тьмѣ!
И тьмы не озарятъ науки строгія числа,
Ни звучныя хвалы въ торжественномъ псалмѣ. —

Виктор Стражев

ARS POETICA.

Искусству подивись земному!
Гляди: осенняя рука
Шьетъ золотымъ по голубому,
Червонитъ мягкіе шелка.

Какъ кровью вкрапленъ въ золотое
Горящій камень — алоцвѣтъ.
Гляди: здѣсь — вѣчное, простое,
Чему всегда учись, поэтъ!

Не ярость пламеннаго лѣта,
Не вешній хмель крылатыхъ зорь,
Осенній хладъ — душа поэта!
Осенней мудрости ты вторь.

Пока не отбушуютъ думы,
Не стихнетъ бѣглый бѣгъ минутъ
И сердца огненные шумы
Пока, смирясь, не отойдутъ,

Пока за днями и скорбями
Земное пѣнится вино, —
Живи! — но не смущай словами:
„Жизнь и поэзія — одно".

Нѣтъ! Дни и скорби пепломъ стали,
Все въ памяти твоей игра —
О, вотъ она, въ вѣнкѣ печали,
Творящей осени пора!

1911, IX.

ВѢЕРЪ

[illegible]

Тобою кинутъ и забытъ,
А мнѣ онъ дорогъ сонной болью!
Онъ нѣжнымъ чернымъ шелкомъ крытъ,
Измятъ, поломанъ, тронутъ молью.

Въ немъ ты, далекая, жива
Твой старый вѣеръ, мнѣ сберегъ онъ
Твой шопотъ, смѣхъ, твои слова,
И трепетъ губъ, и темный локонъ.

Изъ-за него горятъ — сейчасъ! —
Сквозь даль и темень отжитого
Лучистый блескъ упорныхъ глазъ...
И вальсъ — тотъ вальсъ! — я слышу снова!

И вѣетъ, вѣетъ вѣеръ твой...
Не умеръ ландышъ въ быстрыхъ струяхъ —
И въ нихъ все тотъ же, огневой,
Мой сонъ о влажныхъ поцѣлуяхъ.

Но сокровенный помнитъ онъ
Двѣ струйки слёзъ, въ ту ночь разлуки,
Бокала хрустнувшаго звонъ
И окровавленныя руки,

И леденившій тотъ кошмаръ
Подъ чахлой пальмой ресторана,
Когда намъ вторилъ плачъ гитаръ
И пѣсни хмельнаго тумана...

На черномъ шелкѣ вотъ онъ — слѣдъ.
Что? Слёзы? Кровь? Не все равно ли?
Отъ жизни только блѣдный бредъ
Да вѣеръ — сладость сонной боли.

1910, XI.

Сергѣй Кречетовъ.

Вечера на Арно — сонъ вѣковъ хрустальный.
Въ вечерахъ на Арно — сердца грусть легка.
Гдѣ-то голосъ — свѣтлый... Гдѣ-то голосъ — дальній...
Медленно, все помня, катится рѣка.

Въ морѣ — тамъ закаты — тонетъ блескъ янтарный.
Смутныя, какъ память, горы вдалекѣ.
Вы въ вѣнкѣ изъ лилій, вечера на Арно!
А надъ вами небо — въ золотомъ вѣнкѣ.

1910, IX.
Pisa.

Смёртушкѣ не было дѣла —
Выдался праздный денекъ.
Вышла къ околицѣ, сѣла
Чуть посидѣть на пенекъ.

Скучно вдругъ стало сердешной..
Тонкій запѣлъ голосокъ.
Пѣсенку доли нездѣшней
Слушаетъ малый пенекъ.

1912. VI.

НАПОЛЕОНЪ.

Ихъ двое: дѣдъ съ рябою рожей, —
Угрюмъ и золъ, когда не пьянъ, —
И съ нимъ печальный и пригожій
Голубоглазый мальчуганъ.

Гудящій басъ и альтъ высокій,
Звонъ балалаечки-души —
Имъ Волга стелетъ путь широко
За то, что пѣсни хороши.

Пѣвучій хмель! Онъ одолѣетъ!
Пьянѣй вина пьянитъ тоска...
И крючникъ дѣду не жалѣетъ
Непропитого пятака.

Но въ пѣсняхъ Руси, здѣсь надъ Волгой,
Какъ странно-дивенъ образъ Твой!
О, какъ таинственно и долго
Вершится жребій роковой!

Вѣкъ отошелъ... но ей угодно,
Твоей играющей судьбѣ, —
Живешь Ты въ памяти народной,
И Врагъ Твой плачетъ о Тебѣ...

И двое ихъ, бродя съ сумою,
Поютъ въ поволжскомъ кабакѣ,
Какъ надъ пылающей Москвою
„Стоялъ Ты въ сѣромъ сюртукѣ“.

1912, VIII.

Игорь-Северянин-

ПОЭЗА ПРЕДВЕСЕННИХЪ ТРЕПЕТОВЪ.

О. С.

Весеннимъ вѣтромъ вѣютъ лица
И таютъ, проблагоухавъ.
Тѣламъ легко и сладко слиться
Для весенѣющихъ забавъ.

Я снова чувствую томленье
И нѣжность, нѣжность безъ конца...
Твои уста, твои колѣни
И вздохъ мимознаго лица, —

Лица, котораго безчертны
Неуловимыя черты:
Снѣгурка съ темпомъ сердца серны
Газель оснѣженная — ты.

Смотрѣть въ глаза твои русалчьи
И въ нихъ забвенно утопать;
Изнѣжные цвѣты фіалчьи
Подъ ними чётко намѣчать...

И видѣть уходящій поѣздъ
И путь безъ станцій, безъ платформъ,
Читать безъ окончанья повѣсть, —
Душа Поэзіи — внѣ формъ.

1913.

ГРИЗЕЛЬ

Поэтой горной, юнью терпкій,
Съ усладой славы въ головѣ,
Я вдохновенно сѣлъ въ курьерскій,
Спѣша въ столицу на Невѣ.

Кончалась страстная Страстная —
Вся въ персикахъ и въ кизилѣ.
Дорога скалово-лѣсная
Извивно рельсилась въ теплѣ.

Я вспоминалъ рукоплесканья,
Цвѣты въ шампанскомъ и въ устахъ, —
И, полная златошампанья,
Душа звенѣла на крылахъ.

Отъ Кутанса до Тифлиса
Ночѣетъ день, когда въ тоннель,
Какъ въ нѣкій кулуаръ Ивлиса,
Вступаетъ лунный Ліонель.

Но только пройдено подгорье,
И Ліонель — уже Ифрить
О, безбережное лазорье!
Душа паритъ! паря, творитъ!

Подходитъ юная, чужая,
Извѣчно-близкая въ толпѣ;
Сердцамъ разрывомъ угрожая,
Мы вовлекаемся въ купэ...

Сродненные мильонолѣтье
И незнакомые вчера,
Мы двое созидаемъ третье
Во славу моего пера!

О, съ ликомъ муміи, съ устами
Изнѣжно-мертвыми! газель!
Благослови меня мечтами,
Моя смертельная Гризель!

1913

КАТАСТРОФА.

Произошло крушенье,
И поѣздовъ движенье
Остановилось ровно на восемнадцать часовъ.
Выскочивъ на площадку,
Спѣшно надѣвъ перчатку,
Выглянула въ окошко: тьма изъ людскихъ голосовъ.

Росно манила травка.
Я улыбнулся мягко,
Спрыгнулъ легко на рельсы, снялъ ее на полотно.
Не говоря ни слова —
Ласкова и лилова —
Дѣвушка согласилась, будто знакома давно...

Съ насыпи мы сбѣжали, —
Дѣвушка только въ шали,
Я безъ пальто, безъ шапки,—кочками и по пенькамъ.
Влагой пахнули липы,
Грунта плеснули всхлипы,
Наши сердца вздрожали, руки прильнули къ рукамъ.

Благостью катастрофы
Блёстко запѣлъ я строфы,
Слыша біенье сердца, чуждаго сердца досель.
Чувства смѣшались въ чудѣ,
Затрепетали груди...
Опоцѣлуенъ звонко, лѣсъ завертѣлъ карусель!..

1913. Веймарнъ.

БАЛТІЙСКОЕ МОРЕ.

Зинаидѣ Гиппіусъ.

Сребрѣетъ у моря веранда,
Не въ морѣ тоня, а — въ лунѣ.
Плыветъ златоликая Сканда
Въ лазурной галерѣ ко мнѣ.

Какъ парусъ — раскрытыя косы,
Сомнамбуленъ ликій опалъ.
Глаза изумрудятъ вопросы,
Отвѣтъ для которыхъ пропалъ...

Пропалъ, затерялся, какъ эхо,
Въ лазури небесъ и волны.
И луннаго блеклаго смѣха
Глаза у плывущей полны.

Плыветъ — проплываетъ галера
Ко мнѣ — не ко мнѣ — никуда.
Луна — золотое сомбреро,
А Скандá — луна и вода!

1913. Одесса

НЕВЫРАЗИМАЯ ПОЭЗА.

Невыразимо грустно, невыразимо больно
Въ поѣздѣ удаляться, милое потерявъ...
Росно зачѣмъ въ деревьяхъ? въ небѣ зачѣмъ фіольно?
Надо-ли было въ поѣздъ? можетъ быть, я не правъ?

Можетъ быть, только плакать было бы проще, лучше
Передъ такой страдальной, рочно всегда чужой?...
Нѣжно письмо оскóрблю; только когда-жъ получишь
Эту цѣпочку строчекъ, спаянную душой?

Было ночѣетъ поле, и отъ луны въ немъ мольно,
Фи́лины-пассажиры, и безпощаденъ паръ...
Невыразимо грустно! невыразимо больно!
Хочется мнѣ вернуться, но позади — кошмаръ!..

[illegible]. Веймарнъ

НЕВОДЪ ГРЕЗЪ.

У меня, какъ въ хатѣ рыболова,
Сѣть въ избѣ, — попробуй, рыбъ поймай!
Въ гамакѣ, растянутомъ въ столовой,
Я лежу, смотря въ окно на май.
На окошкѣ солнится лиловый
Crème des Violettes. Я — мальчикъ-пай.
И она, любимая, въ два слова
Напѣваетъ нѣжно: „баю-бай"...

Зеленѣетъ, золотѣетъ зелень,
И поетъ-чирикаетъ листва...
Чей капотъ такъ мягокъ, такъ фланелевъ?
Кто глазами замѣнилъ слова?

Для тебя всѣ цѣли обезцѣливъ,
Я едва дышу, я живъ едва...
Тѣломъ, что въ моемъ тонуло тѣлѣ,
Обезкровить вены мнѣ — права.

А теперь, пока листвѣютъ клены,
Ласкова, улыбна и мягка,
Посиди безмолвно и влюбленно,
Около меня, у гамака.
Май шалитъ златисто и зелёно,
Дай ему ликера два глотка,—
И фіалковой волшбой спеленатъ,
Падая, дастъ липѣ тумака!

1913. Веймарнъ.

МАЙСКАЯ ПѢСЕНКА.

Раскачни мой гамакъ, подкачни! —
Мы съ тобою вдвоемъ, мы одни,
И какое намъ дѣло, что тамъ,
Гдѣ-то тамъ, не сочувствуютъ намъ?!.

Май любезно смѣется въ окно.
Намъ любовно съ тобой и смѣшно:
(Ты меня цѣликомъ понимай!)
Предъ поэтомъ заискивалъ май!..

Понимаетъ, должно быть, что я,
Безпредѣльную силу тая,
Захочу — и оперлю его,
Ну, а нѣтъ — про него ничего!

Въ этотъ годъ мнѣ отрадна весна,
И пришедшая слава ясна,—
Будетъ славно воспѣтъ мною май!
Подкачай же гамакъ! раскачай!

1913. Веймарнъ.

27 АВГУСТА 1912 ГОДА.

Двадцать седьмое августа; — семь лѣтъ
Со дня кончины Лохвицкой. Седьмая
Приходитъ Осень, вкрадчиво внимая
Моей тоскѣ; старуха въ желтый плэдъ
Закутана, но вздрагиваетъ зябко.

Отгрязнены дороги, по дождей
Недѣлю нѣтъ. Дѣвчонка-косолапка
На солнышкѣ искомкалась. Желтѣя,
Румянѣя листъ; земля заосенѣла

Коровница — въ мелодияхъ Фенелла! —
На цитрѣ струны щупаетъ; она
Такъ молода, и хочется ей звуковъ;
Какихъ — не все равно ли? Убаюкавъ
„Игрою“ куръ, взгрустила и — блѣдна.
На зелени лужка бѣлѣетъ чепчикъ:
Опять княгиня яблоки мнѣ шлетъ,
И горничная Катя, — алодѣвчикъ, —
Торопится лужайку напролётъ.

1912. Веймарнъ.

Александръ Тиняковъ.
(Одинокій).

Я все сказалъ... Во мнѣ пропѣли
И смолкли всѣ мои стихи,
И надо мной отяготѣли
Мои позорные грѣхи.

Во мнѣ погасло пламя воли,
Я далъ связать себя, какъ рабъ,
Я — свой среди кабацкой голи
И межъ распутныхъ, пьяныхъ бабъ.

Но почему-жъ, порою глянувъ
Въ окошко грязное пивной,
Я забываю звонъ стакановъ,
Залюбовавшись синевой?

Я съ бѣлымъ облачнымъ барашкомъ
Играю въ голубыхъ лугахъ,
Забывъ о всемъ больномъ и тяжкомъ,
О всѣхъ проклятьяхъ и цѣпяхъ.

Но собутыльникъ грубо тронетъ
Меня дрожащею рукой —
И сердце вздрогнетъ и застонетъ
И въ мутномъ омутѣ потонетъ
Напѣвъ, рожденный синевой!

Б. А. Садовскому

Пускай въ Меня, какъ въ водоемъ,
Вольются боль и грязь, и горе:
Не въ силахъ молнія огнемъ
Испепелить иль выжечь моря!

Пусть миріады спирохетъ
Грозятъ душѣ уничтоженьемъ,
Но я — мыслитель и поэтъ,
Я встрѣчу ихъ благословеньемъ!

Пусть параличъ цѣпями мнѣ
Скуетъ безсильные суставы,—
Умру спокойно въ тишинѣ,
Какъ умираютъ въ холодъ травы.

Пускай безумье, какъ туманъ,
Надъ мозгомъ сумрачнымъ сгустится,—
Мой духъ — безмѣрный океанъ:
Вѣка пройдутъ, туманъ умчится!

И снова, какъ ребенокъ, я
Взгляну невинными глазами
На цвѣтъ и прелесть бытія,
Въ глаза ликующему Брамѣ.

Мартъ 1913.
Петербургъ.

гр. Алексей Н. Толстой

МОЛОДОЙ ПИСАТЕЛЬ.

Арлекинада въ одномъ дѣйствіи.

Аркадій — молодой писатель.
Клавдія — его жена.
Петровъ — чиновникъ.
Катя — его жена.
Топталовъ — жилецъ.
Арлекинъ и маски.

Двѣ комнаты въ меблированномъ домѣ, перегороженныя пополамъ, въ перегородкѣ дверь, въ задней стѣнѣ правой комнаты дверь стеклянная, въ задней стѣнѣ лѣвой комнаты глухая дверь. Обѣ эти двери входятъ въ коридоръ. Въ лѣвой комнатѣ окно.

Въ лѣвой комнатѣ на диванѣ лежитъ Клавдія, закутавшись въ платокъ. Аркадій выходитъ черезъ среднюю дверь. Вечеръ. Горятъ лампы. На улицѣ вьюга.

Аркадій. И двадцать разъ повторю... Я тебѣ измѣняю и буду всегда измѣнять.

Клавдія. Аркадій!

Аркадій. Да! И требую, чтобы ревновать ты меня не смѣла.

Клавдія. Аркадій!

Аркадій. Ревность — мѣщанство. Швея можетъ ревновать, инженериха... купеческая дочь... поповна...

Клавдія. Аркадій!

Аркадій. Я не сторожъ... не стрѣлочникъ... я не телеграфистъ. Извините — я поэтъ, Божьей милостью. Мнѣ нужны переживанія. Вашей пошлой ревностью вы тормозите мой талантъ.

Клавдія. Я тебѣ все позволила.

Аркадій. Не иди... ты меня въ этомъ [illegible]. Я не могу писать, когда за стѣной плачутъ. Мнѣ нужна поэтическая обстановка. Мнѣ нужны женщины, а не тетки. Я не могу изъ пальца высасывать стишки. Мнѣ нуженъ матерьялъ.

Клавдія. Слыхала... дай мнѣ сказать. Я тебѣ все позволила... все разрѣшила. У тебя матерьяла этого—сколько угодно. А у меня слезъ даже больше нѣтъ.

Аркадій. Ты будешь отвѣчать передъ русской литературой.

Клавдія. Отвѣчу... все равно. Я объ одномъ прошу. На улицѣ или гдѣ-нибудь тамъ, дѣлай что хочешь... Но въ [illegible] комнаты пусть она не приходитъ.

Аркадій. Кого это ты называешь — она?

Клавдія. Вотъ эта Петрова, съ кѣмъ ты познакомился въ прошлое воскресенье.

Аркадій. И если она явится?

Клавдія. Ты не сдѣлаешь этого! Я за себя не отвѣчаю!

Аркадій. Какъ... ты способна еще устраивать мѣщанскія сцены?

Клавдія. Я на все способна. Ты меня до всего довелъ. Аркадій бѣжитъ въ свою комнату. Если для твоихъ стиховъ нужно замучить женщину, такъ я ужъ давно замучена, больше не могу... Аркадій входитъ съ книгой.

Аркадій. Вотъ, не угодно ли прочесть.

Клавдія. Никогда не повѣрю, чтобы настоящій поэтъ училъ, какъ нужно мучить женщину.

Аркадій. Это Юрій Блѣдный, мѣщанка, прочти!

Клавдія. Скажи своему Юрію Блѣдному, чтобы онъ про другое лучше написалъ.

Аркадій читаетъ.

Поэтъ измѣнчивъ, поэтъ, какъ сонъ;
Онъ пьянъ собою; онъ ловитъ миги;
Онъ вѣчно вольный, какъ бурегонъ;
Какъ вѣтеръ въ волны всегда влюбленъ:
Неся объятій чужихъ вериги...

А ты хочешь, чтобы я съ тобой чулки штопалъ?

Клавдія. Аркадій, зачѣмъ ты читаешь такія [illegible] книжки?

Аркадій. А! Ты на всю литературу подняла руку. Я позволилъ тебѣ жить рядомъ. Я не уѣхалъ въ пространство. Тебѣ этого мало. Ты всего меня хочешь закогтить. Мало я терплю отъ непониманія толпы? Мало тѣснятъ въ редакціяхъ? Еще и ты. Вотъ отчего у насъ литературный распадъ. Довольно... Я слишкомъ долго унижалъ себя обывательскими

разговорами. Черезъ четверть часа госпожа Петрова будетъ здѣсь. Идетъ къ себѣ, къ телефону. Я вызову ее сейчасъ прямо съ маскарада, беретъ трубку. Я хочу жить какъ поэтъ. Барышня, 4.31.47... да... да... да... швейцаръ, пожалуйста, къ телефону госпожу Петрову.

Клавдія въ дверяхъ. Аркадій... Вспомни, въ прошломъ году ты былъ такой скромный, милый мальчикъ... Уйти было нельзя... ты ужъ и соскучишься. Неужели за одинъ годъ все прошло?

Аркадій топая ногой. Пожалуйста, жалобныхъ словъ мнѣ не говорить... я не желаю разстраиваться.

Клавдія. Разлюбилъ.

Аркадій. Бѣжитъ и захлопываетъ среднюю дверь. Ахъ, какъ это несносно... бѣжитъ обратно къ трубкѣ...

Клавдія за дверью. Аркадій!

Аркадій въ телефонъ. Ну что же вы, швейцаръ? Ахъ Боже мой, я прошу госпожу Петрову. Она въ костюмѣ коломбины, въ клѣточку, и шляпа съ перьями. Да, я жду у телефона.

Клавдія въ своей комнатѣ у запертой двери. Въ костюмѣ коломбины, въ клѣточку... и шляпа съ перьями, глядитъ на стѣну, гдѣ виситъ ея костюмъ коломбины и шляпа съ перьями. Въ прошломъ году онъ увидѣлъ меня въ этомъ костюмѣ, полюбилъ и сказалъ: навѣкъ.

Аркадій въ телефонъ. Это вы? Катя! Вечерняя моя звѣзда. Какъ, почему вечерняя? я не на года намекаю, а на красоту. Катя, Катя, что я переживаю...

Клавдія. Онъ все это говорилъ и мнѣ и такимъ же противнымъ голосомъ... Снимаетъ со стѣны костюмъ. Погоди, я тебѣ отомщу... лжецъ.

Аркадій. Мы встрѣтились въ пространствѣ, прикоснулись и вспыхнули. Мы горимъ. Да, да, моя коломбина, я живу одинъ. Я живу одинокій въ своей башнѣ. Нѣтъ, это совсѣмъ рядомъ, повернуть за уголъ, меблированныя комнаты Клецкиной. Приходи ко мнѣ сейчасъ. Ты съ мужемъ? Такъ пусть онъ ревнуетъ, пусть стоитъ за нашей ставней и плачетъ, какъ пьеро. Ахъ, твой мужъ въ костюмѣ пьеро? Клавдія въ это время, разсматривая платье, прислушивается къ его словамъ. Приходи сейчасъ, не медли. Я люблю тебя, когда я сегодня узналъ, что ты будешь одѣта коломбиной, я сошелъ съ ума. Клавдія рѣшается, быстро бѣжитъ за ширмы, унося костюмъ. Когда женщина надѣваетъ костюмъ коломбины, она становится таинственной, какъ сонъ. Ты придешь? да! вѣшаетъ трубку, суетится, вынимая изъ шкапа вино и яблоки, бормочетъ, хватаетъ перо, пишетъ. Въ этотъ вечеръ, вечеръ душный, ты пришла въ мои объятья. И обвилъ твой рабъ послушный складки бархатнаго платья. Ты въ глаза взглянула странно, я въ глазахъ не вижу дна. И, влюбленная туманно, зазвенѣла тишина. Въ это время Клавдія, одѣтая коломбиной, выходитъ изъ-за ширмъ въ коридоръ, появляется за стеклянной

дверью Аркадія и тихонько стучитъ. Аркадій вскакиваетъ, глядитъ, кидается къ двери, раскрываетъ ее и принимаетъ жену за Катю. Коломбина. Катя! Какъ ты быстро пришла...

Клавдія притворивъ за собой дверь, шопотомъ. Я забѣжала на минутку!

Аркадій. Радость моя!

Клавдія. Ахъ, руки назадъ, что за вольности... я пришла затѣмъ, чтобы наказать. Вы лжете, вы не любите меня.

Аркадій. Я съ ума схожу, навѣкъ, навсегда твой.

Клавдія. Навѣкъ? Не разлюбите никогда?

Аркадій. Всегда сидѣть у твоихъ ногъ.

Клавдія. А вдругъ захочется быть свободнымъ?

Аркадій. Никогда.

Клавдія. Влюбляться въ морскія волны, быть измѣнчивымъ и ловить миги?

Аркадій. Нѣтъ, нѣтъ, у поэта должна быть лишь одна прекрасная дама, вдохновительница, ей имя—коломбина. Зачѣмъ ты все шепчешь? Отчего ты странная? Хочетъ обнять, она уклоняется. Ты боишься? Какая таинственная ты подъ маской.

Клавдія. Очень хочется поцѣловать?

Аркадій. Очень.

Клавдія. Смотри, а вдругъ не понравится.

Аркадій. Нѣтъ, нѣтъ мнѣ все понравится... Онъ ее цѣлуетъ. За стеклянной дверью появляется коломбина-Катя въ такомъ же костюмѣ, какъ и Клавдія, она всплескиваетъ руками и вбѣгаетъ въ лѣвую комнату, осматривается, въ гнѣвѣ беретъ каминные щипцы.

Клавдія отрываясь. Ахъ, что ты дѣлаешь.

Аркадій. Милая, милая! опускается у ея ногъ.

Катя. Какой негодяй! Бѣжитъ со щипцами къ двери въ коридоръ, распахиваетъ, за дверью стоитъ Топталовъ.

Топталовъ. Едва не раскололи черепъ, милашка. Входитъ. Все скучаете?

Катя. Кто вы такой?

Топталовъ. Топталовъ, здѣшній жилецъ, любитель недозволеннаго. Хочетъ обхватить Катю, она уклоняется.

Катя. Вотъ я васъ щипцами.

Топталовъ. За что? Сударыня, я все слышалъ. Вашъ мужъ негодяй! Имѣя женой такую красотку, по телефону звать къ себѣ любовницъ. Чепуха! Васъ не цѣнятъ.

Катя. Понимаю. А вы-то здѣсь при чемъ?

Топталовъ. Утѣшитель. Хотите я ему затылокъ на сторону своpочу? Въ вашемъ положеніи — одинъ выходъ: самой измѣнить.

Катя. Съ кѣмъ?

Топталовъ. Со мной

Катя начинаетъ хохотать и вертитъ въ рукѣ щипцами. Съ вами?

Топталовъ. Вы меня еще не знаете. Столоначальникъ такъ и говоритъ: Топталовъ, это прямо что-то невѣроятное. Всѣ женщины, въ трудныя минуты, обращаются непосредственно ко мнѣ.

Катя. Хорошо, попробуйте поцѣловать, только громче, какъ можно громче уклоняется отъ него, помахивая щипцами. Клавдія давно уже прислушивается къ разговору, въ недоумѣніи.

Клавдія. Кто тамъ говоритъ за перегородкой?

Аркадій. Не знаю. Тамъ кто-то живетъ.

Клавдія. Женщина?

Аркадій. Да, какая-то дура живетъ, толстая, безобразная, вотъ и разговариваетъ.

Въ это время Топталовъ поймалъ щипцы.

Топталовъ. Губы! Губы! Не поцѣлую, а съѣмъ. Цѣлуетъ Катю.

Аркадій. Ахъ, какая непріятность! Съ кѣмъ же это она цѣлуется? Идетъ къ средней двери. Клавдія!

Клавдія. Кто такая Клавдія?

Аркадій. Одна старушка. Хочетъ отворить дверь.

Клавдія. Не уходи, пускай она цѣлуется.

Аркадій. Оставь меня, какъ она смѣетъ цѣловаться. Распахиваетъ дверь. Клавдія! Видитъ двухъ коломбинъ.

Топталовъ Аркадію. Вы развратный человѣкъ, прежде всего!

Аркадій. Вы тутъ зачѣмъ?

Топталовъ. Я утѣшаю. А вы зачѣмъ?

Аркадій. Вонъ изъ моей комнаты!

Топталовъ. Не кричать. Не боюсь!

Аркадій. А, вы такъ.

Топталовъ. Да, я эдакъ. Бѣгаютъ вокругъ стола.

Катя. Ай, ай, ай! у нея падаетъ маска.

Аркадій. Катя!

Топталовъ. Молокососъ, стихоплетъ! убѣгаетъ въ коридоръ, Аркадій бѣжитъ за нимъ. Въ комнату, гдѣ Клавдія, входитъ Петровъ, одѣтый пьеро.

Петровъ. Что это такъ шумятъ? Катя, ты здѣсь, милочка. Я тебя просилъ не ходить къ постороннимъ; не успѣешь отвернуться, непремѣнно у мужчины сидишь.

Клавдія. Я не Катя, а ваша жена здѣсь съ моимъ мужемъ.

Петровъ. Вотъ видите, васъ тоже обманываютъ. Все-таки это очень непріятно, Катя меня постоянно обманываетъ, я прощаю, прощаю, только бы жила со мной. А за послѣднее время ни на что не похоже, каждый день удираатъ. Я ужъ думаю, не измѣнить ли мнѣ тоже самое. Давайте, уѣдемъ, насолимъ имъ обоимъ хорошенько.

Клавдія. Хорошо, поѣдемте кататься на острова. Скорѣе, скорѣе. Беретъ его подъ руку. Черезъ среднюю дверь вбѣгаетъ Катя.

Катя. А, вы моего любовника отбили, хотите мужа отбить. Хватаетъ мужа за руку. Какъ ты смѣешь разговаривать съ женщиной? А, ты меня обманываешь! Уводитъ его въ двери. Иди, иди.

Петровъ. Катенька, я окончательно отъ [illegible]. А съ тобой мнѣ гораздо пріятнѣе. Вмѣстѣ.

Катя Клавдіи. Какъ вамъ не стыдно завлекать порядочнаго, тихаго человѣка. Молчите! Какъ смѣете вмѣшиваться въ семейныя отношенія.

Петровъ, высовываясь изъ двери. Тамъ идетъ какое-то объясненіе. Катя, идемъ отсюда.

Катя. Клавдіи. Прощайте. Благодарите, что такъ обошлось, а впередъ берегитесь съ чужими мужьями. Уводитъ мужа.

Клавдія. Ахъ, негодница!

Черезъ лѣвую комнату въ среднюю дверь вбѣгаетъ Аркадій.

Аркадій, держа въ рукѣ кусокъ сюртука. Вотъ я ему показалъ! Клавдія снимаетъ маску. Ты!

Клавдія. Я.

Аркадій. Странно.

Клавдія. Очень странно.

Аркадій. Ты очень мила.

Клавдія. Ахъ, вотъ какъ.

Аркадій. Ты какая-то другая. Къ тебѣ очень идетъ костюмъ коломбины.

Клавдія. Мнѣ тоже это кажется.

Аркадій. Такъ это мы поцѣловались?

Клавдія. Поцѣловались.

Аркадій. Клавдія, ты должна всегда быть коломбиной.

Клавдія. Коломбина очень вѣтрена.

Аркадій. Все равно.

Клавдія. И капризна.

Аркадій. Я тебя люблю.

Клавдія, которая въ это время заперла на ключь стеклянную дверь, подходитъ къ средней. Ты согласенъ, хорошо, я буду легкомысленна, нѣжна, вѣтрена, весела, страшно капризна; вѣдь коломбина самая прекрасная, но самая измѣнчивая женщина на свѣтѣ.

Аркадій. Конечно, согласенъ. Говори еще, твой голосъ, какъ музыка.

Клавдія. Но и тебѣ, другъ мой, нужно быть всегда влюбленнымъ, веселымъ и изящнымъ.

Аркадій. Поди-ка ты ко мнѣ.

Клавдія. Беретъ лампу, уходитъ въ среднюю дверь и затворяетъ ее. Нѣтъ, я хочу тебя наказать!

Аркадій бросаясь къ запертой двери. Отопри! Я не понимаю! что ты задумала?

Клавдія. Ревность и гнѣвъ—это мѣщанство. Ревнуетъ ку-

печеская дочь, сторожиха, поповна. А я жена поэта. Прощай! Раскрываетъ окно; снѣгъ падаетъ сквозь электрическій свѣтъ, голоса, музыка. Ряженые, ряженые! На подоконникъ впрыгиваетъ арлекинъ, показываются маски. Арлекинъ, ты весь въ снѣгу. Арлекинъ цѣлуетъ ее, увлекаетъ за окно.

Аркадій стучитъ въ дверь. Я тоже хочу съ вами, возьмите меня... Клавдія... Клавдія, не смѣй его цѣловать... Выпустите меня. Я больше не буду. Схватывается за волосы, стоитъ въ отчаяніи; все затихло, въ лѣвую комнату входитъ осторожно Топталовъ, въ рукѣ у него полѣно, оглядывается, потомъ кладетъ полѣно и осторожно отворяетъ среднюю дверь, заглядываетъ; Аркадій тоже вытягиваетъ голову изъ-за стѣны; они сталкиваются и, вскрикнувъ, отскакиваютъ.

Занавѣсъ.

Владиславъ Ходасевичъ.

МЫШИ.

I.

ВОРОЖБА.

Догорѣлъ закатъ за рѣчкой.
Загорѣлись три свѣчи.
Стань, подруженька, за печкой,
Трижды ножкой постучи.

Пусть опять на зовъ твой мыши
Придутъ вечеръ коротать.
Только нужно жить потише,
Не шумѣть и не роптать.

Есть предѣлъ земнымъ томленьямъ,
Не горюй и слезъ не лей.
Съ чистымъ сердцемъ, съ умиленьемъ
Дорогихъ встрѣчай гостей.

Въ сонный вечеръ, въ домѣ старомъ,
Въ кругѣ зыбкаго огня,
Помолись-ка нашимъ Ларамъ
За себя и за меня.

Свѣчи гаснутъ, розы вянутъ,
Даже пѣснѣ есть конецъ,—
Только мыши не обманутъ
Истомившихся сердецъ.

II.

СЫРНИКЪ.

Милый, вѣрный Сырникъ, другъ незамѣнимый,
Гость, всегда желанный въ домикѣ моемъ!
Томно вѣютъ весны, долго длятся зимы,
Вѣчно я тоскую по тебѣ одномъ.

Знаю: каждый вечеръ робко скрипнетъ дверца,
Зашуршатъ обои—и приходишь ты
Ласковой бесѣдой веселить мнѣ сердце
Въ часъ отдохновенья, мира и мечты.

Ты не раздѣляешь слишкомъ пылкихъ бредней,
Любишь только сыръ, швейцарскій и простой,
Рѣдко ходишь дальше кладовой сосѣдней,
Учишь жизни ясной, бѣдной и святой.

Заведу ли рѣчь я о Любви, о Мірѣ —
Ты свернешь искусно на любимый путь:
О дѣлахъ подпольныхъ, о насущномъ сырѣ,—
А въ окно струится голубая ртуть...

Другъ и покровитель, честный собесѣдникъ,
Стереги мой домикъ до разсвѣта дня...
Дорогой учитель, мудрый проповѣдникъ,
Обожатель сыра, не оставь меня!

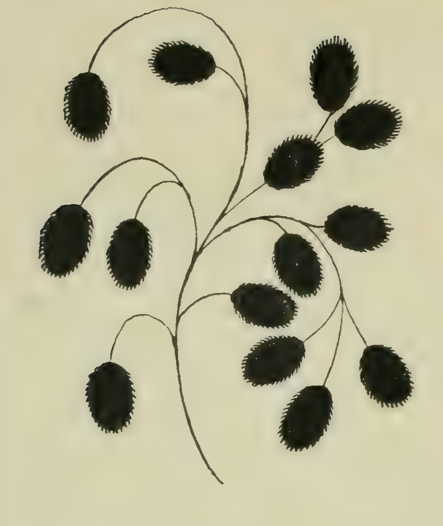
III.

МОЛИТВА.

Всѣ былыя страсти, всѣ тревоги
Навсегда забудь и затаи...
Вамъ молюсь я, маленькіе боги,
Добрые хранители мои.

Скромныя примите приношенья:
Ломтикъ сыра, крошки со стола...
Больше нѣтъ ни страха, ни волненья,—
Счастье входитъ въ сердце, какъ игла.

ЦАРЕВНѢ ИЗЪ СТРАХОВОЙ КОНТОРЫ.

А. А. Р.

Въ прокуренной конторской комнатѣ
И мысли, и слова молчатъ.
Я знаю — Вы меня не вспомните
И мой благоговѣйный взглядъ.

Мнѣ странны эти лица вялыя
И равнодушныя — близъ Васъ,
Когда горитъ улыбка алая
И влажный свѣтъ зеленыхъ глазъ.

Чужая всѣмъ, необычайная —
Царевна Вы какой страны?
Какою колдовскою тайною
Вы полисамъ обречены?

Вотъ здѣсь, подъ сумрачными сводами,
Вѣка далекіе близки, —
Повелѣвали Вы народами
Движеньемъ царственнымъ руки.

Какая жизнь была извѣдана?
Мечтаете о чемъ Вы здѣсь?
Какимъ велѣніямъ Вы преданы.
И годы, и вчера, и днесь?

Ахъ, если Вы царевна спящая,
Кто расколдуетъ плѣнный сонъ!
Терзай меня, мечта скорбящая —
Я снова твой, я осужденъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

И. Ѳ. АННЕНСКІЙ.

1. Меланиппа-Философъ. Трагедія. Спб. 1901 г.
2. Тихія пѣсни (Ник. Т-о) съ приложеніемъ сборника стихотворныхъ переводовъ „Парнасцы и Проклятые". Спб. 1903 г.
3. Царь Иксіонъ, трагедія съ музыкальными антрактами. Спб. 1904 г.
4. Ѳ. М. Достоевскій. Изд. „Обновленіе". Казань. 1906 г.
5. Первая Книга Отраженій. — Проблема Гоголевскаго юмора. Достоевскій до катастрофы. Умирающій Тургеневъ. Три соціальныхъ драмы. Драма настроеній. Бальмонтъ-лирикъ. — Изд. Бр. Башмаковыхъ. Спб. 1906 г.
6. Вторая Книга Отраженій. — Изнанка поэзіи. Бѣлый экстазъ. Іуда. Гейне прикованный. Проблема Гамлета. Брандъ-Ибсенъ. Искусство мысли. (Съ чертежомъ). Изд. Стасюлевича. Спб. 1909 г.
7. Театръ Еврипида. Полный стихотворный переводъ съ греческаго всѣхъ пьесъ и отрывковъ, дошедшихъ до насъ подъ этимъ именемъ. Въ трехъ томахъ, съ двумя введеніями, статьями объ отдѣльныхъ пьесахъ и объясн. указ. Вышелъ т. I. Изд. т-ва „Просвѣщеніе". Спб. 1909 г.
8. Кипарисовый ларецъ. Вторая книга стиховъ (посмертная). К-во „Грифъ". Москва. 1910 г.
9. Фамира-Кифаредъ. Вакхическая драма. Изд. В. И. Португалова (посмертное). Москва. 1903 г. (100 нумерованныхъ экземпл.).

Пушкинъ и Царское Село, — въ продажѣ нѣтъ.

Античный миѳъ въ современной французской поэзіи, — въ продажѣ нѣтъ.

Н. Я. АБРАМОВИЧЪ.

1. — Человѣкъ завтрашняго дня — Очеркъ философскаго ученія Ницше. Изд. „Прометей". Спб.
2. — Творчество и жизнь. Сборникъ 1-й статей. Изд. „Трудъ" Скирмунта. Спб.
3. — Художники и мыслители. Сборникъ 2-ой статей. Изд. „Заря". Москва.
4. — Въ осеннихъ садахъ. Критическіе очерки. Москва. Заря.
5. — Женщина и міръ мужской культуры. — „Свободный путь". Москва.
6. — [illegible] Москва.
7. — Печатается и скоро выйдетъ — [illegible] древней и народной поэзіи до нашихъ дней).
8. — Готовятся къ печати монографіи — „Христосъ Достоевскаго". „Религія Толстого".

СЕРГѢЙ АУСЛЕНДЕРЪ.

Золотыя яблоки". Первая книга разсказовъ. изд. „Грифъ". Москва. 1908 г.
Вторая книга разсказовъ. Изд. „Аполлонъ". Спб. 1912 г.
„Послѣдній спутникъ". Романъ въ 3-хъ частяхъ, изд. К. Ѳ. Некрасова. Москва 1913 г.
„Золотыя яблоки". Разсказы, изд. „Грифъ". Второе изданіе. Москва. 1914.

К. Д. БАЛЬМОНТЪ.

Подъ сѣвернымъ небомъ. Элегіи, стансы, сонеты. Спб. 1894.
Въ безбрежности. Изд. 2. Москва. 1896 г.
Тишина. Лирическія поэмы. Спб. 1898.
Горящія зданія. Лирика современной души. Москва. 1900.
Будемъ какъ Солнце. Книга символовъ. Москва. 1903. К-во „Скорпіонъ".
Только любовь. Семицвѣтникъ. М. 1903. К-во „Грифъ".
„ „ II изданіе. Москва. 1908. К-во „Грифъ".
Литургія красоты. Стихійные гимны. Москва. 1905. К-во „Грифъ".
Фейныя сказки. Дѣтскія пѣсенки. Москва. 1905. К-во „Грифъ".
Горныя вершины. Статьи. Искусство и литература. Москва. 1904. К-во „Грифъ".
Злыя чары. Книга заклятій. Москва. 1906. Изд. „Золотого Руна".
Жаръ-Птица. Свирѣль славянина. Москва. 1907. К-во „Скорпіонъ".
Зеленый вертоградъ. Слова поцѣлуйныя. Спб. 1909. Изд. „Шиповникъ".
Морское свѣченіе. Статьи и стихи. Спб. 1909. Изд. Вольфа.
Зовы древности. Гимны, пѣсни и замыслы древнихъ. Спб. Изд. „Пантеонъ".
Зарево зорь. Стихи Москва. 1912. К-во „Грифъ".
„ „ II изданіе. Москва. 1914. К-во „Грифъ"
Птицы въ воздухѣ. Строки напѣвныя. Москва.
Хороводъ временъ. Всегласность. Москва.
Змѣиные цвѣты. Путевыя письма изъ Мексики. Москва. 1910. К-во „Скорпіонъ".
Звенья. Избранные стихи. 1890—1912. Москва. 1913. К-во „Скорпіонъ".
Полное собраніе стиховъ. (Отдѣльные томы, повторенные нѣск. изданіями.) Москва. К-во „Скорпіонъ".
Томъ I. Подъ сѣвернымъ небомъ. Въ безбрежности. Тишина.
„ II. Горящія Зданія. Лирика современной души.
„ III. Будемъ какъ Солнце. Книга символовъ.
„ IV. Только Любовь. Семицвѣтникъ.
„ V. Литургія Красоты. Стихійные гимны.
„ VI. Фейныя сказки. (Дѣтскія пѣсенки.) Злыя Чары. (Книга заклятій.)
„ VII. Жаръ-Птица. Свирѣль Славянина.
„ VIII. Зеленый Вертоградъ. Слова поцѣлуйныя.
„ IX. Птицы въ воздухѣ. Строки напѣвныя.
„ X. Хороводъ Временъ. Всегласность.
Край Озириса. Египетскіе очерки. 1913 г.

Переводы.

Кальдеронъ. Сочиненія. Выпускъ I-й. (Двѣ статьи о Кальдеронѣ и его драма „Чистилище св. Патрика".) М. 1900, изд. М. и С. Сабашниковыхъ. Вып. II-й Философскія и героическія драмы. (1. Жизнь есть сонъ.—2. Поклоненіе Кресту.—3. Стойкій принцъ.—4. Любовь послѣ смерти.—5. Четыре статьи о Кальдеронѣ, примѣчанія и книголюбительскія приложенія.) М. 1902. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. Вып. III-й. Драмы ревности и лести. (1. Врагъ своей чести.—2. За тайное оскорбленіе тайная месть. 1912 г.—3. Возлюбленная Гомеса Аріаса).

[illegible]
[illegible] Москва [illegible] „Скорпіонъ“.
Гофманъ. Котъ Мурръ. [illegible]
Горнъ. Исторія скандинавской литературы. [illegible]
Гаспари. Исторія итальянской литературы. Т. I [illegible] Т. II [illegible]
    Возрожденія.
Уольтъ Уитманъ. Побѣги травы. 1911. Москва. Изд. „Скорпіонъ“.
[illegible]
    [illegible]
[illegible] 1911.
Эдгаръ По. Собраніе сочиненій. Москва. К-во „Скорпіонъ“.
    Томъ I. Поэмы, сказки.
    „ II. Разсказы, статьи, афоризмы.
    „ III. Страшные разсказы, гротески.
    „ IV. Необычайныя приключенія.
    „ V. Эврика. Письма. Біографія.
Марло. Трагическая исторія доктора Фауста. Москва. Изд. [illegible]
Изъ чужеземныхъ поэтовъ. Избранныя стихотворенія [illegible] Изд.
    „Просвѣщеніе“ 1908.
Шелли. Полное переработ. собраніе сочиненій. Спб. Изд. тов. „Знаніе“.

Томъ первый (1903 г.).

1. Лирика. 186 стихотвореній.
2. Царица Мабъ. Поэма.
3. Примѣчанія Шелли къ „Царицѣ Мабъ“.
5. Демонъ міра. Поэма.
4. Аласторъ. Поэма. Геліогравюра Дюфардэна, изображающая Шелли. Пояснительныя примѣчанія К. Д. Бальмонта.

Томъ второй (1904 г.).

1. Возмущеніе Ислама. Лаонъ и Цитна. Поэма.
2. Царевичъ Атаназъ. Отрывокъ.
3. Строки, написанныя среди Евганейскихъ холмовъ.
4. Розалинда и Елена. Современная эклога.
5. Юліанъ и Маддало. Бесѣда.
6. Освобожденный Прометей. Лирическая драма.
7. Ченчи. Трагедія. Пояснительныя примѣчанія К. Д. Бальмонта.

Томъ третій.

1. Маскарадъ анархіи. Поэма.
2. Письмо къ Маріи Джисборнъ. Въ стихахъ.
3. Волшебница Атласа. Поэма.
4. Эпипсихидіонъ. Поэма.
5. Адонаисъ. Элегія.
6. Эллада. Лирическая драма.
7. Отрывки неоконченной драмы.
8. Карлъ первый. Драматическіе отрывки.
9. Торжество жизни. Поэма.
10. Повѣствовательные отрывки.

11. Статьи. Пояснительныя примѣчанія К. Д. Бальмонта. Очеркъ жизни Шелли, Э. Даудена. (Въ основаніе полнаго перераб. собр. сочиненій Шелли легли вышедшіе ранѣе въ переводѣ К. Бальмонта въ періодъ 1893—1900 г. десять выпусковъ переводовъ изъ Шелли. Изданы частью въ Москвѣ, частью—въ Спб. безъ обозначенія издателя).

Подъ редакціей К. Д. Бальмонта.

Гауптманъ. Сочиненія. Три тома. Т. I. Изд. кн. маг. „Трудъ". Москва. 1900. Т. II. (1903) и т. III. изд. С. Скирмунта. Москва.

Зудерманъ. Сочиненія. Два тома.

утеръ. Исторія живописи. Три тома. Спб. Изд. „Знанія".

О. Уайльдъ. Саломея. Москва. 1904. К во „Грифъ".

АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ.

I. Сборники стиховъ.

1. Стихи о Прекрасной Дамѣ. Первый сборникъ. Москва, 1905. Изд. „Грифъ". Обложка В. Владимірова.
2. Нечаянная Радость. Второй сборникъ. Москва, 1907. Изд. „Скорпіонъ". Украшенія В. Миліоти.
3. Снѣжная Маска. Поэма. Спб., 1907. Изд. „Оры". Фронтисписъ Л. Бакста.
4. Земля въ снѣгу. Третій сборникъ. Москва, 1908. Изд. „Золотое Руно". На обложкѣ рисунокъ Е. Лансере.
5. Ночные часы. Четвертый сборникъ. Москва, 1911. Изд. „Мусагетъ."
6. Круглый годъ. Стихи для дѣтей. Москва, 1912. Изд. Сытина. Рисунки Г. Алексѣева.
7. Сказки. Стихи для дѣтей. Москва, 1912. Изд. Сытина. Рисунки Г. Алексѣева.

II. Собраніе стихотвореній.

Собраніе стихотвореній въ трехъ книгахъ. Москва, изд. „Мусагетъ".

1. Стихи о Прекрасной Дамѣ. Изданіе второе, дополненное. 1911 г.
2. Нечаянная Радость. Изданіе второе, дополненное. 1912 г.
3. Снѣжная Ночь. 1912 г.

III. Театръ.

Лирическія драмы: Балаганчикъ, Король на площади, Незнакомка. Спб. 1908 г. Изд. „Шиповникъ". Обложка К. Сомова. Съ приложеніемъ музыки къ „Балаганчику" М. Кузьмина.

IV. Переводъ.

Праматерь, трагедія Ф. Грильпарцера, переводъ размѣромъ подлинника. Спб. 1908. Изд. „Пантеонъ". Съ приложеніемъ портрета Грильпарцера и рисунка.

АЛЕКСАНДРЪ БРЮСОВЪ.

1. „По бездорожью". Стихи. Москва. 1907 г.

Переводы.

1. Бласко Ибаньесъ. Луна Бенаморъ. Романъ. Переводъ съ испанскаго. Москва. 1910 г. К-во „Польза".
2. Семъ Бенелли. Ужинъ Шутокъ. Драматическая поэма. Перев. съ итальянскаго. Москва. 1911. К-во „Грифъ".

3. Томмасо [illegible] Кампанелла [illegible] Перев. съ итальянскаго. Съ предисловіемъ Валерія Брюсова. Москва. 1913 [illegible]
4. Э. д'Амичисъ. Дневникъ школьника. Перев. съ итальянскаго. Москва. 1913 г. К-во „Польза“.

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ.

I. Сборники стиховъ.

1. Chefs d'Œuvre. Москва. 1895. (2-е изд. Москва. 1896).
2. Me eum esse. Москва. 1897.
3. Tertia Vigilia. Москва. 1900.
4. Urbi et Orbi. Москва. 1903.
5. Stephanos. Москва. 1906.
6. Всѣ напѣвы. Москва. 1909.
7. Зеркало тѣней. Москва. 1912.
8. Sed non satiatus. (Печатается).
9. Девятая Камена. (Готовится).

II. Повѣсти, разсказы, драмы.

1. Земная Ось. Разсказы и драматическія сцены. Москва. 1907. (2-е изд. Москва. 1910).
2. Огненный Ангелъ. Повѣсть XVI в. Москва. 1908. (2-е изд. Москва. [illegible]).
3. Ночи и дни. Вторая книга разсказовъ и драматическихъ сценъ. Москва. 1912.
4. Алтарь Побѣды. Повѣсть IV вѣка. 2 тома. Москва. 1913.
5. Семь земныхъ соблазновъ. Повѣсть изъ будущей жизни. (Готовится).

III. Изслѣдованія, статьи.

1. О искусствѣ. Москва. 1899.
2. Лицейскіе стихи Пушкина. Москва. 1907.
3. Письма Пушкина и къ Пушкину. (Редакція и примѣчанія). Москва. 1907.
4. Испепеленный. Къ характеристикѣ Гоголя. Москва. 1909 (2-е изд. Москва. 1910).
5. Великій Риторъ. Жизнь и сочиненія Авсонія. Москва. 1911.
6. Далекіе и близкіе. Статьи и замѣтки о русскихъ поэтахъ.
7. За моимъ окномъ. Москва. 1913.
8. Цѣпь. Статьи по русской и иностранной литературѣ. (Печатается).

IV. Переводы.

1. Поль Верлэнъ. Романсы безъ словъ. Москва. 1894.
2. Морисъ Мэтерлинкъ. Избіеніе младенцевъ. Москва. [illegible]
3. Эмиль Верхарнъ. Стихи о современности. Москва. 1906.
4. Морисъ Мэтерлинкъ. Стихи. Пеллеасъ и Мелизанда. Москва. 1907.
5. Габріэль д'Аннунціо. Франческа да Римини. Спб. 1908. (2-е изд. [illegible] 1911).
6. Французскіе лирики XIX вѣка. Спб. 1909. (2-е изд.—Спб. [illegible]).
7. Поль Верлэнъ. Собраніе стиховъ. Москва. 1911.
8. Оскаръ Уайльдъ. Герцогиня Падуанская. Москва. 1911. (2-е изд.—Спб. 1912).
9. Эдгаръ По. Собраніе стиховъ. (Готовится).

V. Собраніе сочиненій.

1. Пути и Перепутья. Собраніе стиховъ. Томъ I: Chefs d'Œuvre (3 изд.). Me eum esse (2 изд.); Tertia Vigilia (2 изд.). Москва. 1908. Томъ II: Urbi et Orbi (2 изд.); Stephanos (2 изд.). Москва. 1908. Томъ III: Всѣ напѣвы. Москва. 1909.

2. Полное собраніе сочиненій. и переводовъ. Томъ I: Юношескія стихотворенія (1 изд.); Chefs d'Œuvre (4 изд.); Me eum esse (3-е изд.). Спб. 1912. Т. II: Tertia Vigilia (3 изд.). Спб. 1913. Томъ XII—XIII: Алтарь Побѣды. Спб. 1913. Томъ XXI: Французскіе лирики XIX вѣка (2-е изд.). Спб. 1913.

Библіографія Валерія Брюсова 1889—1912 г. Составлена к-вомъ „Скорпіонъ", Москва. 1913.

АНДРЕЙ БѢЛЫЙ.

Симфонія. (2-я, драматическая). К-во „Скорпіонъ", Москва. 1902.
Сѣверная симфонія. (1-я, героическая). К-во „Скорпіонъ", Москва. 1903.
Золото въ лазури. Первая книга стиховъ. К-во „Скорпіонъ", Москва. 1904.
Возвратъ. (3-я симфонія). К-во „Грифъ", Москва. 1904.
Кубокъ Метелей. (4-я симфонія). К-во „Скорпіонъ", Москва. 1908.
Пепелъ. Вторая книга стиховъ. К-во „Шиповникъ", Спб. 1909.
Урна. Третья книга стиховъ. К-во „Грифъ", Москва. 1909.
Символизмъ. Сборникъ статей. К-во „Мусагетъ", Москва. 1910.
Серебряный голубь. Повѣсть. К-во „Скорпіонъ", Москва. 1910.
Лугъ зеленый. Книга статей. К-во „Альціона", Москва. 1910.
Арабески. Книга статей. К-во „Мусагетъ", Москва. 1911.
Трагедія творчества. (Достоевскій. Толстой). К-во „Мусагетъ", Москва. 1912.
Кубокъ Метелей. 2-е изд. К-во „Грифъ". Москва. 1914.

А. ВИЛЬКИНА.

Мой садъ. Сонеты и разсказы. М. 1906. К-во Грифъ.

МАКСИМИЛІАНЪ ВОЛОШИНЪ.

1900—1910, книга стиховъ. Обложка А. Арнштама. Фронтисписы и рисунки К. Ѳ. Богаевскаго. Москва. 1910 К-во. Грифъ.

ВИКТОРЪ ГОФМАНЪ.

„Книга вступленій". Стихи. 1905. Москва. Изд. журнала „Искусство".
„Искусъ". Стихи. 1909. Изд. Вольфа.
„Любовь къ далекой". Книга разказовъ. (Посмертное изданіе). 1911. Спб. изд. „Новаго Журнала для Всѣхъ".

АЛЕКСАНДРЪ ДІЕСПЕРОВЪ.

Стихотворенія. 1911. Москва. К-во Грифъ.

ВЯЧЕСЛАВЪ ИВАНОВЪ.

Кормчія Звѣзды. Книга лирики. Спб. 1903. 380 стр.
Прозрачность. Книга лирики. 1904. Москва, изд. „Скорпіонъ". 170 стр.
Эросъ. Книга лирики. Спб. 1907, изд. „Оры". 86 стр.
Cor Ardens. Пять книгъ лирики въ двухъ томахъ. Москва. 1911, изд. „Скорпіонъ": томъ I (Cor Ardens, Speculum Speculorum, Эросъ и Золотыя Завѣсы) — 234 стр.; томъ II (Любовь и Смерть, Rosarium) — 220 стр.
Нѣжная Тайна. Лепта. Двѣ книги лирики. Спб. 1912, изд. „Оры". 119 стр.

По [illegible] „Оры“ 158 стр.

По [illegible] 1911, изд. [illegible] Архива [illegible]

[illegible]

[illegible] Трагедія. „Сѣверные цвѣты“ [illegible]

[illegible] „Гомеръ“. Москва. 1912, изд. „Оры“.

[illegible] 1904 г. и Вопросы Жизни“ за 1905 г.

[illegible] 1913, изд. „Міръ“.

[illegible] Поэма Байрона. Введеніе и переводъ [illegible] ред. Венгерова. Байронъ, т. III“.

[illegible] за 1899 г.

Печатается

Борозды и Межи. Опытъ эстетическій и критическій. Москва. Изд. „Мусагетъ“.

[illegible] „Мусагетъ“.

[illegible] Переводъ и введеніе. Москва. [illegible] („Памятники Всемірной Литературы“).

А. А. КОНДРАТЬЕВЪ

Стихи. Спб. 1905 г. Обложка работы С. Панова.

Сатиресса. Миѳологическій романъ. Москва. 1907 г. К-во „Грифъ“. Обложка работы Я. Бельзена.

Бѣлый козелъ. Миѳологическіе разсказы. Спб. 1908 г. Обложка работы С. Панова.

[illegible] Вторая книга стиховъ. Спб. 1909 г. Обложка работы Я. Бельзена.

Улыбка Ашеры. Вторая книга разсказовъ. Спб. 1911 г.

Статьи.

Графъ А. К. Толстой. Матеріалы для исторіи жизни и творчества. Съ тремя портретами и автографомъ Спб. 1912. К-во „Огни“.

Переводы.

Пьеръ Луисъ. Пѣсни Билитисъ. Спб. 1907 г. (Распродано).

„ „ 2-е изданіе Т-ва М. О. Вольфъ. Спб. 1911. (Конфисковано).

Готовится къ печати:

Третій сборникъ разсказовъ.

Сатиресса. 2-е изданіе К-ва „Грифъ“ 1914 г. Москва.

СЕРГЕЙ КРЕЧЕТОВЪ

Алая книга. Стихи, Москва. 1907. (Конфисковано).

Летучій Голландецъ. Стихи. Обложка А. Арнштама. Москва. 1910.

[illegible]

ВЛАДИМІРЪ ЛИНДЕНБАУМЪ.

Въ 1904 году издалъ въ Ярославлѣ сборникъ стиховъ „Уклоны", напечатанный въ количествѣ 100 экз. и въ продажу не поступившій.

А. МИРОПОЛЬСКІЙ.

„Лѣствица". Поэма. К-во Скорпіонъ. Москва. 1902.
„Вѣдьма" и „Лѣствица". Поэмы. К-во Грифъ. Москва. 1905.

ИВАНЪ НОВИКОВЪ.

Стихи.

1) Духу Святому, первая книга стиховъ, изд. Грифъ, Москва. 1908 г. Обложка Н. П. Крымова.
2) Дыханіе земли, вторая книга стиховъ, изд. „Искусство и печатное дѣло" 1910 г. Обложка и рисунки въ текстѣ Г. Бурданова и Золотова.
3) Стихи дѣтямъ, изд. Сытина, 1913 г. Обложка и рисунки Комарова.
4) Вероника, третья книга стиховъ. (Выходитъ въ началѣ 1914 г.).

Проза.

1) Исканія, Изд. Фукса, 1904 г. (распродано).
2) Къ возрожденію, первая книга разсказовъ, изд. Скирмунта, 1906 г. (уничтожена по постановленію суда).
3) Изъ жизни духа, романъ, изд. С. Скирмунта, 1906 г. (распродано).
4) Золотые кресты, романъ, изд. автора, 1909 г. (распродано).
5) Разсказы (1905—1912 г.), изд. „Книгоиздательство писателей", 1912 г.
6) Домъ Оремьовскихъ, романъ въ двухъ частяхъ. (Выходитъ въ началѣ 1914 г.).

НИНА ПЕТРОВСКАЯ.

Sanctus amor. Книга разсказовъ. Москва. 1908. К-во Грифъ.
Разбитое зеркало. Вторая книга разсказовъ. (Готовится).

НИКОЛАЙ ПОЯРКОВЪ.

„Солнечныя пѣсни". Стихи. Москва 1906 г.
„Поэты нашихъ дней". Критич. этюды Москва. 1907 г.
„Стихи". Книга II. Москва. 1908 г.
„Разсказы". Томъ I. Москва. 1909.

А. М. РЕМИЗОВЪ.

1) Собраніе сочиненій въ 8 законченныхъ томахъ съ портретомъ автора (рис. М. В. Сабашниковой) и указателями: азбучнымъ и хронологическими. Изд. „Сиринъ". Спб. 1910—1912 гг.

Томъ 1. Неуемный бубенъ. Царевна Мымра. Чортикъ. Судъ Божій. Жертва. Занофа. Слоненокъ.
„ 2. Часы. Въ плѣну. Пожаръ.
„ 3. Крѣпость. Святой вечеръ. Безъ пяти минутъ баринъ. Придворный ювелиръ. Серебряныя ложки. Музыкантъ. Опера. Казенная дача. Эмаліоль. Новый годъ. Бебка. Бѣдовая доля.
„ 4. Прудъ.

[illegible]

БОРИСЪ САДОВСКОЙ.

Позднее утро. Стихотворенія 1904—1908. Москва 1909.
[illegible]
Узоръ чугунный. Разсказы. К-во Альціона. Москва 1911.
[illegible] К-во Альціона. Москва. (Печатается).
Русская Камена. Статьи: [illegible] — А. А. Фетъ. [illegible] К-во „Мусагетъ". Москва. 1910.
А. А. Фетъ. Жизнь и творенія. (Хронологическая канва). Москва. К-во „Мусагетъ". Печатается.

ѲЕДОРЪ СОЛОГУБЪ.

I. Отдѣльныя книги.

1. Стихи. Книга первая. Спб. 1896 г.
2. Тяжелые сны. Романъ. Спб. 1896 г.— 2 изд. 1905 г. — 3 изд. „Шиповникъ". [illegible]
3. Тѣни. Разсказы и стихи. Спб. 1896.
4. Собраніе стиховъ. Книга III и IV. К-во „Скорпіонъ" Москва, 1904 г.
5. Жало смерти. К-во „Скорпіонъ". Москва. 1904. г.
6. Книга сказокъ. К-во „Грифъ". Москва. 1905 г.
7. Родинѣ. Стихи. Книга 5. Спб. 1906 г.
8. Политическія сказочки. Изд. „Шиповникъ". Спб. 1906 г.
9. Змій. Стихи. Книга 6. Спб. 1907 г.
10. Мелкій бѣсъ. Романъ. Изд. „Шиповникъ". Спб. 1907 г. — 2 изд. 1908 г. — 3 изд. 1908 г. — 4 изд. 1909. г.
11. Истлѣвающія личины. Разсказы. Изд. „Грифъ". Москва. 1907 г.
12. Литургія Мнѣ. Мистерія. Москва. 1907 г.
13. Побѣда Смерти. Трагедія въ 3 дѣйствіяхъ съ прологомъ. Изд. „Факелы", Д. К. Тихомирова. Спб. 1907 г.
14. [illegible] Изд. „Шиповникъ". [illegible]
15. Пламенный кругъ. Стихи, книга 8. Изд. „Золотого Руна". Москва. 1908 г.
16. Книга очарованій. Изд. „Шиповникъ". Спб. 1909 г.
17. [illegible]
18. Собраніе сочиненій. Изд. „Шиповникъ". [illegible]
19. „ „ „ Сиринъ, т. I — XVI.

II. Переводныя книги.

1. Поль Верленъ. Стихи, избранные и переведенные Ѳ. Сологубомъ. - Стихи, книга 7. Изд. „Факелы", Д. К. Тихомирова. Спб. 1907.
2. Вольтеръ. Кандидъ. Изд. „Пантеонъ". Спб. 1909.
3. [illegible]

ВИКТОРЪ СТРАЖЕВЪ.

Opuscula. Стихи и проза. Москва. 1904 г. 162 стр.
О печали свѣтлой. Стихи. К-во „Заратустра". Москва. 1907 г. 54 стр.
Путь голубиный. Лирическая повѣсть. К-во „Панъ". Москва. 1908 г. 46 стр.
О Метерлинкѣ, Синей Птицѣ и Вѣчномъ Младенцѣ. Діалогъ. К-во „Панъ". Москва 1908 г. 82 стр.
Стихи. 1904—1909. Томъ первый. Москва. 1910 г. 136 стр.
Разсказы. 1906—1910. Томъ второй. К-во „Метели". Москва. 1911 г. 105 стр.
За синей далью. Стихи, разсказы, пьесы. Книга для дѣтей. Изд. I. Н. Кнебель. (Печатается).

ИГОРЬ СѢВЕРЯНИНЪ.

Громокипящій кубокъ. Поэзы. Предисловіе Ѳ. Сологуба. Москва. 1913. К-во Грифъ.
То же. II изданіе. Москва. 1913. К-во Грифъ.
Златолира. Поэзы. Москва. К-во Грифъ. (Печатается).

АЛЕКСАНДРЪ ТИНЯКОВЪ. (ОДИНОКІЙ).

Navis nigra. Стихи. Москва. К-во Грифъ

ГР. АЛЕКСѢЙ Н. ТОЛСТОЙ:

1) Сорочьи сказки. Изд. Общественная Польза. Спб. 1910.
2) За синими рѣками. Изд. Грифъ. Москва. 1911.
3) Повѣсти, т. I. Изд. Шиповникъ. Спб. 1911.
4) Повѣсти, т. II. Изд. Шиповникъ. Спб. 1912.
5) Разсказы, т. III. Изд. К-во пис. въ Москвѣ. Москва. 1913.
6) Двѣ жизни (романъ). Альманахъ. Изд. Шиповникъ.
7) Хромой баринъ (романъ). Альманахъ. Изд. т-ва писателей. Спб. 1912.
8) Овражки (повѣсть). Альманахъ. К-во писателей. Москва. 1911.
9) Насильники (комедія). 1912.
10) Актриса (комедія). 1913.

ВЛАДИСЛАВЪ ХОДАСЕВИЧЪ.

Молодость». Стихи. К-во Грифъ. Москва. 1907.
Счастливый домикъ. Стихи. К-во Альціона. Москва. 1913.

Е. ЯНТАРЕВЪ.

Стихи. Москва. 1910 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ГРИФЪ“

I Альманахъ „Грифъ“. 1903. 1 р. (Распродано.)

К. Д. Бальмонтъ. Только любовь. Стихи. I изданіе. Обл. раб. М. Дурнова. р. (Распродано.)

Оскаръ Уайльдъ. Саломея. Пер. Л. и С. Андрусонъ, подъ ред. К. Д. Бальмонта. Облож. М. Дурнова. 1 р. (Распродано.)

II Альманахъ „Грифъ“ 1 р. 25 к. (Распродано.)

К. Д. Бальмонтъ. Горныя вершины. Статьи. Т. I. Искусство и литература. Обл. М. Дурнова. 2 р.

Андрей Бѣлый. Возвратъ. III симфонія. Обл. В. Владимірова. 1 р.

Ѳ. Сологубъ. Истлѣвающія личины. Книга разсказовъ. 1 р. (Распродано.)

Ѳ. Сологубъ. Книга сказокъ. Обл. М. Дурнова. 80 к.

Александръ Блокъ. Стихи о Прекрасной Дамѣ. Обл. В. Владимірова. 1 р. (Распродано.)

А. Л. Миропольскій. Вѣдьма. Лѣствица. Поэмы. Предисловіе Андрея Бѣлаго. Обложка В. Владимірова. 1 р. (Распродано.)

III Альманахъ „Грифъ“. 1 р. 30 к. (Распродано.)

Оскаръ Уайльдъ. De profundis. Записки и письма изъ Рэдингской тюрьмы. Пер. Е. Андреевой. (Распродано.)

К. Д. Бальмонтъ. Литургія красоты. Стихи. Обл. М. Сабашниковой. 2 р.

К. Д. Бальмонтъ. Фейныя сказки. Стихи. 80 к.

Оскаръ Уайльдъ. Портретъ Доріана Грея. Перев. А. Минцловой. Нумеров. изд. Рис. М. Дурнова. 3 р. (Распродано.)

Оскаръ Уайльдъ. Замыслы. Пер. А. Минцловой. Обл. раб. В. Міліоти. 1 р. 40 к.

Сергѣй Кречетовъ. Алая книга. (Конфисковано. Въ продажѣ не имѣется.)

А. Курсинскій. Сквозь призму души. Стихи и разсказы. Обл. Н. Сапунова. 1 р.

Л. Вилькина-Минская. Мой садъ. Сонеты и разсказы. Обл. раб. В. Міліоти. 1 р.

А. Кондратьевъ. Сатиресса. Миѳологическій романъ. Обл. раб. Я. Бельзена. 1 р. (Распродано.)

А. Бѣлый. Урна. Книга стиховъ. 1 р.

Нина Петровская. Sanctus amor. Разсказы. 60 к.

И. Новиковъ. Духу Святому. Стихи. Обл. раб. Н. Крымова. 1 р.

С. Ауслендеръ. Золотыя яблоки. Разсказы. Обложка и фронтисписъ А Силина. 1 р. (Распродано.)

К. Бальмонтъ. Только любовь. Стихи. II изданіе. 1 р.

О. Дымовъ. Земля цвѣтетъ. Разсказы. Обл. З. Эліасбергъ. 1 р.

С. Кречетовъ. Летучій голландецъ. Вторая книга стиховъ. Обложка А. Арнштама. 80 к.

В. Ходасевичъ. Молодость. Стихи. 70 к.

А. Мирэ. Черная пантера. Разсказы. 80 к.

Александръ Дiесперовъ. Стихотворенія. 1911. 60 к.

Максимиліанъ Волошинъ. 1900—1910. Книга стиховъ. Обложка А. Арнштама. Фронтисписы и рисунки въ текстѣ К. Ѳ. Богаевскаго. 80 к.

Редакторъ *Сергѣй Кречетовъ*.

ТРИ
РУБЛЯ